

История
Общество
Политика
2019
№1(9)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

№ 1(9)
2019

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2019. №1 (9)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 01.04.2019

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.А. Чубур - кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2019
© Коллектив авторов, 2019

**HISTORY
SOCIETY
POLICY**

N 1 (9)
2019

HISTORY. SOCIETY. POLICY. 2019. №1 (9)

Network scientific periodical.

AP: <http://www.clio-brgu.ru>. Placed on the official website of the journal: 04/01/2019

Scientific network edition, which presents the results of research in the areas of theory, methodology, historiography; history and politics: Metamorphoses and symbols of power; intellectual history; history of everyday life; historical portraits; political science: history and theory; History of International Relations; problems of teaching history.

Editorial team

Chairman of the Editorial Board: doctor of philological sciences, professor **A.V. Antyukhov**.

Editor in Chief: **S.V. Artamoshin** - doctor of historical sciences, professor, Dean of the Faculty of History and International Affairs of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Deputy Editor: **A.V. Fedin** - Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Members of the editorial board:

I.V. Alferova - doctor of historical sciences, associate professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.F. Blokhin - doctor of historical sciences, associate professor, head of the department of national history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

S.F. Blumenau - doctor of historical sciences, professor, head of the department of general history, international relations and international law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

V.I. Zolotov - Doctor of historical Sciences, Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.V. Sagimbayev - Candidate of historical Sciences, Associate Professor, Department of General History, International Relations and International Law of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

A.A. Chubur - Candidate of historical Sciences, Professor RANH, an assistant professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky;

E.A. Shinakov - doctor of historical sciences, professor of Russian history of the Bryansk State University. Acad. I.G. Petrovsky.

Responsibility for the evidence presented in this paper lies with their authors

The point of view of the authors may not coincide with the point of view of the members of the editorial board.

© Bryansk State University named after Petrovskii, 2019

© Authors, 2019

Содержание

ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ ЗАЛЕПЕЕВ (1967-2019)	
Памяти Владимира Николаевича Залепеева (20.04.1967-29.01.2019)	7
Научные и научно-методические труды Владимира Николаевича Залепеева (<i>составитель А.А. Чубур</i>)	12
НАЦИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО	
<i>Артамошин С.В.</i> . Эрнст Юнгер на Западном фронте 1939-1940 гг.	14
<i>Дорохов В.Г.</i> . Трансформация общественно-политической жизни Германии в 1933-1936 гг.	24
<i>Ермаков А.М.</i> . «Немецко-фашистское рабство» в советской культуре памяти (1945 - 1991 гг.)	32
<i>Жакронкина Е.А.</i> . Денацификация послевоенной Германии: американский опыт	47
<i>Корнева Л.Н.</i> . Нацистский режим: взаимоотношения партии и государства (историографический аспект)	57
<i>Медведева М.</i> . Вторжение во Францию в восприятии солдат Вермахта: личный опыт и влияние пропаганды	64
<i>Терехов О.Э.</i> . «Консервативная революция» и национал-социализм в отечественной историографии	74
<i>Токарева Л.В.</i> . Оценка национал-социализма в творчестве Мартина Хайдеггера и Ханны Арент	80
<i>Турьгин А.А. Хабибова Л.В.</i> . Конец иллюзий: Пангерманский союз и Третий рейх	84
<i>Суржик Д.В.</i> . Нацизм: попытка эмоционального анализа	94
О сетевом издании «История. Общество. Политика»	98

Владимир Николаевич Залепев (20.04.1967 - 29.01.2019)

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ЗАЛЕПЕЕВА (20.04.1967 - 29.01.2019)

Горе обрушилось на исторический факультет Брянского государственного университета. 29 января неожиданно оборвалась жизнь Владимира Николаевича Залепеева - прекрасного человека, отличного товарища, замечательного преподавателя, зрелого ученого, настоящего семьянина.

Вся жизнь нашего друга, едва успевшего перейти 50-летний рубеж, связана с университетом, родными для него факультетом и кафедрой всеобщей истории. Парень из Трубчевской глубинки, благодаря своим способностям и трудолюбию, не только освоил университетский курс, но уже в 1994 г. стал кандидатом наук, защитив диссертацию о советско-германских экономических отношениях в 1939-1941 гг. Исследование было построено на материалах нескольких центральных российских архивов, а доказательства отличались убедительностью. Его научным руководителем был профессор, доктор исторических наук В.П. Викторов. Когда через короткое время В.П. Викторов скоропостижно скончался, Владимир Николаевич еще долгие годы помогал вдове учителя по хозяйству, поддерживал ее в трудное время. Верный товарищ, В. Залепеев всегда был первым, когда надо было разделить с коллегой радость или утешить в горе. Не потому ли он стал бессменным профсоюзным лидером истфака?

Молодой ученый приступил к преподавательской деятельности. Сложные курсы по новейшей истории предстояло разработать, освоить. Его увлекал преподавательский труд: поиск материала для лекции, формулирование ее плана, изложение мыслей. И как результат – пытливые горящие глаза студентов. Занятия, которые проводил Владимир Николаевич, отличались нестандартными подходами к раскрытию тематики, активным контактом с аудиторией, позитивной атмосферой. С годами росло педагогическое мастерство, расширялся багаж знаний и арсенал приемов. В расписании появлялись новые курсы, которые проводил молодой преподаватель. Глубокое понимание новой и новейшей истории Европы и Америки сочеталось с проникновением в особенности экономической и политической жизни различных регионов мира.

Владимир Николаевич не жалел времени, объясняя студентам планы их курсовых, бакалаврских и магистерских работ. Из трудолюбивых студентов он делал настоящих специалистов, которыми может гордиться исторический факультет, университет в целом. Его раздражали лень, разгильдяйство, прогулы.

Успехом увенчалась и административная деятельность нашего коллеги и друга. Он строил расписание, внимательно прислушиваясь к предложениям и просьбам преподавателей. Но приоритетными оставались, конечно, интересы студентов. Заместитель декана по учебной работе проявлял упорство и добивался эффективности. Он многое сделал для функционирования на факультете отделения международных отношений. Напрягая все силы, мобилизуя знания и опыт, В.Н. Залепеев написал десятки программ по зарубежному регионоведению. Он ни на кого не перекладывал свою работу, готов был при необходимости потрудиться за других. Коллегам по кафедре Владимир Николаевич запомнился как исключительно позитивный, жизнерадостный, любивший и ценивший юмор, но вместе с тем требовательный и ответственный человек.

Студенты, лекции, наука, конференции, на которых он так любил выступать, составляли лишь часть его жизни. Помыслы Владимира Николаевича постоянно обращались к семье. Он

любил своих братьев и сестру, никогда не забывал родителей. Он любил свою «малую родину» - приграничное село Алешенка – и постоянно бывал в родных краях. Земляки также отвечали ему взаимностью и гордились своим односельчанином. Средоточием его жизни оставались очаровательная супруга Ольга и умница-дочь Виктория. Виктория Владимировна стала профессиональным китаеведом. Отец всегда гордился дочерью. Вместе с семьей Владимир побывал в Европе и Азии. Владимира Николаевича отличал веселый нрав, в его квартиру часто наведывались друзья и коллеги. Он любил попариться с друзьями в баньке, погонять футбольный мяч, хорошо посидеть за вечерним столом. В последние годы Владимир Николаевич приобщился к спорту. Много времени он проводил в тренажерном зале. Своим примером Владимир вдохновлял коллег.

Память о Владимире Николаевиче Залепееве – яркой личности, светлом человеке – навсегда сохранится в наших сердцах.

*Коллектив преподавателей, сотрудников и студентов
факультета истории, международных отношений
и международного права БГУ.*

НАУЧНЫЕ И НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА ЗАЛЕПЕЕВА

При жизни Владимира Николаевича Залепеева увидели свет 60 работ историка, а также солидный том его диссертационного исследования. Главной темой большинства этих трудов являлись различные аспекты советско-германских отношений перед Второй мировой войной и в ее ходе, последствия Второй мировой войны, а также особенности идеологии национал-социализма. Однако сфера научных интересов учёного была существенно шире: к примеру, его всегда живо интересовала история и культура родного края, и некоторые публикации посвящены краеведческой тематике. По этому направлению было и немало планов, которые ученый, к сожалению, не успел реализовать. Немало сил положил он и на учебно-методические разработки для студенчества и школьников, выполненные на высоком уровне, ибо автор их был всегда требователен в первую очередь к себе, досконально зная и помня хронологию, терминологию, историографию.

Тесные дружеские контакты связывали Владимира с коллегами из Болгарии, Польши, Украины, Беларуси. Не удивительно, что его труды по достоинству оценены не только в нашей стране, но и за рубежом – есть его публикации в солидных университетских изданиях в Украине (Нежинский державный университет им. Николая Гоголя) и в Польше (Люблинский университет Марии Склодовской-Кюри), две статьи вышли и еще как минимум две находятся в печати в Республике Беларусь.

Да, несколько статей все еще ожидают публикации. Так случается с неустанно и активно работавшими учеными: часто их труды продолжают появляться на бумаге и в цифровых изданиях уже после скорбного момента, когда они покидают этот мир. К сожалению пока так и не увидела свет подготовленная В.Н. Залепеевым фундаментальная монография, но будем надеяться, что и она непременно дойдет до благодарных читателей, среди которых будут и историки новейшего времени, и, безусловно, студенты исторических факультетов.

Память об ученых живет не только в сердцах их друзей и коллег, но и в строках изданных ими работ, в которые навсегда вложена частица их личности.

1993

1. Залепеев В.Н. Архивные источники по истории советско-германских экономических отношений в 1939-1941 гг. // Отечественная и всеобщая история. Методология, источниковедение, историография. – Брянск, БГПИ, 1993.

1994

2. Залепеев В.Н. Советско-германские экономические отношения в сентябре 1939 г. - июне 1941 г. / Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Брянск, 1994. – 209 с.
3. Залепеев В.Н. Советско-германские экономические отношения в сентябре 1939 г. -июне 1941 г. / Автореферат дис.... канд. ист. наук. – Брянск, 1994. – 20 с.

1995

4. Залепеев В.Н. К проблеме ущерба, нанесенного СССР фашистской Германией в годы Второй мировой войны // Великая Отечественная: взгляд через 50 лет. Материалы научно-практической конференции. – Брянск, 1995. С.21-25.
5. Залепеев В.Н. Немецкая пресса в первый месяц германо-советской войны (22 июня - 22 июля 1941 г.) // Проблемы социально-политической истории и исторической науки. – Брянск: БГПУ. 1995. С.113-119.

1996

6. Залепеев В.Н. Министерство пропаганды фашистской Германии: структура и методы // Религия, монастроение, идеология в истории. - Брянск, 1996. С.185-196.

1997

7. Залепеев В.Н. Программа семинарских занятий по курсу «История новейшего времени стран Европы и Америки, 1918-1945 гг.» (для студентов IV курса дневного и заочного отделений). Брянск, БГПУ, 1997.
8. Залепеев В.Н. Методические рекомендации и планы семинарских занятий по курсу «новая история стран Европы и Америки. 1640 – 1870 гг.» Для студентов очного и заочного отделений исторического факультета. Брянск, БГПУ, 1997.

1998

9. Всеобщая история: от античности до наших дней. Пособие для старшеклассников и абитуриентов. – Брянск: БГПУ, 1998. – 376 с. (В.Н. Залепеевым написаны следующие разделы: Германия в период Веймарской республики 1919-1933 гг.; Нацистская Германия в 1933-1939 гг.; США в межвоенный период (1918-1939 гг.); Международные отношения в 30-е годы 20 в.; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в 1945-1956 гг.; Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине 1950-х - 1980-е гг.; От тоталитаризма к демократии. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в конце 1980-х - 1990-е гг.)
10. Залепеев В.Н. Экономика и политика: заключение между Германией и Советским Союзом хозяйственного соглашения 10 января 1941 года//Проблемы отечественной и всемирной истории. Брянск. 1998. С. 192-203.
11. Залепеев В.Н.. СССР во внешнеполитической программе и идеологии национал-социалистической немецкой рабочей партии // Историческая мысль и история идей. Межвузовский сборник научных трудов Выпуск 6. – Брянск, БГПУ, 1998. С.159-171.

1999

12. Залепеев В.Н. Финансовая и внешняя политика нацистской Германии (1933-1939 гг.) // Люди и политика Межвузовский сборник научных трудов Выпуск 7. – Брянск, БГПУ, 1999. С.210-223.
13. Залепеев В.Н. Методические материалы по курсу "Новая история стран Европы и Америки. 1870-1918 гг." Для студентов дневного и заочного отделений исторического факультета. Брянск, БГПУ, 1999.

2000

14. Залепеев В.Н. Программа семинарских занятий по курсу "История новейшего времени стран Европы и Америки, часть 2 " (для студентов дневного и заочного отделений). Брянск, БГПУ, 2000.
15. Залепеев В.Н. 17 апреля 1939 года: один день в истории германо-советских отношениях // Внутренняя и внешняя политика стран Западной Европы и Ближнего Востока. Межвузовский сборник трудов. – Брянск, БГПУ, 2000. С.116-125.
16. Залепеев В.Н. Актуальность изучения новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в высшей школе // Тезисы докладов VII международной научно-практической конференции "Совершенствование образовательного процесса как социально-педагогическая проблема". Брянск, БГПУ, 2000.

2001

17. Залепеев В.Н. Территориальная проблема Литвы в германо-советских отношениях: 1939-1941 годы // Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 9. Страницы истории. Брянск, 2001. С. 69-77.
18. Залепеев В.Н. Программа по курсу «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы в новейшее время» (для студентов дневного и заочного отделений исторического факультета). Брянск, БГУ, 2001.
19. Залепеев В.Н. Методические рекомендации: семинарские занятия по курсу "новейшая история стран центральной и Юго-Восточной Европы". Брянск, БГУ, 2001.

2002

20. Залепеев В.Н. Программа по курсу «Новая история стран Европы и Америки, 1870-1918 гг. (для студентов дневного и заочного отделений исторического факультета). Брянск, БГУ, 2002.
21. Залепеев В.Н. Советско-германские экономические отношения накануне подписания пакта Моло-

това-Риббентропа (январь-август 1939 г.) // Русский сборник. Сборник научных трудов, посвященный 25-летию исторического факультета Брянского государственного университета имени академика И.Г.Петровского. – Брянск, 2002. С. 168-178.

22. Залепеев В.Н. Внешняя торговля нацистской Германии в 1930-х годах // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 11. – Брянск. 2002. С.168-178.

2003

23. Залепеев В.Н. Антисемитизм как расово - идеологическая основа военной программы национал-социализма // Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 11. Всеобщая история. Современные исследования. Брянск. 2003. С.155-167.
24. Залепеев В.Н. Польша в британо-франко-советских переговорах весной-летом 1939 года // Межславянские связи и взаимодействия в восточной Европе: история, проблемы, перспективы. Материалы межгосударственной научной конференции (Брянск, 13-14 мая 2003 г.). – Брянск. 2003.
25. Залепеев В.Н. Торгово-экономические отношения между Германией и СССР во второй половине 1939 года // Вестник Брянского государственного университета. – Брянск. 2003.
26. Залепеев В.Н. Идеи истоки формирования гитлеровской военной программы против СССР. Война и мир в историческом процессе (XVI-XX) // Война и мир в историческом процессе (XVII-XX вв.). Сборник научных статей по итогам международной научной конференции, посвященной 60-летию Сталинградской битвы, Волгоград, 15-17 апреля 2003 г. – Волгоград: Перемена. 2003.

2004

27. Залепеев В.Н. К проблеме преподавания и изучения новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы в высшей школы // Куляшоўскія чытанні. Матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі, 11–12 снежня 2003 г. : Тэзісы дакладаў. – Магілёў: МДУ імя А.А. Куляшова, 2004.
28. Залепеев В.Н. «Тихая оппозиция» в нацистской Германии: попытки статс-секретаря Вайцзеккера в 1938-1939 гг. предотвратить войну. Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 13. Брянск. 2004. С.226-237.
29. Залепеев В.Н. Сувалкский регион в военно-политических взаимоотношениях нацисткой Германии и СССР // Вестник Брянского государственного университета. Социально-гуманитарные науки. 2004. №2. С. 83-88.

2005

30. Залепеев В.Н. Вторая мировая война и ее влияние на германо-советские экономические отношения. 1939-1941 гг.//Вестник Брянского государственного университета. История. Литературоведение. Право. Философия. Языкознание. 2005. № 2. С. 24-31.
31. Залепеев В.Н. Восточный фронт на страницах немецкой печати (по материалам газет «Фёлькишер беобахтер», «Берлинер берзен цейтунг», «Дейче альгемайне цейтунг» // Материалы научно-практической конференции, посвящённой 60-летию Великой победы. Брянск. 2005.
32. Залепеев В.Н. Немецкая «консервативная оппозиция» пакту Молотова-Риббентропа: сентябрь 1939-июль 1940 года. Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 14. Брянск. 2005. С.194-211.
33. Залепеев В.Н. Новейшая история стран Европы и Америки, 1918-1945 гг. / Учебно-методическое пособие по курсу. Брянск, БГУ, 2005.

2006

34. Залепеев В.Н. Методические рекомендации и планы семинарских занятий по курсу «новейшая история стран Европы и Америки после Второй мировой войны». Брянск, БГУ, 2006.
35. Залепеев В.Н. Установления гитлеровского режима и его влияние на германо-советские экономические отношения в 1933 г. // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 15. Брянск. 2006. С/151-160/

2007

36. Залепеев В.Н. Латвия, Эстония и Литва в торгово-политических отношениях Германии и СССР в 1939-1941 годах//Всеобщая история: современные исследования. Межвузовский сборник научных

трудов. Вып.16. – Брянск, 2007. С. 215-227.

2008

37. Залепеев В.Н.. К вопросу о людских потерях СССР в годы Великой Отечественной войны // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 17. Брянск: Изд-во БГУ, 2008. С.224-233.
38. Залепеев В.Н. 17 апреля 1939 года: один день в истории германо-советских отношений // Англия, Франция, Германия, мусульманский Восток. Вып.8. Брянск, 2008. С. 116-125.
39. Zalepeew W. Region suwalski w wojenno-politycznych stosunkach nazistowskich Niemiec I ZSRR w latach 1939-1941 // Jest częścią: Annales Universitatis Mariae Curie-Skłodowska. Sectio F, Historia. - Vol. 63 (2008). Lublin. 2008. S.107-117.

2009

40. Залепеев В. Н. Проблема Бессарабии и Северной Буковины в германо-советских отношениях в первый период второй мировой войны // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 18. Брянск: БГУ, 2009. С.310-316.

2010

41. Залепеев В.Н. Экономика и политика: заключение между Германией и СССР хозяйственного соглашения 11 февраля 1940 г. // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 19. Брянск: Изд-во БГУ, 2010. С.130-145.

2011

42. Залепеев В.Н. Германо-советские торгово-экономические отношения в канун и первый период Второй мировой войны: историографический аспект // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. – Брянск, 2011. С.193-204.
43. Залепеев В.Н. Немецкая пресса в первый месяц Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 2011. № 9. С. 148-152

2012

44. Залепеев В. Н. Министерство пропаганды нацистской Германии // Вопросы истории. 2012. №5. С. 104-112.
45. Залепеев В. Н. Культурно-духовная трансформация российско-украинского пограничья на примере церкви Михаила архангела Трубчевского края// ЗНАКИ ПИТАННЯ В ІСТОРІЇ УКРАЇНИ: суспільство між традицією та модернізацією. : Збірник матеріалів VIII Міжнародної наукової конференції, Ніжин, 5–6 квітня 2012 року – Ніжин. 2012. С.112-115.
46. Залепеев В.Н. Церковь Михаила Архангела в селе Алешанка Трубчевского края: история и современность // Деснинские древности VII. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвящённой памяти брянского археолога и краеведа, заслуженного работника культуры РСФСР Федора Михайловича Заверняева (28.II.1919 - 18.VI.1994). 2012. С. 268-272.
47. Залепеев В.Н. Канун войны: Советский Союз в дневниковых записях Й. Геббельса, ноябрь 1940-июнь 1941 годов // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 21. – Брянск, 2012. С.269-280.

2013

48. Залепеев В.Н. Ревизия версальского договора гитлеровской Германией// Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.22. – Брянск, 2013. С.178-189.

2014

49. Залепеев В.Н. Церковная и религиозная тематика в «застольных разговорах» Адольфа Гитлера // Всеобщая история. Современные исследования. Межвузовский сборник научных трудов. Вып.23. – Брянск, 2014. С.192-199.

2015

50. Залепеев В.Н. Основные направления внешней торговли гитлеровского правительства в канун Второй мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2015. №1. С.111-115.
51. Залепеев В.Н. Бессарабский вопрос в германо-советских экономических отношениях в канун Великой отечественной войны // Studia internationalia Материалы IV международной научной конференции «Западный регион России в международных отношениях X-XX вв.». Брянский государственный университет имени академика И. Г. Петровского. 2015. С. 219-223.
52. Залепеев В.Н. Рацион питания солдат Красной Армии и Вермахта: сравнительный анализ // Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць. Зборнік. Магілёв. 2015. С.211-217.

2016

53. Залепеев В.Н. Участие болгарского народа во Второй мировой войне // Русский сборник. Вып.8, т.2. – Брянск, 2016. С. 209-213.

2017

54. Залепеев В.Н. «Хаос в советской армии»: Восточный фронт в германской прессе в начале Великой отечественной войны // К 75-летию начала Великой Отечественной войны: На грани катастрофы. Материалы Международной научной конференции. – Брянск, 2017. С. 479-485.
55. Залепеев В.Н. Германо-советские экономические отношения в годы мирового экономического кризиса (1929-1933 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 2 (32). С. 73-77.
56. Залепеев В.Н. Влияние исторических факторов на формирование общественного восприятия России в Польше // История. Общество. Политика. 2017. № 1 (1). С. 102-105.
57. Залепеев В.Н. Литва в политических и экономических отношениях между Советским Союзом и Германией в первый период Великой отечественной войны // Studia internationalia Материалы VI международной научной конференции. 2017. С.180-186.
58. Залепеев В.Н. Рецензия на книгу К. Михайлова "Мемоаристиката на ранните русско-турски войни (1768-1830)". София. българска Първо издание. 2015. 431 с. // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2017. № 2-3 (7-8). С. 70-72.

2018

59. Залепеев В.Н. На пути к конфронтации: 1933 год в советско-германских отношениях // Реалии и иллюзии советского общества накануне Великой отечественной войны Материалы международного научно-практического форума. – Брянск, 2018. С. 168-176.
60. Залепеев В.Н. Крах Версальской системы мира // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений Материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Великой войны 1914-1918 гг. Витебск, 18–20 октября 2018 г. – Витебск: Витебский государственный университет имени П.М. Машерова, 2018. С. 121-124.
61. Залепеев В.Н. Некоторые аспекты решения еврейского вопроса нацистской Германией // История. Общество. Политика. 2018. № 1 (5). С. 21-27.
62. Залепеев В.Н. Реквием о Камене Михайлове // Новые исторические перспективы: от Балтики до Тихого океана. 2018. № 3 (12) (в печати).

2019

63. Залепеев В.Н. Накануне катастрофы: гитлеровская ревизия версальской системы мира и позиция англо-франко-итальянских правящих кругов // Мюнхенское соглашение 1938 года как предтеча Второй мировой войны / Сборник материалов Белорусско-российской научно-практической конференции. 11 октября 2018 г. г. Минск (в печати).

Составитель и автор комментария к.и.н. А.А. Чубур

Тема номера:

НАЦИСТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

УДК 94(430)086

С.В. Артамошин

ЭРНСТ ЮНГЕР НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ 1939-1940 ГГ.

Аннотация: В статье рассматриваются военная карьера Э. Юнгера в годы «странной войны» и французской кампании. На основе военных дневников Юнгера анализируются особенности военной кампании на Западном фронте. Уделяется внимание изучению осмысления изменения характера войны в годы Второй мировой войны.

Ключевые слова: Эрнст Юнгер, Западный фронт, вермахт, Вторая мировая война, национал-социализм.

S.V.Artamoshin. Ernst Jünger on the Western Front 1939-1940

Abstract: The article deals with the military career of E. Jünger during the years of the “strange war” and the French campaign. Based on the military diaries of Jünger, the features of the military campaign on the Western Front are analyzed. Attention is paid to the study of understanding the changing nature of war during the Second World War.

Keywords: Ernst Jünger, Western Front, Wehrmacht, World War II, National Socialism.

1939 год представлял собой знак будущих изменений, к которым неудержимо двигалась Европа, подталкиваемая ревизионистской политикой нацистского правительства, нацеленной на образование Великого рейха. События предшествующего года демонстрировали неослабевающую энергию нацизма к включению немецкоязычных земель в состав Третьего рейха, чему способствовала умиротворенческая политика Великобритании и Франции, которые в своем желании избежать войны, все ближе приближались к ее началу. Германское воссоединение в ходе австрийского аншлюса марта 1938 г. и последовавший за этим “судетский кризис”, привел к росту популярности нацистского правительства и превознесения политического гения А. Гитлера, сумевшего превратить великогерманскую мечту в реальность. Германское общество ощущало небывалый подъем, усиливавшийся внешнеполитическими успехами. Мюнхенская конференция 1938 г. и германская победа на ней, позволившая отторгнуть от Чехословакии Судетскую область и присоединить ее к рейху, создавала для германского населения иллюзию внешнеполитических успехов. Правда эта иллюзия была реальностью, так как Германский рейх не только осуществил ревизию Версальского мира, но и смог расширить государственные границы не произведя ни одного выстрела. Степень популярности А. Гитлера в нацистском государстве была значительно усилена. Однако из внимания германского обывателя ускользало то, что пока все внешнеполитические успехи достигались, минуя угрозу серьезного столкновения. Это не означало, что нацистское правительство в своих внешнеполитических амбициях остановится на достигнутом и ограничится Судетской областью. Удача и везение, сопутствующие Гитлеру, должны были рано или поздно закончиться. А это означало, что за литаврами бескровных побед начинал проступать мрачная тень надвигающейся войны.

Для Эрнста Юнгера 1939 г. начался с изменений, связанных с переездом из Юберлингена. Стремясь к уединению и благоприятному северному климату, семья Юнгеров решила переехать в Кирххорст под Ганновером, нижняя Саксония. Одной из причин переезда был

“мягкий климат” Боденского озера [5. 458]. В письме Карлу Шмитту от 9 января 1939 г. Грета Юнгер упоминала о ближайшем переезде где-то в начале или середине марта 1939 г. в новую резиденцию, расположенную в любимом для них ландшафте. Они нашли его после долгих поисков на окраине Ганновера. Это бывший пасторский дом с 14 комнатами и большим садом [4. 81]. С помощью госларовского друга Пфаффендорфа они осуществили успешную покупку дома. хлопоты по переезду легли на плечи Греты Юнгер, которая все организовала в конце марта- начале апреля 1939 г. Там, накануне войны, Э. Юнгер в благоприятном северном климате завершил работу над романом “На мраморных утесах”, корректуру которого он читал уже в начале войны [6. 385].

Наблюдая за происходящими событиями, Юнгер прекрасно осознавал, что предпринимаемые нацистским руководством шаги рано или поздно повлекут за собой войну. Он внутренне смирился с тем, что может возникнуть ситуация, когда ему придется изменить образ жизни. 16 апреля 1939 г. он оставил запись о том, что “на этих неделях немцы вступили в Богемию, Моравию и Мемель, а итальянцы заняли Албанию. Все признаки указывают скорее на начало войны; потому я пытаюсь внутренне смириться с тем, что буду вынужден прекратить работу (имеется в виду работа над романом “На мраморных утесах” – С.А.). И это, как назло, в тот самый момент, когда я ощущаю некое просветление, когда начинаю особенно высоко ценить время. Во всяком случае, перу придется бездействовать, исключение составит лишь дневник. Работа будет возложена на глаза, ибо в зрелищах недостатка не будет” [3. 47-48, запись от 16 апреля 1939 г.]. Ощущая приближение войны, он полагал, что возможность урегулирования и международного арбитража представляется маловероятными. Пора словесных замечаний и заверений подходит к концу. Как впоследствии он заметил, “среди людей, веди они даже хоть самые ангельские речи, настает когда-нибудь предел слову. Начинают говорить эти голоса из железа и пламени, рассчитанные на устрашение, - и тогда сердца до последних глубин подвергаются поистине тяжкому испытанию” [3. 252, запись от 7 июня 1940 г.].

Эрнст Юнгер был офицером запаса, снискавшим себе славу в годы Великой войны, и награжденный как высшими воинскими наградами, включая Рыцарский крест и крест Pour le mérite, став, к слову, последним его кавалером, так и отметинами на теле, удостоенные Золотого знака за ранения [1. 99]. Ощущая приближение войны, он понимал, что ему не удастся избежать общей судьбы, поэтому полагал, что как только возникнет необходимость, о нем вспомнят и призовут в армию. Однако будучи не просто офицером запаса, а наблюдателем и интеллектуалом, Юнгер трезво оценивал ту ситуацию, в которой находилась Германия, а вместе с ней и Европа летом 1939 г. Возможность для человека избежать надвигающихся событий, уклониться от неизбежной судьбы практически исключена. Человек попадает в заданную государством последовательность событий, которая вовлекает его в мобилизационный процесс. “Вообще для войн и судьбоносных катастроф характерно метание из крайности в крайность. Сначала начало боевых действий представляется совершенно невозможным, а затем – неминуемым. Таким образом, мы пребываем в неопределенности до тех пор, пока, наконец, не грянет гром. Однако гром сей уже давным-давно предопределен в расчетах высшего генералитета. В этом-то и заложена аллегория всей жизненной ситуации. Нам не избежать участия, когда разразится буря” [3. 248-249, запись от 6 июня 1940 г.].

25 апреля 1939 г. Э. Юнгеру был выслан по почте военный билет. “Получил по почте свой военный билет, отправленный командованием округа Целле. Так я узнаю, что государство внесло меня в реестр в чине лейтенанта для поручений” [3. 54, запись от 25 апреля 1939 г.]. В августе 1939 г. рейхсминистр иностранных дел Йоахим фон Риббентроп пригласил деятелей немецкой культуры в замок Фушль под Зальцбургом, где Юнгеру, как и публицисту Фридриху Зибургу, было предложено поступить на дипломатическую службу и занять пост за

границей. Однако Юнгер отклонил это предложение [5. 486]. Принятие данного предложения заставило бы его поставить свое перо на службу режиму, в обмен на безопасность в случае войны в одном из дипломатических представительств. Отклонение предложения ставило писателя на рискованную дорогу в случае объявления войны. 26 августа 1939 г. “в девять часов утра, когда я, еще лежа в постели, изучал Геродота, Луиза принесла наверх приказ о мобилизации, в котором мне предписывалось прибыть к 30-му августа в Целле. Я совсем не был удивлен, поскольку картина войны изо дня в день вырисовывалась все отчетливее” [3. 100-101, запись от 26 августа 1939 г.]. К концу августа 1939 г. неизбежность войны Германии с Польшей представлялась ему с полной очевидностью. И дело было не только в польском кризисе. Это касалось всего комплекса внешнеполитических отношений европейских государств, зашедшего в тупик. “Накопилась такая масса противоречий, что разрешить ее можно было только огнем” [3. 101, запись от 28 августа 1939 г.]. Подготовившись к отъезду 30 августа, “наверху я не без иронии рассмотрел себя в зеркале в лейтенантской форме. <...> Когда я спустился по лестнице вниз, в прихожей, мне была вручена телеграмма, подписанная фон Браухичем и возвещавшая о присвоении мне очередного звания капитана. Я воспринял это как знак того, что Арес не утратил ко мне благосклонности” [3. 101-102, запись от 30 августа 1939 г.].

6 сентября 1939 г. Юнгер оказался в Бланкенбурге, где проходил учебную подготовку на курсах, после чего 8 октября 1939 г. отправился к новому месту службы. “Вновь перемещение, на сей раз в Ботфельд к <73-м>, где я завтра встану в строй” [3. 115, запись от 8 октября 1939 г.]. Для Юнгера этот полк особый, ведь речь идет о “Ганновер-73” или “Гибралтарском полку” – фюзилерский принца Альбрехта Прусского полк, в котором в Великую войну девятнадцатилетний доброволец Эрнст Юнгер начинал свою службу. 3 ноября 1939 г. он вступил в должность командира роты. “Только что я вступил в должность командира второй роты 287-го полка на учебном плацу Бергена” [3. 116, запись от 3 ноября 1939 г.]. В составе этого полка 6 ноября 1939 г. он отправился на запад, где 11 ноября оказался на Западном валу в Грефферне на Рейне. В этом месте он пробыл до середины мая 1940 г. [5.487-488]. 11 ноября 1939 г. Э. Юнгер записал в дневнике: “В ноябре в два часа утра мы покинули Берген. Мрачная суета, обычная при погрузке, стала для меня первым прикосновением к порядку вещей, рождающемуся из Мировой войны. Меня точно охватил трепет, пронзил луч холодной демонической деятельности, особенно при лязге молотов и цепей, потрясшем ледяной воздух” [3. 117-118, запись от 11 ноября 1939 г.]. Как эти слова разительно отличаются от прежнего юношеского настроения 1914 г., опьяненного жаждой приключений, прикосновением к настоящему мужскому миру, стремлением к инициации. Хмельная романтика крови и роз отошла на второй план перед опытом пройденной войны. “Война похожа на Левиафана, только несколько чешуек или плавник которого видны на поверхности – субстанция слишком массивна для того, чтобы постичь ее взглядом, и потому нарастает ощущение нереальности” [3. 116, запись от 10 ноября 1939 г.].

Война 1939 г. на Западном фронте представляла собой войну без войны. Её принято называть “странной войной”, которая выражалась в занятии войсками линии укреплений по обе стороны фронта и их охрану. Войны в привычном значении этого слова там не было. Поэтому относительно спокойный образ службы делал жизнь безопасной. Французы и немцы наблюдали друг за другом в напряженном молчании. “Появляются французы, но мы в них не стреляем, и они в нас тоже” [3. 125, запись от 15 ноября 1939 г.]. Относительное затишье на фронте позволило Юнгеру на несколько дней отправиться в отпуск в Кирххорст, встретившись с семьей и братом Фридрихом Георгом. В феврале 1940 г. он был отправлен на офицерские курсы в Карлсруэ, и вновь смог навестить своих родных. Впоследствии Юнгер отметил, “насколько все-таки ценно такое короткое свидание – как подтверждение того, что живешь в глубине сердца самых тебе дорогих людей” [3. 181, запись от 17 марта 1940 г.].

Вместе с тем, в начале февраля 1940 г. Э. Юнгер впервые услышал стрельбу, напомнившую о том, что война все же идет. “После обеда по глубокому снегу в Штольхофен. Справа я впервые за эту войну услышал стрельбу, заставившую меня подумать об укрытии. Огонь по одному единственному бункеру звучал на широких просторах точно и мерно” [З. 153, запись от 2 февраля 1940 г.].

Свое положение в армии Юнгер рассматривал как результат предшествующих заслуг Великой войны. Его военный опыт был опытом солдата двадцатилетней давности. “Сейчас я пока живу за счет старых заслуг, сознавая, что было бы неплохо подкопить новых” [З. 122, запись от 11 марта 1940 г.]. И случай не заставил долго ждать.

В конце марта 1940 г. в качестве командира резервной роты Юнгер находился в Иффецхайме. “Вот уже двое суток я располагаюсь на новом командном пункте, в деревянной хижине посреди прозрачного пойменного леса, что в окрестностях Иффецхайма поясом охватывает Рейн и связанные друг с другом протоки стариц” [З. 182, запись от 28 марта 1940 г.]. 29 марта 1940 г. Эрнсту Юнгеру исполнилось 45 лет. В этот день он получил поздравления и подарки от близких и знакомых, а также почитателей его литературного таланта. “Больше всего меня порадовал переплетенный в мерейную кожу дневник, приготовленный для меня одной читательницей, с изображенным на нем в качестве отличительного знака красным кукуйло – одним из животных моего тайного герба” [З. 186, запись от 29 марта 1940 г.]. Праздничный день был омрачен происшествием, которое также можно рассматривать в качестве определенного подарка для воина-гауптмана. В полдень в подразделение прибыли вахмистр и ефрейтор, артиллерийские наблюдатели из расположенного рядом подразделения. Невзирая на предупреждение унтер-офицера, они, преодолев высокую насыпь укрепления, спустились на берег Рейна. “В то же мгновение с противоположной стороны, из бронированного укрепления <Красный Рейн>, в котором засели отчаянные ребята, открыли огонь из пулеметов, и оба артиллериста остались лежать на зеленом откосе, как на ладони видные отовсюду. Один из них еще кричал, другого было уже не слышно”. Юнгер вместе с лейтенантом Рудольфом Шпором предприняли вылазку с целью вытащить раненных солдат. Лейтенант Эрихсон должен был прикрывать их из пулемета на случай французского обстрела. Когда они добрались до раненных, то выяснилось, что ефрейтор убит, а вахмистр легко ранен. Юнгер приказал вынести тело убитого, и они втроем начали тянуть его к траншее. “Едва мы успели сделать несколько шагов в таком порядке, как на нас с воем и треском обрушился шквал огня из станкового пулемета в бронированном укреплении. <...> Мы бросились наземь; я почувствовал ноги убитого рядом со своей головой, когда под проволочным ограждением вжался в неглубокую как выгребают куры, ложбинку. <...> Они держали нас под огнем; высокими фонтанами взлетающая земля струилась по нашим волосам. <...> Затем в бой ввязался пулемет Эрихсона и парализовал огонь неприятеля встречным огнем. <...> но, в конце концов, под прикрытием матов ползком вернулись по узкому проходу назад. <...> В вечерних сумерках мы, вместе с командиром его батареи, перенесли убитого. <...> Так закончился день рождения, врезавшийся мне в память” [З. 187-191, запись от 29 марта 1940 г.].

Эта история имела свое завершение 3 июня 1940 г., когда Э. Юнгер и Р. Шпор были награждены Железным крестом второй степени за вынос раненого артиллериста. Следует отметить, что это была единственная награда, полученная Юнгером в годы Второй мировой войны. После награждения он записал в дневнике: “В этой связи, впрочем, мне особенно ясно стала видна разница, заключающаяся для меня между Первой и этой, Второй, мировыми войнами. Тогда давали высокий орден за убитого неприятеля, сегодня вручалась ленточка за спасительную вылазку. Примечательна также дистанция, на сей раз отделившая меня от боевых

действий. Прав Гераклит: никто не войдет дважды в одну и ту же реку” [З. 304, запись от 23 июня 1940 г.].

10 мая 1940 г. германские войска начали активные боевые действия, вторгнувшись в Бельгию и Францию. Стремительность немецкого наступления, блестящий прорыв танковой группы фон Клейста в обход линии Мажино поставил Францию на грань катастрофы. Полк, в котором служил Юнгер, двигался во втором эшелоне в составе 9 пехотной дивизии 9-й армии. Путь Юнгера во Французской кампании вермахта был символичен, ведь он продвигался по тем местам, где раньше воевал в Великую войну. В дневнике он фиксировал свои перемещения и каждый раз вспоминал, что здесь он раньше бывал. В записи от 29 мая 1940 г. он пишет: “Через Порсьен, Вадимон, Фройикур. Это та самая местность, где я лежал в 1915 году, с ее домами из белого мелового камня, который красиво обрамлялся из окон и дверей полоской матово-красного кирпича. Под выцветшей с течением лет штукатуркой проступали указатели дорог и надписи времен тогдашней нашего гарнизона. Я испытал при этом странное чувство – как будто они вспыхнули под действием рентгеновских лучей” [З. 237, запись от 29 мая 1940 г.]. Немецкое наступление демонстрировало отличие Первой мировой войны от Второй, которое было для Юнгера отражением наступления эпохи Рабочего. Поверх прежних символов войны и символических мест утверждались новые. “Большие препятствия прежних времен, такие как Сомма, Верден или Фландрия, настолько крепко запечатлелись в памяти, что укрепленные позиции и сегодня по инерции считаются непреодолимыми. А между тем, в извечном состязании огня и движения, огонь, похоже, снова оказался оттесненным, ведь быстрые соединения зачастую оперируют вдали от пехоты” [З. 240-241, запись от 31 мая 1940 г.]. Во время ночного марша 6 июня 1940 г. шум боя наконец-то достиг и их подразделения. “Впервые мы шли прямо на оружейный огонь, залпы звучали где-то рядом, затем слышались тяжелые разрывы снарядов. Справа – веера прожекторов, между ними – желтые, подолгу висящие в воздухе сигнальные ракеты, вероятно, английские” [З. 247, запись от 6 июня 1940 г.].

Полк двигался к Лаону, который располагался на горе и был прекрасно виден. Это были также памятные места. “Город, где мне случалось уже бывать в 1917 году, живо сохранился в моей памяти как ключевая романская цитадель передового края, и я не думаю, что мое чувство меня обманывает. Вокруг древних святынь царит особая атмосфера. <...> Сильные разрушения на подступах к населенному пункту и в пригородах: ландшафта баррикад” [З. 250, запись от 7 июня 1940 г.]. 9 июня батальон Юнгера был оставлен в Лаоне для обеспечения порядка, в то время как остальные батальоны полка двинулись к Суассону. 17 июня батальон покинул Лаон и переместился в Монмирель для выполнения тех же функций. Каких-либо событий с ним не происходило. Таким образом, батальон Юнгера непосредственно в боях с французскими и английскими войсками участия не принимал. Это разительно отличалось от предшествующего опыта Юнгера и его ожиданий на участие в каком-нибудь бое. За период Французской кампании он не участвовал ни в одном бое, но оставил ценные наблюдения как об изменившемся характере войны, так и о том, что видел на дорогах этой войны.

Первоначально восприятие войны у Юнгера не сильно отличалось от опыта Великой войны, что определялось позиционным характером действий Западного фронта. Траншейная и бункерная позиционность, не отягощенная артиллерийскими обстрелами и штурмами, вызывали противоречивые чувства. Глядя из бункера, “взгляд упирается в сплетения и колючки проволочного заграждения; ведь оно, наряду со взрывчаткой и осколками, принадлежит к числу символов нашего времени” [З. 162, запись от 13 февраля 1940 г.]. Являясь командиром роты, Юнгер был размещен в бункере, где сразу же почувствовал отличие от предшествующего опыта. Это свидетельствовало о метафизических принципах эпохи Рабочего, о чем писал он в своей знаменитой работе 1932 г. Бункер вызывал иные ощущения. “Здесь как-то холоднее, не-

уютнее, чем в блиндажах Мировой войны – уже потому, что в ту пору тебя окружали дерево и земля, тогда как сейчас их место заняли бетон и железо. Архитектура тяжелая и приземистая, точно рассчитанная на черепа, кроме того, стальные стопудовые двери, защелкивающиеся герметически, рождают чувство, будто ты втиснут в несгораемый шкаф” [З. 124, запись от 11 ноября 1939 г.]. Несмотря на безопасность бункера, он делает совершенно справедливый вывод о том, что подобные сооружения являются реликтом прошлой войны. “Оборонительные укрепления – это мастодонты сопротивления, однако, возможно, именно поэтому им грозит вымирание, поскольку в них в чистом виде находит выражение идея позиционной обороны” [З. 201, запись от 14 апреля 1940 г.]. В ходе Французской кампании Юнгер отмечал отличие в темпах и размахе наступления, которое не указывало на возможность позиционного противостояния. Подвижность фронта, мобильность войск демонстрировали изменения характера войны, все больше превращавшейся в войну машин. “Для меня вязкость фронтов была своего рода догмой, а потому я теперь не переставал удивляться. Эта война до мельчайших подробностей отличалась от схемы войны прошедшей, следовательно, своими знаниями той схемы я более пользоваться не мог” [З. 221, запись от 22 мая 1940 г.].

Технические достижения вооружений вызывали в нем противоречивые чувства. С одной стороны, пехотное вооружение и прежде всего автоматы, произвели на него сильное впечатление. Юнгер отмечал, что “я с командирами взводов пристрелял автоматы. Их огневая мощь произвела на меня хорошее впечатление” [З. 247, запись от 6 июня 1940 г.]. С другой стороны, образ Второй мировой войны – танки – вызывали в нем гнетущее ощущение чуждости. Забравшись внутрь танка, Юнгер констатировал, что “в этих воняющих маслом, бензином и резиной штуковинах я чувствую себя в высшей степени неуютно” [З. 238, запись от 29 мая 1940 г.]. Технические новинки армии имеют свое естественное следствие – они сеют смерть и разрушения. Прокатившаяся по полям Франции германская армия оставляла за собой пепелище. Следует отметить переосмысление Юнгером не только характера войны, но и самого явления. “Совокупность всего являет грандиозное фойе смерти, прохождение через которое основательно потрясло меня. В один из ранних периодов своего духовного развития я часто погружался в видения абсолютно вымершего и обезлюдевшего мира, и не стану отрицать, что эти мрачные грезы доставляли мне тогда наслаждение. Здесь же я вижу идею осуществленной, и мне хотелось бы верить, что, даже если бы никаких солдат не было, дух очень скоро все равно бы разрушился – в эти два дня я уже успел почувствовать, как уничтожение берет свое” [З. 233-234, запись от 27 мая 1940 г.].

В возрастании роли техники в процессе военных действий Юнгер видел не только наступление новой эпохи, но и стирание грани между смертью и способом доведения до нее. Он видел в механизации смерти тенденцию, демонстрирующую разнообразие применяемых средств, которые технически усложняются и достигают обширных разрушительных масштабов. Вместе с тем, конечная цель, на которую направлена современная военная техника – смерть – не изменяется. Он делал вывод об инструментализации средств уничтожения как характерной черте времени. “Размышления во время вчерашней ночной поездки верхом – о механизации смерти, о бомбах пикирующих бомбардировщиков, об огнеметах, о всевозможных сортах отравляющих газов – короче говоря, обо всем том мощном арсенале уничтожения, который приобрел угрожающий размах. Все это только театр, чисто сценическое оформление, сменяющееся вместе со сменой времен и, к примеру, в эпоху правления Тита игравшее не меньшую роль. Уже первобытные народы не были избавлены от такого рода забот, и сейчас можно встретить племена, подвергающие человека самым изобретательным пыткам. Ужасы уничтожения, как на старинных картинах адских мук, всегда сопровождаются тщательным изображением технических деталей. Но дистанция, отделяющая нас от смерти, всегда остается

неизменной. Одного шага достаточно, чтобы отмерить ее; и если мы будем полны решимости и осмелимся на него, тогда все остальное покажется не более чем искушением. Картины, которые встречаются нас на этом пути, суть зеркальные отражения нашего бессилия – они меняются вместе со сменой эпох, которым мы принадлежим” [З. 249-50, запись от 6 июня 1940 г.].

Являясь в большей степени наблюдателем, чем участником войны, Юнгер отмечал, что в своей основе она не изменила своей ландшафт. Война оставляет на своем пути трупы, свежие могилы и руины. В отличие от Великой войны, во Французской кампании 1940 г. он продвигался по следам прошедших сражений и видел то, что остается у воюющего солдата позади и на что он обращает внимание в меньшей степени. Еще во время “странной войны” им отмечалось смещение числа потерь на фронте и в результате несчастных случаев в сторону последних. Причем, как это часто случается в войсках, потери возникают по глупости. Так, например, один солдат был ранен, так как кому-то “взбрело в голову выставить соломенную куклу с маской Чемберлена”. В числе первых погибших оказался фельдфебель из пропагандистской роты, погибший у громкоговорителя. В целом, Юнгер полагал, что “в сухопутных войсках число погибших при транспортных авариях многократно превышало число павших под огнем неприятеля” [З. 140, запись от 8 января 1940 г.].

С началом Французской кампании панорама войны приобретает характерные черты. “На пути все новые сгоревшие автомобили, сбитые самолеты, могилы, домашняя утварь. Повозки беженцев похожи на корабли; видны обломки предметов, словно морем выброшенные на берег там, где они потерпели крушение” [З. 228, запись от 26 мая 1940 г.]. Иллюстрацией господства техники в современной войне служила уничтоженная авиация и сгоревшие танки. “По дороге разбившиеся самолеты, один из которых, за Седаном, рухнул прямо на крышу и теперь держал ее в тисках своих крыльев. От взрыва обуглился не только дом; зелень окружавших его деревьев поблекла и высохла от огня. На лесном участке танки, из них трупный запах” [З. 234-235, запись от 27 мая 1940 г.]. Юнгер указывал на отличие двух войн, так как в данной кампании практически не встречается упоминание на наличие каких-либо французских укреплений, инженерных сооружений и траншейной системы обороны. Они не встречались у него на пути. Единственным напоминанием о прошедшей войне служили памятники, которые он наблюдал в процессе движения. Все это указывало на то, что война в большей степени превращается в войну машин. Ее пейзаж достаточно однообразен. Юнгер отмечал, что “дороги, деревни и города, которые мы проезжали, лежали в развалинах, путь наш был сплошь усеян сожженными машинами; попадались и выгоревшие танки. Мертвые лошади, руины, могилы. Из участков густого леса трупный запах. Во многих местах памятники 1870 года и времен Мировой войны, нередко разрушенные попаданиями снарядов” [З.276, запись от 16 июня 1940 г.].

Как отмечалось, в отличие от Великой войны Юнгеру не пришлось принимать непосредственное участие в сражениях, поэтому подразделение в большей степени несло гарнизонную службу. Этим определяется различие в оттисках войны. Степень приближения к очагу боев предопределяла военные переживания, в то время как отдаленность от сражения усиливало стереоскопичность взгляда, который подмечал то, что остается после боя. На страницах дневника есть единственное описание последствий боя, подчеркивающее трагичность человеческой жизни в войне. Человек перемалывается в жерновах войны, и его останки выбрасываются вдоль дорог и на поля как отработанное сырье, на которое уже никто не обращает внимание. Юношеская восторженность боем сменяется скорбью. Юнгер словно снимает с поля боя посмертную маску. “Потом убитые. Сначала кто-то один, слева на поле, накрытый плащпалаткой; наружу выглядывает только предплечье. <...> Затем справа, перед лесным участком, целое поле трупов. Здесь, видно, подразделение занимало позицию вдоль дороги и попыталось затем найти укрытие среди деревьев; все они, вероятно, были скошены огнем во время коротко

броска. Лица и руки этих убитых уже распухли и почернели, и уже потом были присыпаны мукой дорожной пыли. Зрелище крайне угнетающее, точно рожденное ночным кошмаром чьего-то могучего духа” [З. 94, запись от 20 июня 1940 г.].

Вслед за мертвыми появляются живые – французские пленные как символ стремительных побед вермахта. “Под вечер через населенный пункт прошли свыше тысячи пленных французов. Я побеседовал с некоторыми; они рассказали, что война для них длилась всего десять минут, в течение которых их, по выражению одного эльзасца, <стер в порошок> немецкий танковый полк” [З. 239, запись от 29 мая 1940 г.]. Отношение Юнгера к военнопленным основывалось на принципах Великой войны, в нем присутствовало уважение к противнику, которое во Второй мировой войне стало нивелироваться, заменяясь идеологической враждой. Юнгер был этому не подвержен. В середине июня 1940 г. он записал, что “мое сердце никогда не оставалось равнодушным к несчастью – и, на мою беду, всегда как раз к тому, что не в моде. Между тем мне это кажется одним из тех свойств, по которым подлинное несчастье и узнается” [З. 275, запись от 14 июня 1940 г.].

18 июня 1940 г. в Монмиреле Юнгер столкнулся сколонной французских военнопленных, проходивших через город, который занимала его рота. Монмирель был замком французского философа Ларошфуко, который Юнгер приказал взять под охрану и навести в нем порядок. В первой половине дня через населенный пункт прошла колонна французских военнопленных численностью более десяти тысяч человек при небольшом числе охранявших их немецких солдат. “Складывалось впечатление, что эти усталые и изнуренные массы сами собой влачили вперед, навстречу какой-то неведомой цели. <...> Я приказал им принести из трофейного хранилища ящики с сухарями и мясными консервами и раздавать их. Кроме того, я велел различать плодово-ягодное вино. <...> Со страдание таких огромных людских масс на узком пространстве мне прежде еще сталкиваться не приходилось: чувствуешь, что больше не в состоянии распознать отдельного человека. Замечаешь также механическое движение, присущее катастрофам. <...> Почти все они выражали полную апатию и все задавали только два вопроса: дадут ли им поесть и будет ли заключен мир”. В хвосте длинной колонны Юнгер увидел “группу седовласых французских офицеров с медалями за Мировую войну. Они тоже с трудом продвигались вперед, волоча ноги и понутив головы. Вид их тронул меня; я приказал отворить ворота и препроводить их во двор”. Предложив им еду и ночлег, а также парикмахера. Юнгер увидел, как они преобразились. “они были еще как бы оглушены поражением”. Когда Юнгер поинтересовался у них о причине краха, то они объясняли его ударами немецкой авиации и молниеносными действиями сухопутных войск. Отвечая на встречный вопрос, он высказал в качестве причины поражения победу рабочего. “Они не знали прожитых нами после 1918 года лет и тех их уроков, что, словно в плавильном тигле, слились воедино” [З. 282-285, запись от 18 июня 1940 г.]. Такое отношение к военнопленным напоминало поведение офицера старой кайзеровской армии, чьи ценности не подвергались идеологической атаке армии гражданской войны. На фоне Второй мировой войны такой поступок был исключением.

Военные дневники Юнгера периода Второй мировой войны обращают внимание не только на драму людей, но и на трагедию животных, которые сопровождали в жизненном пути как солдат, так и гражданских лиц. Обращение к теме животных на войне достаточно редкое явление. Они уступают место людям. Их не замечают или придают их смерти эпизодическое значение. Юнгер затрагивает эту тему только в дневниках Второй мировой войны. Это определяется особенностью восприятия мира войны и, конечно, временной дистанцией между дневниковыми записями Первой и Второй мировыми войнами. Трагедия животных дополняет трагедию людей, сливается с ней, обнажая болезненный нерв войны. “Мертвые животные: главным образом лошади, сильно распухшие, с непомерно вздыбленными половыми органа-

ми. Синие, зеленые и золотистые мухи сновали по их туго натянутой шкуре, осы тоже глодали их кожу. Они умерли от изнурения; когда мимо проходят другие лошади, видишь, как утомленно ступают они на передние ноги и, словно в последнем протесте, задирают шею. Кроме того, мертвые собаки, угодившие под колесами автомобилей или сдохшие от голода на цепи; коровы, куры, овцы, очень много кроликов и кошек. Несколько раз мне даже показалось, будто из недр оставленных строений доносился вопль запертых там животных” [З. 239-240, запись от 30 мая 1940 г.]. Трупы лошадей перемешивались с военной техникой. Они лежали на дороге или на обочинах, “запряженными в разбитые повозки с боеприпасами и полевые кухни. Трупы, с вздутыми, как трубы, половыми членами, ужасно распухли. Губы полуобиженно вывернуты гримасой страдания, так. Что обнажились крупные белые зубы. Так формируются особые маски – как будто речь идет о демонических личинах, на которых прожитая жизнь оставила свои следы” [З. 293-294, запись от 20 июня 1940 г.].

Наравне с лошадьми, погибавшими в военных колоннах, умирали и домашние животные, становясь жертвой военных действий. Ворвалась и в их жизнь, раздавив и уничтожив ее. “В пыли, по правую от меня руку, лежала великолепная ангорская кошка с черной, подсвеченной бархатисто-коричневым шкуркой, распластавшаяся наподобие коврика. Когда я наклонился с седла, чтобы поближе разглядеть ее, в нос мне ударил запах падали” [З. 231, запись от 27 мая 1940 г.]. В другом случае, “какая-то собака или кошка у въезда на фабрику газовых фильтров, видимо, угодила под тяжелую машину и была так раскатана по земле, что осталось только большое красное пятно. Я никогда бы не догадался, что это останки живого существа, если бы не увидел шесть не рожденных телят, шесть эмбрионов, образовавших подобие шестиугольника. Благодаря гладкой оболочке яйца они, словно железные шарики, выскользнули из-под тяжелого колеса и в кровавом месиве единственные сохранили форму” [З. 274, запись от 16 июня 1940 г.]. Животные погибали не только под колесами техники, но и убивались солдатами. Они “лежали по огородам, например, большой дог с желтой, вздувшейся на жарком дневном солнце шкурой” [З. 235, запись от 27 мая 1940 г.]. Вместе с тем, домашние животные бросались своими хозяевами на произвол судьбы, когда они спешно покидали жилища, убегая от войны. 4 июня 1940 г. Юнгер записал: “Вечером снова ходил по оставленным домам; отворив дверь в одну комнату, я наткнулся на огромную черную собаку, которая пристально уставилась на меня горящими глазами. Я спешно прошел в соседнюю каморку и увидел там на диване желтого дога, а на полу – белого пинчера, который при виде меня яростно залаял. Похоже, здесь был клуб осиротевших собак” [З. 245, запись от 4 июня 1940 г.].

Фиксирование в дневнике эпизодов с трагедией животных на войне направлено не только на уравнивание страданий, но и может рассматриваться как средство усиления демонстрации живодёрни. Через тему страдания происходит переосмысление войны как мирового явления, которое должно заставить задуматься о необходимости войны как таковой, о ее жестокости. “Так знакомишься и с непосредственным действием выстрелов, которое обычно так и остается вне поля зрения стрелка. Пуля поражает многое; видишь, как падает птица, и любишься летящими во все стороны перьями, но не видишь яиц, птенцов и самку в гнезде, куда она никогда уже не вернется” [З. 350, запись от 20 июля 1940 г.].

Французская кампания 1940 г. завершилась 22 июня германской победой. Полк, в котором служил Юнгер, был оставлен во Франции и в конце апреля 1941 г. переведен в Париж в качестве охраны. 14 июня 1941 г. генерал Шёде сообщил Юнгеру, что его отзывают в штаб главнокомандующего германскими войсками во Франции. “Я понял, что Шпейдель позаботился обо мне” [З. 16,37, запись от 24 апреля и 14 июня 1941 г.]. С этого момента начинается штабная служба Юнгера, включившая его в круг германских офицеров в Париже. В силу служебных обязанностей он имел возможность общаться и наблюдать за позицией германского

генералитета во Франции, а также ближе познакомиться с деятелями французской культуры. В пламени войны служба в оккупационном штабе была определенным заповедником, в котором Юнгер переосмысливал современность.

Библиографический список

1. Артамошин С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. – СПб., 2018.
2. Юнгер Э. Первый Парижский дневник// Юнгер Э. Излучения. (февраль 1941- апрель 1945). – СПб., 2002.
3. Юнгер Э. Сады и дороги: дневник. – М., 2008.
4. Ernst Jünger – Carl Schmitt. Briefe 1930-1983, hrsg., kommentiert und mit einem Nachwort v. H. Kiesel. – Stuttgart, 2012.
5. Kiesel H. Ernst Jünger. Die Biographie. – München, 2007.
6. Schwilk H. Ernst Jünger. Ein Jahrhundertleben. – Stuttgart, 2014.

Сведения об авторе:

Артамошин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, e-mail: artamoshinsv@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГЕРМАНИИ В 1933-1936 ГГ.

Аннотация: В статье рассматривается опыт реализации «модернизационных» изменений в Германии с 1933 по 1936 в условиях перехода от демократической к тоталитарной модели принятия государственных решений. Дается оценка эффективности проводимых отдельных мероприятий в экономической сфере (реализация плана борьбы с безработицей), реформирование государственного аппарата (начало нацификации) и изменения в сфере образовательной политики на примере искажения роли женщины в немецком обществе и ограничение их доступа в высшее образование.

Ключевые слова: нацистская Германия, модернизация, государственное решение, эффективность.

V.G. Dorokhov (Kemerovo State University) The modernization of German political and social life in 1933-1936

Abstract: This article examines an experience of «modernization» efforts implemented in Germany between 1933 and 1936 in state of conversion from democratic to totalitarian model of decision making power of government. Given the evaluation of effective and distinct undertakings in economic field (realization of unemployment combat plan), reforms in the State machinery (start of nazification), and changes in education policy by the example of female role distortion in German society and their limitation to tertiary education.

Keywords: nazy Germany, the modernization, social decisions, effectiveness

В конце января 1933 года, новым канцлером Веймарской Германии стал Адольф Гитлер. Его первые обращения по радио достаточно ясно обозначили личные приоритеты на последующие месяцы работы. Он говорил о том, что когда Германия капитулировала в ноябре 1918 года, это стало тяжелым ударом для нации, который можно и нужно преодолеть. Это ключевое событие достаточно ясно показывало, что травматические переживания 15-ти летней давности занимали в его жизни и политическое карьеру, центральное место. Исходя из своего специфичного понимания решения проблем, которые были у Германии к началу 1930-х гг., он предложил стране широкую программу реформ за 4 года. Технически, сам план как масштабное мероприятие будет запущен позже, но его информационное начало относилось к 1933 году. Каждый смог услышать то, во что хотел верить и идти за этим. Немецкое крестьянство получило обещание спасения от обнищания, трудящиеся – спасение от безработицы, государственные служащие – улучшение условий их жизни. Гитлер смог выразить в своих выступлениях вполне ясное намерение реформировать немецкий государственный аппарат для ликвидации устаревшего деления между местными властями и центральным аппаратом власти. Значительные изменения планировались в социальной политике. Новый канцлер обещал запустить программу решения земельного вопроса, дать возможность немецкому населению улучшить доступ к нормальному здравоохранению и пенсиям. Все эти и другие обещания при соответствующем расширении государственного сектора экономики и формировании в нем новых рабочих мест, давали новому политическому режиму определённые гарантии устойчивости. В том или ином смысле озвученные им предложения по реформированию основ внутренней политики Германии совпадали с чаяниями широкой публики.

В то же время Гитлер активно заявляя о широких мероприятиях во внутренней политике, очень неохотно на начальном этапе канцлерства раскрывал все, что было связано с внешней политикой. Гитлеровское понимание свободы немецкого народа строилось на том основании, что Германия должна четко отстаивать свои национальные интересы путем односторонних действий, активно задействуя как дипломатические, так и военные каналы, не отвлекаясь на международные соглашения, которые, так или иначе, ограничивали страну. По-

скольку в 1933-1936 гг. немецкая военная машина еще не могла в открытую противостоять своим противникам по бывшей Антанте, то идеи, озвученные в «Майн Кампф» запускались в жизнь постепенно.

Широкая политическая коалиция, сложившаяся при приходе к власти Гитлера, недвусмысленно указывала на ограниченность в политических ресурсах национал-социалистов. Например, только 11 членов кабинета министров, получивших свои должности 30 января 1933 г. 4 были уже связаны с НСДАП, остальные 7 либо относились к беспартийным, либо к другим политическим образованиям: портфель министра финансов сохранил за собой Шверин фон Крозиг (активно выступал против создания рабочих мест за счет государственных кредитов), министром экономики и сельского хозяйства был назначен Альфред Гутенберг (бывший одновременно главой партии (НННП)), министром труда стал Франц Зельдте (один из основателей военизированной организации «Стальной шлем»), министром юстиции утвердили Франца Гюртнера (члена НННП). Соответственно у каждого из них были свои взгляды на реализацию той обширной программы по воссозданию «Великой Германии» в долгосрочной перспективе или созданию рабочих мест в краткосрочной перспективе.

Гитлеру определенно повезло в начальный период его деятельности в том, что финансовые ресурсы, которые он использовал для запуска экономических программ по борьбе с безработицей, уже были сформированы и речь только об их расходовании. Что собственно и произошло с «фондами генерала Шлейхера», как бывшего канцлера не успевшего запустить свою программу помощи в размере 600 млн. марок [11, С.74]. Они были полностью распределены уже к концу лета 1933 года, а для выполнения программы Фрица Рейнхардта требовалось какое-то время, и потому было не совсем ясно, насколько ухудшится ситуация к новой зиме 1933-1934 гг. Летом 1932 года канцлер Ф. фон Папен основательно подмочил свою репутацию заявив о том, что кризис преодолен и получив зимой 1932-1933 гг. новый рост безработицы. Рядовые немцы, переживавшие тяжелые психологические травмы из-за нового витка безработицы, могли не простить новому правительству очередного обострения ситуации. Гитлеру необходимо было доказать, что проблема находится под контролем и нового витка безработицы при нем же не будет.

В рамках подобной установки национал-социалистическая партия во второй половине 1933 г. продолжила шумное и фееричное пропагандистское наступление на безработицу. Выполняя заказа Гитлера, рейхсминистерства подготовили новую специальную программу, направленную на то, чтобы занять строительных рабочих на протяжении трудных зимних месяцев. В ход была запущена программа Рейнхардта, опиравшаяся не на прямое государственное финансирование, а на косвенные субсидии частному сектору и по факту она представляла собой откат к более скромным планам создания рабочих мест и имея меньшие масштабы. Было выделено всего 500 млн. рейхсмарок на субсидии для работ по ремонту зданий и еще 300 млн. на процентные субсидии по закладным, взятым до завершения 1933-34 финансового года [11, С.84]. Эффект выполнения обеих программ (Шлейхера-Рейнхардта) был соизмеримым. С точки зрения политических дивидендов, Гитлер получил хорошую возможность для продолжения своей политики. Местные власти по всей Германии, поощряемые центральным правительством, весной 1934 г. с готовностью продолжили борьбу с безработицей.

Одним из наглядных примеров успешного освещения в СМИ деятельности местных органов в решении проблем безработицы, можно считать пропаганду успехов Восточной Пруссии. Ее руководитель Эрих Кох, всего через шесть месяцев после прихода Гитлера к власти объявил о победе над безработицей. Причем количество зарегистрированных безработных в этом анклав приближалась к 130 тыс. человек [11, С.80]. Столь быстрое решение

вопроса можно объяснить двумя факторами: щедрое финансирование и особенности загрузки рабочей силы. В первом случае это объясняется поддержкой со стороны Г. Геринга, бывшего министром-президентом Пруссии (с апреля 1933 г.) и имеющимися у него возможностями как близкого соратника Гитлера. Во втором случае стоит учитывать структуру занятости населения. В основном это сельские рабочие. Следовательно, для решения проблемы безработицы было достаточно более активно привлечения безработных в сельское хозяйство. Национал-социалистическая пресса подавала данный эксперимент, как несомненное преимущество деятельности центральных властей по решению злободневных проблем. Аграрная экономика Восточной Пруссии очень хорошо подошла для применения быстрых, но вполне простых мер по созданию рабочих мест. Общественные работы и щедрые государственные заказы позволили превратить эту глухую провинцию, которой заведовал Кох, в национально пропагандистскую картинку. Фактически первая волна, задуманная еще при канцлерстве Шлейхера завершилась в первой половине 1933 г., вторая – программа Рейнхардта – мыслилась как закрепление завоеваний предыдущего года, а третий этап «битвы за рабочие места» должен был состояться в 1934 г., но поскольку основным приоритетом было объявлено перевооружение, то третий этап прошел скомкано.

Еще одним интересным примером использования пропагандистских возможностей Третьего Рейха можно считать «модернизацию» автомобильных дорог и создание высокоскоростных немецких автобанов. Еще в 1926 году в Германии для решения проблем с дорогами было создано сообщество инженеров NaFraVa («ганзейские города, Франкфурт-на-Майне, Базель) собиравшееся активно лоббировать на государственном уровне идею строительства скоростных автомобильных дорог [3]. Гитлер подключил к реализации этой идеи своего эксперта – Фрица Тодта, бывшего не только опытным строителем, но и правильно «идеологически» подкованным, т.е. сторонником НСДАП. Создание скоростных дорог преследовало два ключевых аспекта. Первый, это то, что их строительство создавало новые рабочие места и тезис послевоенных исследователей о том, что дороги строились преимущественно с применением слабо механизированного труда, говорит скорее не о мистификации со стороны нацистских властей, а через осознанное применение ручного труда для занятия населения вообще каким-либо трудом. Похожие процессы шли в это время в США, где также правительство Ф. Рузвельта решило путем привлечения населения к строительству автодорог решить частично проблему массовой безработицы и так же использовало преимущественно ручной труд. Второй аспект связан с символическим восприятием этих дорог. В исследовательской литературе господствует точка зрения, что строительство автобанов было направлено в первую очередь на решение военных проблем переброски войск от одной границы к другой. И действительно, военная составляющая присутствовала, однако не была основной. На это указывает несколько фактов: 1. автобаны в том виде, в котором были задуманы не были завершены; 2. Они хорошо видны с воздуха, следовательно передвижения немецких войск можно было легко заметить и разбомбить; 3. Автобаны строились на бетонном основании, следовательно слишком тяжелая техника могла их только разрушить и затруднить дальнейшее использование; 4. Излишнее внимание внешней стороне оформления автобанов (если это исключительно прагматический проект и предназначен для военных нужно, нет необходимости украшать дорогу посредством строительства различных монументов). Фактически строительство автобанов стоит рассматривать как воплощение политики и идеалов, которые были центральными для политики Третьего Рейха [16, S.197]. Эффективность мероприятий по снижению безработицы была достаточно высокой, если оценивать ее с позиций массового привлечения вчерашних безработных на государственные работы и если бы не продолжившийся, после 1936 года, курс на дальнейшую милитаризацию эконо-

мики, то страна за короткое время сумела спешно выйти из экономической депрессии и не скатится в экономическую рецессию.

Параллельно, вместе с экономическим возрождением национал-социалисты были озабочены реформированием государственного аппарата. Поскольку без перехвата власти на местах не могло идти речи об активной поддержке их со стороны центра. Государственный аппарат при любом политическом режиме находится в несколько привилегированном положении, однако он и первый попадает под реформирование, если политический ландшафт и установки резко меняются. В исследовательской литературе традиционно указывается на тот факт, что запуск основных постулатов национал-социализма в качестве основной линии поведения для государственных служащих и проведение в жизнь спорных с научной точки зрения расовых и идеологических кампаний, отразились на качественном и количественном составе государственного аппарата. Однако количественно состав госслужащих только увеличился, в связи с постоянным увеличением роли государства в экономике и культуре страны. Переход на частично-плановую экономику не смог бы произойти без усиления регулятивных функций госаппарата. В контексте качественного состава шло выбывание либеральных чиновников и замена их новыми, более лояльными новому политическому режиму. Аполитичность «идеального чиновника» М. Вебера сменилась идеологически правильным чиновником.

Например, одним из первых новых рейхсминистерств (в некотором смысле ключевым, с точки зрения рекламы успехов нового правительства) появилось рейхсминистерство народного просвещения и пропаганды во главе с Йозефом Геббельсом. Стремясь унифицировать культурную жизнь страны, в сентябре 1933 года была законодательно учреждена Имперская палата культуры, основное предназначение которой определялось как сбор «...творческих работников во всех сферах в единую организацию под руководством рейха. Рейх должен определять не только направление интеллектуального и духовного прогресса, но и организовать деятельность работников различных сфер культуры и руководить ею» [12, С.453]. То есть речь шла не просто об определении основных направлений культурной жизни в государстве, но также и о механизмах реализации. Причем это шло не в рекомендательном, а императивном порядке. Имперская палата была разделена на 7 отделов (палат): изобразительное искусство, музыка, театр, литература, пресса, радиовещание, кино. Подобное расширение деятельности нацистского государства на все культурные сферы жизни немецкого общества, автоматически приводило к тому, что все лица, работающие в этих сферах, были обязаны вступить в соответствующие палаты и следовать их решениям. Конечно, всегда была возможность отказаться, но на практике это напрямую означало только одно – отстранение от работы и как следствие лишение средств существования для себя или своей семьи. С прагматической точки зрения подобная форма организации культурного пространства хорошо укладывается в логику установления контроля в максимально короткие сроки над людьми, которых сложно было сорганизовать. И в этом смысле нацистская Германия не была первопроходцем. Несколько ранее похожие процессы прошли в СССР, когда в начале 1930-х годов все представители творческих профессий были объединены в творческие союзы.

При анализе подобных процессов, нужно также учитывать и степень личных пристрастий высшего руководства. Например, после выступления Гитлера в сентябре 1934 году в Нюрнберге им были даны новые вводные данные на культурно-политическую жизнь страны. Итогом реализации его идей стало долговременное противостояние А. Розенберга (руководитель внешнеполитического управления НСДАП) и Р. Лея (руководитель «Немецкого рабочего фронта») по причине попытки постановки под контроль «Немецкого рабочего фрон-

та» со стороны А. Розенберга и считавшего центром своей культурно-политической линии идеи развития т.н. рабочей культуры [5, С. 18]. Кроме того Розенберг еще осенью 1934 года активно высказывался по поводу своих культурно-политических интересов. Частично подмяв под себя Р. Лея, Розенберг попытался развить успех и оттеснить другого актора в деле культурно-политического контроля за немецкой культурой и обществом, Й. Геббельса, однако формально свободная деятельность А. Розенберга с 1936 г. была переведена под начало Имперской палаты культуры [5, С.21].

Помимо А. Розенберга и Й. Геббельса особую роль в определении направления культурного развития Третьего Рейха играли также взгляды Гитлера. В исследовательской литературе распространено мнение, что для Гитлера все современное ему искусство несло на себе отпечаток деградации. Однако зная особенности его жизни до прихода к власти в 1933 году, можно говорить о том, что с идеологической точки зрения в среднесрочной и долгосрочной перспективе, именно классицизм, как основная форма отображения нацистских взглядов в художественном искусстве и архитектуре, лучше соответствовал более эффективному воздействию на немецкое общество, чем разрозненные схемы кубизма, фомизма или пунтиализма. Геббельс, как руководитель нового ведомства должен был наиболее доходчиво доносить до максимально широкой публики идей национал-социализма, закрепляя их в умах и сердцах на возможно долгий срок. Поэтому изъятие полотен художников-модернистов из немецких музеев позволяло разорвать сложившуюся пеструю культурную традицию в Германии и перейти к новой, с опорой на имеющиеся классические образцы в сфере архитектуры и художественного искусства. В рамках массовой чистки музеев от произведений «выродившегося искусства» из 12 музеев было удалено более 4700 картин. Из Манхеймерской художественной выставки 584 произведения, из Дюссельдорфского государственного художественного собрания – 900, из Франкфуртской галереи – 496, из Бреславского музея – 560, из Штутгартской галереи – 283, из Хемницкого общественного собрания – 368, из Хемницкого художественного собрания – 275, из Дрезденской государственной галереи – 150, из Дрезденского городского музея – 381, из Кабинета гравюры на меди в Дрездене – 365, из Гамбургского художественного собрания – 983, из Гамбургского художественного музея – 269 [15, S.112]. По факту подобная «модернизация» искусства затронула не только художественное искусство, но и саму структуру немецкого языка. Так как все, что выпускалось в Германии проходило нормативную обработку со стороны партийных ведомств, то вся печатная продукция плавала, по меткому выражению В. Клемперера: «...в одном и том же коричневом соусе. Эта полнейшая стандартизация письменной речи повлекла за собой единообразие речи устной» [6, С. 9].

Поэтому ничего удивительного, что после вполне либеральных 1920-х годов, 1930-е воспринимались как время жесткости во всех культурных сферах. Пресса была вынуждена ориентироваться на постоянные письменные директивы со стороны контролирующих органов, определявших их творческую политику. Не избежали подобной участи радио и пресса, также вошедшие в сферу контроля нового нацистского государства. Из всех наиболее интересных технических средств воздействия на массового слушателя, только радио обладало необходимыми компонентами. Й. Геббельс считал радио главным орудием пропаганды, которое одинаково хорошо можно было использовать на внутреннюю и внешнюю публику. Воздействие театра было ограниченным по охвату зрителей, а кино требовало больше ресурсов, поэтому радио лучше соответствовало функциональности в контексте донесения информации. В рамках этого подхода была запущена программа «народный приемник», и хотя первоначально радиоприемник стоил очень дорого для простого немца, государственное софинансирование программы позволило снизить стоимость с 76 рейхсмарок до 35, то есть

фактически в два раза [8, С. 40]. В целом же, эффективность проведенных мероприятий в сфере культуры также можно считать успешными, поскольку освещение первых успехов нацистов в экономической сфере позволили не только укрепиться им, но продолжить свою политику по установления контроля над всеми сферами жизни человека.

Соответствующей «модернизации» в духе национал-социализма подверглась и система образования, хотя и несколько позже, чем все остальные сферах. Перевод преподавателей в ранг государственных служащих с одной стороны был материальным благом, но с другой стороны ограничивал их свободу с точки зрения донесения информации до обучающихся. Впрочем, не стоит забывать тот момент, что большинство учителей средней школы были по духу консерваторами, поэтому информационная свобода их интересовала в меньшей степени. Кроме того, запрет евреям на работу в средней и высшей школе означал наличие вакантных мест, которые в условиях безработицы начала 1930-х гг. были крайне востребованы. Сам по себе принцип фюрерства не противоречил духу большинства немецких преподавателей, а наоборот, даже увеличивал их властные полномочия по сравнению с период Веймарской республики и его либеральными экспериментами. Если человек претендовал на должность преподавателя в университете, то он должен был пройти шестинедельные сборы в лагерях, где образовательные эксперты, сотрудничавшие с тайной полицией, изучали их характеры и взгляды, а затем обобщали свои выводы и предоставляли их в Министерство образования. Национал-социалистская ассоциация университетских преподавателей играла решающую роль в отборе тех, кому доверялось образование и обучение [12, с.178]. И если говорить о представителях гуманитарной науки, то с приходом к власти Гитлера, большинство историков ожидали внешне-политического подъема и фактически поддерживали новый режим [7, С.59].

Довольно распространенной точкой зрения является миф об упадке преподавания естественных наук в нацистской Германии. Действительно, были уволены или вынуждены уехать многие известные ученые. В тоже время не стоит забывать тот факт, что Германия 1920-х была местом, где активно работали интернациональные команды, которые после прихода к власти национал-социализма постепенно вынуждены были свернуть свою деятельность. Однако говорить о массовом исходе из немецкой естественной науки не приходится. Процесс выдавливания из вузов лиц «неарийской» расы носил постепенный характер и «нацификация» в образовании носила не скоропалительный, а изощренный характер [1, С.28]. Как показали будущие военные действия, немецкая техническая научная мысль многое восприняла от своих соседей, но и сама была по ряду направлений на шаг дальше от них. Разница была в том, что если в Веймарской республике немецкая наука была более интернациональной и была сосредоточена больше в высших учебных заведениях, то после прихода к власти национал-социалистов и постепенного выдавливания «неарийцев» из системы образования, передовые разработки перешли в научно-технические центры при крупных промышленных корпорациях (как например IG Farben, Siemens Apparate und Maschinen GmbH, Friedrich Krupp AG и др.).

Исходя из своего понимания, была также «модернизирована» система организации женского образования в целом и отношение к женщине в частности. Основной ориентир был взят на то, что женщине в пропагандистской картине мира национал-социализма отводилась второстепенная роль, основной функцией которой было поддержание традиционных институтов семьи и брака. Экономическая неурядица 1920-х гг. способствовала частичной эмансипации немецкой женщины, выразившейся в более свободном поведении в обществе (танцы, спорт, короткие прически, брюки, вечерние платья, купальные костюмы, возможность выбирать спутника жизни). Однако такое поведение было скорее характерно для городских жите-

лей. Женщины же из трудовых слоев вели, как правило, традиционный образ жизни и в большей степени были привержены пресловутым ценностям «К»: дети, кухня, подвал, одежда [4, с.44].

После 1933 года новый режим, добиваясь консолидации населения вокруг него, использовали все возможности государственного аппарата для установления контроля над женщинами Германии. Уже с весны 1933 года началось планомерное освобождение государственного аппарата от занятых в нем женщин. Увольняли не только сотрудниц учреждений, но и замужних женщин-врачей. В различных нацистских женских организациях состояло более 7 млн. немок. Они выпускали журналы, устраивали разнообразные культурные и образовательные мероприятия, вечера отдыха и танцев, благотворительные концерты, выставки цветов. Стремясь поставить под контроль женское образование было изменено соотношение между мужчинами и женщинами в неполных средних школах (4:1), а законом «О переполненности немецких школ и высших школ» от 25 апреля 1933 г. устанавливалось ограничение по приему женщин в количестве не более 10% от всех обучающихся [4, с. 45].

В 1934 г. по решению правительства началось создание многочисленных служб в поддержку материнства. Самой популярной была «Служба помощи матери и ребенку». Она создавала разветвленную сеть школ и курсов материнства по всей Германии. В них специалисты передавали женщинам самые различные знания по воспитанию детей, уходу за новорожденными, санитарии и гигиене, оказанию первой медицинской помощи. К концу 1930-х годов в стране действовало 517 школ материнства. Нередко при этих структурах или автономно работали многочисленные курсы, на которых учили образцовому ведению домашнего хозяйства [9, С. 437]. Посещая их, можно было получить навыки шитья, кулинарии, обращения с домашним оборудованием. С 1936 года в рамках реализации своей политики, национал-социалистами было принято решение о выплатах многодетным семьям, имеющим четверо и более детей, в случае если доход был менее 185 рейхсмарок [10, С.51]. Тогда же в 1936 году была создана женская секция, по заботе о благополучии работающих замужних женщин. Главной заслугой этой секции можно считать отстранение женского труда от вредного производства и сменного труда. Но установки на вытеснение женщин в сферу приватной жизни вскоре вступили в противоречие с потребностями нацистского рейха.

Начиная с 1936 г. нацистское правительство в условиях массовой безработицы стало осуществлять программы для преодоления «узких мест» в экономике и социальной сфере. Они были рассчитаны на использование в основном труда молодых девушек и нередко носили принудительный характер. Фактически, Геббельс как министр пропаганды должен был в своей работе сочетать два противоречивых момента: с одной стороны, учитывать произошедшие изменения в немецком обществе в рамках перехода к индустриальному обществу, с другой стороны пропагандировать культ матери и хранительницы чистоты германской расы [2, С.73]. Эффективность политики в сфере образования вызывает множество вопросов с современной точки зрения, однако с позиции того времени в целом соответствовала чаяниям широких масс. Вузы были разгружены от излишнего количества студентов, преподаватели «арийской» расы получили стабильность и ориентир для своей дальнейшей работы, а оттеснение женщин на вторые роли находило позитивный отклик, как в мужской, так и в женской среде.

В целом же, трансформация немецкого общественно-политического климата проходила неравномерно. Новые власти постоянно вынуждены были в первые годы лавировать между свершившимися фактами (например, раскрепощение немецких женщин) и своими идеологическими установками. Подобные логические компромиссы ради целесообразности препятствовали быстрой социально-экономической революции в Третьем Рейхе [13, S.132]. Основ-

ные трансформационные процессы на начальном этапе деятельности национал-социалистов были стратегически направлены на нацификацию экономики (перестройка всей экономики в рамках перевооружения, но первоначально необходимо было решить проблему массовой безработицы обострившейся к 1932 году), нацификацию государственного аппарата (перехват власти на местах и замена оппозиционных чиновников на лояльных новому режиму, но для этого нужно было решить проблему политической оппозиции), нацификацию системы образования (началась позже всех и наиболее глубоко затронув изменения положения женщин в системе высшего образования). Фактически внутривластный курс, который проводило нацистское государство в это время не всегда был последовательным и отличался противоречивостью, но оказался на редкость эффективным в краткосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Бабина М. С. Высшее образование как инструмент политической власти в Третьем Рейхе // Вестник Томского государственного университета. 2016. №404. - С. 27-31.
2. Биалутдинов М. Д. Й. П. Геббельс о роли и месте женщины в национал-социалистическом обществе и государстве // Вестник Томского государственного университета. 2007. 305. – С.71-74.
3. Дик В., Королева Н. Немецкий автобан и нацистское мифотворчество // Сайт немецкой международной общественной телерадиокомпании Deutsche Welle. <https://www.dw.com/ru/немецкий-автобан-и-нацистское-мифотворчество/a-16143817>
4. Ермаков А. М. Союз немецких девушек и реформа женского образования в нацистской Германии // Вестник Вятского государственного университета. Киров, 2006. – С.42-48.
5. Есипов В. В., Кузнецов С. И. Культурная политика в Третьем рейхе в предвоенные годы (1935-1939) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2015. Т.14. – С. 18-26.
6. Клемперер В. Язык Третьего Рейха. Записная книжка филолога. М.: Изд-во Прогресс-Традиция, 1998.
7. Корнева Л. Н. Наука и культура в нацистской Германии в оценке немецких историков // Вестник Кемеровского государственного университета. №4-1 (52). 2012. С. 57-62.
8. Немецкий радиоприемник VE 301 // Радио фронт. 1933. №10. – С. 39-40.
9. Пленков О. Ю. Третий Рейх. Нацистское государство. – СПб., 2004.
10. Супрыгина Г. Г. Культ матери в Третьем Рейхе, его смыслы и последствия // Вестник Томского государственного университета. 2005. №288. – С. 49-55.
11. Туз А. Цена разрушения. Создание и гибель нацистской экономики. М.: Издательство Института Гайдара, 2019.
12. Ширер У. Взлет и падение Третьего Рейха. Пер. с англ. В 2-х томах. Т.2. – М: Воениздат, 1991.
13. Bendersky Joseph W. A History of Nazi Germany: 1919-1945. Rowman&Littlefield, 2000.
14. Roh F. «Entartete» Kunst – Kunstbarbarei im Dritten Reich / Franz Roh. – Hannover, 1962.
15. Shand James D. The Reichautobahn: Symbol for the Third Reich // Journal of Contemporary History. Vol. 19. № 2 (Apr, 1984), pp. 189-200.

Сведения об авторе:

Дорохов Валерий Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, **e-mail: dorokhov905@gmail.com**

«НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЕ РАБСТВО» В СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЕ ПАМЯТИ (1945-1991 гг.)

Аннотация: проанализировано отражение подневольного труда советских людей на территории гитлеровской Германии и оккупированных ею стран в официальном дискурсе, школьных учебниках истории, историографии, научно-популярной, публицистической и художественной литературе, а также в кинематографе СССР. Выявлены особенности исторической памяти об угоне в Германию, условиях труда и жизни, Сопротивлении советских граждан, привлеченных к принудительному труду.

Ключевые слова: Третий рейх, Великая Отечественная война, подневольный труд, культура памяти.

A. M. Ermakov (Yaroslavl State Pedagogical University) "German-fascist slavery" in the Soviet culture of commemoration.

Abstract: In this article the author analyses the reflection of Soviet people's servitude in the territory of Hitler's Germany and occupied countries in the official discourse, school history books, historiography, educational, media and fiction literature as well as in the cinematography of the USSR. The characteristic features of historical memory of servitude deportation to Germany, labour and life conditions, Resistance of Soviet citizens forced into slave labor are identified.

Keywords: Third Reich, Great Patriotic War, servitude, culture of commemoration.

Принудительным трудом на гитлеровскую Германию в годы Второй мировой войны были заняты миллионы советских граждан – военнопленных, узников гетто и концентрационных лагерей, жителей оккупированных территорий. Отдельную категорию подневольных работников составляли «восточные рабочие» - советские люди, привлеченные к принудительному труду в Германии и оккупированных ею странах. По современным данным, количество «восточных рабочих» составляет 4 128 796 человек [43, с. 11]. Работа на оккупантов стала для наших сограждан трагедией, многим она стоила дорогого имени, здоровья, жизни. В официальном дискурсе, как и в сознании советских людей, подневольный труд на оккупантов получил название «немецко-фашистского рабства» или «фашистской каторги». Вспоминать о подневольных работниках, а тем более изучать историю принудительного труда на гитлеровцев в Советском Союзе не было запрещено, но было не принято – так же, как было не принято говорить о причинах поражений Красной Армии на начальном этапе войны, коллаборационизме, Холокосте и судьбе военнопленных. В то же время каторжный труд подневольных работников подтверждал человеконенавистническую сущность германского нацизма, а потому не предавался полному забвению. Память о нем находила отражение в периодической печати, публикациях документов, исторических произведениях, в небольшом объеме распространялась через художественную литературу, кинематограф, публицистику, воспоминания, передавалась подрастающему поколению в школе.

* * *

В первые послевоенные годы инициатором сохранения памяти о принудительном труде выступало государство, оно задавало тональность и определяло содержание информации, которую следовало знать гражданам СССР. Время от времени эта информация актуализировалась в центральной печати и непериодических изданиях. Четвертого октября 1945 г. в газете «Правда» была опубликована статья начальника управления Уполномоченного СНК СССР генерал-полковника Ф. И. Голикова, приуроченная к годовщине принятия решения СНК СССР «О репатриации на Родину советских граждан, угнанных в неволю немецко-фашистскими захватчиками». Автор проводил мысли о том, что «советское правительство,

партия Ленина – Сталина ни на минуту не забывали о своих гражданах, страдающих на чужбине», что Сталин постоянно призывал «вызволить из неволи миллионы советских людей», что «в фашистской неволе советские люди беззаветно и героически боролись против гитлеровских разбойников», что советское государство оказало репатриантам всю возможную помощь и в течение года вернуло на родину 5 236 130 человек, что «родина встречает вниманием и заботой многострадальных сыновей и дочерей, возвращающихся из фашистской неволи равноправными гражданами СССР», обеспечивает их работой. В статье приводились письма благодарных граждан и конкретные примеры счастливой жизни репатриантов: «В колхоз “Выдвиженец” Баштанского района Николаевской области вернулись из Германии 30 крестьян. Они работают наравне со всеми и пользуются уважением всех колхозников. Петраков работает комбайнером, Константинов – бригадиром полеводческой бригады, Буйбаров – машинистом молотилки, Козырев – бригадиром тракторной бригады. Все они были на этих же работах и до войны». Констатируя, что советские люди, вернувшиеся из неволи, испытывают «великую радость», что к ним нужно относиться чутко, помочь устроиться на работу и создать нормальные условия жизни, Ф. И. Голиков завершал статью ноткой недоверия к репатриантам: «Репатриированные советские люди длительное время пребывали вдали от родины. Наша задача – неустанно вести с ними политическую работу, вовлекать их в активную общественную жизнь, приобщать их к творческому созидательному труду, к дальнейшему укреплению мощи нашего великого государства» [12, с. 2].

До 1952 г. пять изданий выдержала книга И. В. Сталина «О Великой Отечественной войне Советского Союза», в которой были опубликованы адресованные партизанам приказы верховного главнокомандующего от 1 мая и 7 ноября 1943 г., вменяющие «народным мстителям» в обязанность «вовлекать широкие слои советского населения в захваченных врагом районах в активную освободительную борьбу, спасая тем самым советских граждан от угона в немецкое рабство и от истребления гитлеровскими зверями», а также «спасать советских людей от истребления и угона их на каторгу в Германию» [52, с. 103, 132].

Власть и позднее поддерживала память о принудительном труде. Так, к 20-й годовщине операции «Багратион» в «Правде» появилось несколько статей, посвященных освобождению Белоруссии. В одной из них, написанной Первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии К. Т. Мазуровым, говорилось, что «гитлеровцы... около 380 тысяч человек угнали на каторжные работы в Германию» [32, с. 2].

15 сентября 1945 г. был подписан к печати второй выпуск сборника «Документы обвиняют», подготовленного Чрезвычайной государственной комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников». Хотя угон советского населения на принудительные работы был не самым ужасным из содеянного нацистами, их союзниками и пособниками, ему был посвящен последний, третий раздел сборника. Раздел начинается с ноты В. М. Молотова «О массовом насильственном уgone в немецко-фашистское рабство мирных советских граждан» от 11 мая 1943 г. и содержит официальные немецкие документы и сообщения советских граждан о способах угона, транспортировке, условиях труда, издевательствах и лишениях в Германии [14, с. 347-385].

Несомненно, под бдительным присмотром власти массовыми тиражами публиковались материалы Нюрнбергского процесса. В первом двухтомном сборнике документов (1952) содержится раздел «Угон в немецко-фашистское рабство мирного населения и применение принудительного труда на временно оккупированных территориях». В нем собраны выдержки из официальных немецких документов и нот В. М. Молотова от 6 января, 27 апреля 1942 г. «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях...» и 11 мая 1943 г. [38, с. 776-806] До 1955 г. сборник еще два раза переиздавался. Следующее, семитомное, издание материа-

лов Нюрнбергского процесс вышло в 1957–1961 гг. В первом томе сообщалось, что немецкие оккупанты отправили в «рабство» из Советского Союза 4,978 млн. советских граждан [40, т. 1, с. 126]. Эта цифра стала канонической и воспроизводилась в работах историков без каких-либо попыток сделать собственные подсчеты. Пять лет спустя появилось новое, трехтомное издание. Значительную часть его третьего тома составляют разделы «Массовый угон населения на рабский труд» и «Германские монополии – организаторы рабского труда» [41, с. 7-121, 615-786]. Наконец, в 1987 г. началась публикация документов Нюрнбергского процесса в восьми томах. До распада СССР вышло из печати 5 томов, в четвертом томе (1990) имеется раздел «Политика рабского труда», в котором помещены выступления обвинителей, свидетеля Э. Мильха и несколько ключевых документов, авторами которых являются руководители Третьего рейха А. Гитлер, Ф. Заукель, Ф. Тодт, А. Розенберг [39, с. 515-671].

Таким образом, в официальный курс попали весьма ограниченные по объему и содержанию сведения о подневольном труде советских граждан. Их основу составляли материалы Нюрнбергского процесса и официальные советские документы военных лет.

** *

Большое влияние на коллективную память советских людей оказывало содержание школьного образования. В учебнике истории для 4 класса, подписанном к печати 28 сентября 1945 г. и изданном тиражом 500 тысяч экземпляров, содержался пункт «В захваченных врагом районах». Миллионы советских детей могли узнать, что «советских людей заставляли работать на немцев. Тысячи мужчин, женщин и девушек они угоняли в Германию и отдавали в рабство немецким помещикам и кулакам» [21, с. 267]. Заметим, что среди угнанных не фигурируют юноши, которые, в соответствии с представлениями тех лет должны были все как один сражаться с врагом с оружием в руках.

Учебник, написанный в последние месяцы войны под руководством А.М.Панкратовой, заложил традицию рассказывать школьникам о жизни на оккупированной территории кратко и обязательно в связи с партизанским движением [22, с. 327]. Шестое издание учебника было дополнено пунктом «Освобождение народов Европы». В нем сообщалось, что «колхозы в районах оккупации были уничтожены. Их земли были отданы немецким помещикам и кулакам. Согнанных с земли колхозников немцы заставляли работать на новых помещиков или угоняли в Германию на каторжные работы. Миллионы людей (курсив наш. – А. Е.) гибли от непосильного труда на немецких завоевателей». В пункте «Героическая борьба советских партизан» говорилось, что «партизаны спасали мирное советское население от истребления и от угона в немецко-фашистское рабство» [2, с. 382, 384]. В 15-22-м изданиях (1956-1963 гг.) информация была сокращена и сводилась к тому, что «фашисты всех заставляли работать на себя. Сотни тысяч людей (курсив наш. – А. Е.) были угнаны в Германию на каторжные работы» [3, с. 242; 4, с. 262].

В учебнике И. И. Минца и Д. С. Карева для 8-го класса, который стал использоваться в школах РСФСР с 1962 г., о подневольном труде не упоминалось. В пункте «Подвиг партизан – “народных мстителей”» о политике нацистов было сказано лишь то, что они «установили в захваченных областях неслыханный террор. Сжигали села и деревни вместе со всеми жителями, если их подозревали в помощи партизанам. Захваченных партизан подвергали пыткам» [33, с. 173, 174].

В 1964 г. был издан новый учебник для 10-11 классов средней школы, в котором впервые появился пункт об оккупированной немцами территории под названием «Зверства немецко-фашистских захватчиков». В нем говорилось, что «промышленные предприятия захваченные гитлеровцами, объявлялись собственностью фашистского рейха. Рабочих насильно заставляли восстанавливать эти предприятия. За невыход на работу людей подвергали

мучительным телесным наказаниям». Отдельно было сказано и о том, что «миллионы советских людей (курсив наш. – А. Е.) насильно угонялись на фашистскую каторгу в Германию» [5, с. 259]. Кроме того, авторы рассказали школьникам об участии подневольных работников в европейском Сопротивлении: «Советские люди, насильно угнанные на фашистскую каторгу или попавшие в плен, сохраняя верность Родине, продолжали борьбу с врагом... Работавшие на предприятиях фашистской Германии совершали акты саботажа и диверсий» [5, с. 294].

Пожалуй, самым информативным среди советской литературы для школьников является учебник под редакцией М. П. Кима, изданный в 1972 г. В пункте «Оккупационный режим» сказано, что «оккупанты повсеместно ввели рабский принудительный труд. К нему привлекались все взрослые и даже дети от 10 лет и старше... Миллионы советских людей были угнаны на каторжные работы в Германию. Они использовались на самых тяжелых работах, содержались под вооруженной охраной. От непосильного труда, избиений и голода многие погибали. В немецких городах были созданы невольничьи рынки, где капиталисты, помещики и кулаки покупали себе рабов. Так гитлеровцы фактически возродили рабство в его наиболее изуверских формах». В учебнике был впервые помещен фотодокумент «Угон советских людей на фашистскую каторгу» [25, с. 74-75].

В учебнике истории для 11 класса, вышедшем в свет в 1990 г., жизни советских людей на оккупированных территориях был впервые отведен отдельный параграф, насыщенный совершенно новыми сведениями. Однако кроме того, что «в Германию на принудительные работы вывозилась молодежь (курсив наш. – А. Е.)» и «фактически в рабство было отправлено более 5 млн советских людей», о подневольном труде ничего не сообщалось [23, с. 53].

Как показывает анализ учебников Латвийской и Украинской ССР, аналогичная ситуация с преподаванием темы подневольного труда сложилась в школьном образовании других союзных республик [27, с. 254; 31, с. 148].

В вузовском курсе истории вопрос об использовании нацистами принудительного труда советских граждан порой освещался еще более сжато, общими словами и служил фоном для рассказа о партизанском движении [24, с. 282, 300]. Исключением является учебник 1957 г., в котором имелся пункт о положении трудящихся в оккупированных районах. Студенты могли узнать, что «с ноября 1941 г. началась “вербовка” рабочей силы для отправки в Германию. Первоначально оккупанты пытались вербовать “добровольцев”, подкупали их, обещая им в Германии различные блага. Но так как “добровольцев” находилось немного, оккупанты приступили к насильственному угону советских людей в фашистскую неволю. На оккупированной территории была объявлена всеобщая трудовая повинность. Только за 1942 г. фашистским оккупантам удалось насильственно угнать в Германию около 2 млн человек» [26, с. 563]. Авторы учебника подчеркивают, что труд на промышленных предприятиях тоже носил принудительный характер: «Советские рабочие, оставшиеся на оккупированной территории, не хотели добровольно работать на оккупантов. Немецко-фашистские власти насильственно принуждали рабочих пойти на производство. Рабочие, не являвшиеся на работу, подвергались телесному наказанию, лишались продовольственного пайка. Подневольный труд на фашистских предприятиях был невероятно тяжелым. Рабочим давали непомерно трудные задания, за невыполнение которых жестоко наказывали. За каторжный труд была установлена нищенская заработная плата. Так, закон “О регулировании заработной платы”, изданный в 1942 г., устанавливал для чернорабочего оплату в 80 копеек, а для квалифицированного рабочего – 1 рубль 35 копеек в час» [26, с. 562].

Следовательно, упрощение учебного материала нередко приводило к искажениям фактов: одни авторы говорили о сотнях тысяч угнанных в Германию, другие – о миллионах погибших на «фашистской каторге», в одних случаях круг лиц, привлеченных оккупантами к

подневольному труду, ограничивался только молодежью, в других из него исключалась молодежь мужского пола. Классовый подход имел следствием то, что эксплуататорами рабского труда выступали только немецкие помещики, либо помещики и кулаки, либо капиталисты, помещики и кулаки. Ни «обычные немцы», которые использовали «остарбайтеров» в качестве домашней прислуги, ни крестьяне, которых нельзя было отнести к кулакам, ни само нацистское государство или отдельные его институты никогда не попадали в поле зрения авторов учебников.

* * *

Большую роль в сохранении памяти о подневольном труде сыграла художественная литература. Произведения, созданные советскими писателями, находили многомиллионную аудиторию, образы героев литературных произведений и их судьбы запоминались. В 1946 г. вышел в свет роман А. А. Фадеева «Молодая гвардия», к 1986 году он выдержал 276 изданий общим тиражом 26,143 млн экземпляров [28, с. 299]. Роман входил в список обязательной литературы для школьников.

В книге несколько раз заходит речь об угоне советских граждан в Германию. Так, Уля Громова, Майя Пегливанова и Саша Бондарева видят на здании школы вербовочный плакат. «На плакате была изображена немецкая семья: улыбающийся пожилой немец в шляпе, в рабочем переднике и в полосатой сорочке с галстуком бабочкой, с сигарой в руке, и белокурая, тоже улыбающаяся, моложавая полная женщина, в чепчике и розовом платье, окруженная детьми всех возрастов, начиная от толстого годовалого, с надутыми щеками мальчика и кончая белокурой девушкой с голубыми глазами. Они стоят у двери сельского домика с высокой черепичной крышей, по которой гуляют зобатые голуби. И этот мужчина, и женщина, и все дети, из которых младший даже протягивает ручонки, улыбаются навстречу идущей к ним с белым эмалированным ведром в руке девушке в ярком сарафане, в белом кружевном переднике, в таком же чепчике и в изящных красных туфельках - полной, с сильно вздернутым носом, неестественно румяной и тоже улыбающейся так, что все ее крупные белые зубы наружу. На дальнем плане картины рига и хлев под высокой черепичной крышей с прогуливающимися голубями, кусок голубого неба, кусок поля с колосющейся пшеницей и большие пятнистые коровы у хлева. Внизу плаката написано по-русски: “Я нашла здесь дом и семью”. А ниже, справа: “Катя”» [53, с. 439].

Два сюжета романа, посвященных Вале Филатовой, рисуют яркую картину унижительного медицинского осмотра советских людей на бирже труда с целью отбора для работы в Германии, а потом и тяжелую сцену прощания родных и близких с теми, кто поневоле отправлялся на чужбину [53, с. 451-454, 522-526].

Подвиг молодогвардейцев и позднее становился темой литературных произведений, уступавших по своей масштабности роману Фадеева. Например, в 1961 г. увидела свет повесть К. Костенко «Это было в Краснодаре», в которой приведена фотокопия удостоверения завербованного в Германию, полученного Иваном Земнуховым, и рассказано об уничтожении молодогвардейцами краснодонской биржи труда, где хранилось 2 тысячи удостоверений и карточек медицинского освидетельствования [30, с. 97, 66].

В 1947 г. вышла публицистическая пьеса для детей школьного возраста «Я хочу домой!» (первоначальное название «Только домой!») С. В. Михалкова. В 1947-1949 гг. она публиковалась в «Литературной газете», «Пионерской правде» и журнале «Октябрь», с 1949 г. не раз издавалась отдельными изданиями, а в 1950-1980-е гг. входила в сборники произведений Михалкова. В 1949-1950 гг. постановки пьесы осуществлялись в Алма-Ате, Ереване, Киеве, Ленинграде, Москве, Новосибирске, Риге, Тбилиси. В драме рассказывается о борьбе советских офицеров по репатриации с английскими военными, не желавшими отпу-

стить на Родину советских детей из приюта в одной из западных зон оккупации Германии. Некоторые дети отданы на воспитание немкам-опекунам: Малолетняя Ира Соколова (Ирма) выполняет хозяйственные работы в доме фрау Вурст, а Маша Любимова (Матильда) трудится в пивной фрау Шпек. Обеих девочек плохо кормят, бьют и запрещают говорить по-русски. Советским офицерам удается добиться возвращения некоторых детей в СССР [34, с. 438-479]. В одном из изданий 1981 г. юным читателям пояснялось, что «после Великой Отечественной войны Советское правительство и общественные организации нашей страны вели напряженную борьбу за то, чтобы помочь вернуться домой многим тысячам людей, насильно увезенных в годы войны в Германию, а затем оказавшихся там в зоне, оккупированных войсками западных стран. В числе этих людей были и дети, попавшие в оккупацию в очень раннем возрасте» [34, с. 583]. Безусловно, через три с половиной десятилетия после окончания войны такое пояснение было необходимо. Однако дети едва ли могли догадаться о том, зачем гитлеровцы насильно увозили в Германию советских людей.

В апреле-мае 1976 г. в журнале «Дружба народов» был опубликован роман Виталия Семина «Нагрудный знак „OST“». Автор прекрасно знал предмет своего произведения – в 1942-1945 гг. он был подневольным работником в городе Фельберт под Дюссельдорфом. Роман привлек внимание читателей и литературных критиков и через два года вышел отдельной книгой тиражом 200 тысяч экз. [47] В это же время его опубликовала «Роман-газета» тиражом 1,609 млн экземпляров. В 1989 г. книга была переиздана в серии «Библиотека журнала “Знамя”», в 1991 г. – в Ростовском книжном издательстве.

Произведения советских писателей были знакомы многим миллионам граждан, часть из них вошла в советскую литературную классику. Они придавали теме принудительного труда человеческое измерение. Однако, за исключением романа В. Семина, в идейном отношении следовали официальному дискурсу: сопротивление советских людей, страстное желание вернуться на родину и, наконец, счастливое возвращение.

* * *

Не будет преувеличением сказать, что каждый советский зритель был знаком с экранизациями литературных произведений «Молодая гвардия» (1948, режиссер Сергей Герасимов) и «Я хочу домой», (фильм «У них есть Родина», 1949, режиссер Александр Файнциммер).

Тема принудительного труда и жизни «восточных рабочих» нашла отражение и в других кинокартинах. В 1970 г. на экраны вышел двухсерийный фильм Юрия Лысенко «Узники Бомона», в котором показана антифашистская борьба советских подневольных рабочих и военнопленных, оказавшихся во Франции и работающих на угольной шахте. Прототипом главного героя стал лейтенант Красной Армии Василий Порик. Фильм не представлялся каким-либо государственным наградом, но был указан в «Ежегоднике БСЭ» среди других значимых культурных событий в Украинской ССР [16, с. 196].

В других кинолентах «восточные рабочие» становились героями отдельных сцен. В 1964 г. режиссерами Никитой Курихиным и Леонидом Менакером был снят фильм «Жаворонок» по сценарию Михаил Дудина и Сергея Орлова. В фильме есть сцена появления советского танка на поле, где трудятся «восточные работницы». Увидев танк, они бросают работу и думают, что освобождены. Вскоре приехавшая хозяйка восстанавливает порядок, но дух советских женщин и девушек не сломлен.

В 1982 г. центральное телевидение осуществило показ 6-серийного фильма «Долгая дорога в дюнах», снятого Алоизом Бренчем на Рижской киностудии. Фильм пользовался популярностью и телетрансляции неоднократно повторялись. В четвертой серии кинокартины есть 5-7 минутная сцена проводов латышских юношей и девушек, добровольно уезжающих на работы в Германию. В 1984 г. один из авторов сценария, Олег Руднев, написал одноимен-

ный киноман, который до сих пор переиздается [46]. 13-я глава романа начинается со сцены проводов добровольцев летом 1941 г. Речь перед отъезжающими и провожающими произносит один из главных героев романа Рихард Лосберг: «Дорогие друзья! Сыновья и дочери Латвии! Сейчас загудит паровоз, и вы станете первыми ласточками, несущими в Германию трудовую славу нашего маленького, но крепкого душой и телом народа. Посмотрим правде в глаза. Не все поймут ваш смелый шаг. Не все одобряют. Особенно те, кто еще до сих пор одурманен большевистской пропагандой. Пусть клянут. Не с ними наш путь в будущее новой Европы. Плечом к плечу с великой немецкой нацией вы будете трудиться на заводах и полях Германии, в кузнице нашей общей победы! В добрый путь, друзья! Родина и народ с вами!» Как только он закончил, началась погрузка в вагоны. Неожиданно к Рихарду подошел белобрысый парень, на которого тот смотрел во время выступления. Парень попросил напечатать в газете его фотографию, чтобы посрамить «одураченных», не желающих ехать.

«Рихард со скрытой болью смотрел на парня и думал: дурачок ты дурачок! Бумажку отрезать можно. Но как ты отрежешь родину? Однако ответил весело, с улыбкой:

- Давай свою фотографию! Напечатаем».

Можно предположить, что по мере того, как выросло новое, послевоенное поколение советских людей, информативная ценность этих фильмов снижалась. Вкрапленные в них короткие сюжеты оставались непонятыми, а значит и незамеченными зрителем, терялись среди других, более ярких эпизодов.

* * *

Большую роль в формировании и сохранение культурной памяти сыграли воспоминания бывших советских военнопленных, узников концентрационных лагерей и гетто. Некоторые из этих книг неоднократно переиздавались и получали похвальные отзывы читателей. Несомненно, интерес вызывали как судьбы людей, так и события, участниками которых они были. Подкупал и живой, неказенный рассказ. Пик публикации воспоминаний пришелся на вторую половину 1950-х – 1960-е гг.

Дважды, в 1958 и 1963 гг., издавались воспоминания политработника Красной Армии С. Голубкова, оказавшегося после пленения летом 1941 г. в Рославльском лагере и бежавшего осенью 1943 г. Автор рассказывает о попытках оккупантов провести добровольный набор на работу в Германию, о «продаже в рабство» - принудительной отправке части военнопленных на немецкие предприятия, о мотивах красноармейцев, стремившихся войти в команды, работающие в Рославле и окрестностях, о саботаже на рабочих местах. Весной 1943 г. часть лагеря была огорожена нацистами и превращена в место содержания гражданского населения, и Голубков стал свидетелем сцен купли-продажи советских девушек и женщин, их отправки в Германию. Он рассказывает, что пересыльный пункт быстро превратился в настоящий невольничий рынок: «Ежедневно фашистские мерзавцы приходили на пункт и выбирали себе служанку, уборщицу или няню, а то и наложницу. Они могли купить девушку или женщину и оставить ее здесь, могли купить и для отправки в Германию. Плати только денежки. Как немцы тогда говорили: надо уплатить “комиссионные”. И покупали сравнительно недорого. Девушка 15-16 лет стоила от 30 до 60 марок. Женщина от 25 до 30 лет - 40 марок. Не важно, если у женщины дети, семья. Для фашистов семья ничего не стоила. Они разлучали понравившуюся им женщину с детьми, оставляя детей на произвол судьбы». Отбор происходил в течение апреля и мая 1943 г. «Всех работоспособных женщин, начиная с 15-16-летнего возраста, отделяли гот семьи и отправляли на станцию, там их грузили в специальный эшелон и увозили на каторгу в Германию» [13, с. 230, 227].

Единственные воспоминания «восточной работницы», опубликованные в этот период, принадлежат З. М. Кудрявцевой, угнанной в Германию из Ленинградской области осенью

1941 г. и за отказ от работы на военном заводе «Маузер-верке» отправленной в Равенсбрюк. В концлагере Кудрявцева сблизилась с советскими женщинами-военнопленными, и ее воспоминания попали в сборник «Они победили смерть», который выдержал три издания (1959, 1961, 1966). Автор рассказывает об отборе «добровольцев» на работу в Германии, о транспортировке по железной дороге и пребывании в лагере «остовцев» в городе Обендорф, о побоях и издевательствах. Лейтмотивом повествования является патриотизм советских людей, выразившийся в отказе работать на нацистов и попытках совершить побег. Из текста, однако, становится ясно, что подавляющее большинство обитателей лагеря трудилось на военном заводе, а попытки З. М. Кудрявцевой убедить девушек отказаться от работы закончились доносом и новыми побоями [42, с. 78-82].

Наряду с живой и интересной информацией о судьбах военнопленных, узников гетто и «восточных рабочих» эти воспоминания вносили вклад в формирование нового образа врага – американского империализма. Голубков называет правящие круги США «американскими фашистами», которые готовят новую войну. Глава советской репатриационной миссии в английской зоне оккупации Германии и в Дании полковник А. И. Брюханов, доказывает, что США и Великобритания насильно удерживали в лагерях перемещенных лиц советских граждан, не позволяя им вернуться на родину. Со своей стороны «партия и Советское правительство создали перемещенным все необходимые условия для лечения и последующего трудоустройства. После долгой мучительной разлуки эти люди вновь влились полноправными гражданами в трудовую семью советских народов» [9, с. 39]. Ценность воспоминаний А. И. Брюханова снижается из-за того, что краткая информация о подневольном труде советских граждан во время войны почерпнута автором из известных опубликованных источников и дана без ссылок на эти источники [9, с. 10-11].

* * *

Государственная регламентация памяти о принудительном труде повлияла на советскую историографию этой научной проблемы. Тем не менее, возможность изучать отдельные аспекты истории «восточных рабочих» использовали ученые, занятые исследованием оккупационной политики нацистов и движения Сопротивления в Европе. Пик научного интереса к этим сюжетам пришелся на 1960-е - 1970-е гг.

Большое значение как для науки, так и для образования имел изданный в 1963 г. сборник документов «Преступные цели – преступные средства» об оккупационной политике нацистской Германии на территории СССР. Сборник дважды – в 1968 и 1985 гг. – переиздавался массовыми тиражами. Из 184 опубликованных в нем документов 37 касаются принудительного труда населения на оккупированной территории и угона в Германию. Только 4 из них перепечатаны из материалов Нюрнбергского процесса, остальные были обнаружены в ЦГАОР СССР, республиканских и областных архивах Советского Союза и впервые введены в научный оборот [44, с. 174-232].

В 1965 г. под названием «Немецко-фашистский оккупационный режим» вышел в свет сборник докладов, прочитанных советскими учеными на международной конференции по истории движения Сопротивления. Информация о подневольном труде советских граждан содержалась в каждом втором докладе, а один из них был специально посвящен угону населения оккупированной Украины (И. И. Слинько) [36, с. 219-230]. Тема принудительных депортаций рабочей силы затрагивалась в докладах историков Белоруссии, Латвии, Литвы. С одной стороны, в научный оборот были включены некоторые документы из республиканских и областных партийных архивов, в связи с депортациями заходила речь о роли пособников оккупантов – «буржуазных националистов», говорилось о том, что часть советских граждан не пожелала возвращаться домой. С другой стороны, основным источником для

всех исследователей стали опубликованные материалы Нюрнбергского процесса, поэтому сборник изобилует повторами фактического материала и выдержек из источников, цифровые данные часто приводятся без ссылок.

Три издания (1970, 1974, 1980) выдержала книга «Крах экономических планов фашистской Германии на временно-оккупированной территории СССР», небольшая часть которой посвящена угону советских людей в Германию и способам спасения от «фашистского рабства» [17, с. 321-335].

Пожалуй, единственной советской монографией, посвященной одному из аспектов принудительного труда, является книга М. В. Ковалья, основанная на архивах Украинской ССР. Автор изучил способы захвата нацистами советских граждан на территории Украины, раскрыл роль в угоне советского населения в Германию не только генерального уполномоченного Заукеля, но и имперского комиссара Украины Коха, учреждений вермахта, коллаборационистов – старост и бургомистров. Среди источников, с которыми работал М.В. Коваль, - невольничьи песни, ставшие одним из инструментов срыва нацистских планов мобилизации трудовых ресурсов. Кроме того, способами уберечь советских людей от вывоза из страны стали подделка документов, тиражирование писем «восточных рабочих» родным и близким, шантаж, угрозы партизан в подпольщиков в адрес пособников оккупантов, казни предателей. Автор рассмотрел способы стихийного сопротивления населения: уклонение от регистрации и получения повесток, неявка в пункты сбора, побег, членовредительство. В книге дается характеристика применявшейся гитлеровцами технологии отправки советских людей в Германию, режиму, установленному для подневольных работников в Германии, питанию, условиям и оплате труда [29].

Тема принудительного труда и саботажа затрагивается в научных изданиях, посвященных истории антифашистского Сопротивления в Европе. Так, сборник воспоминаний, писем и документов «Сильнее смерти» создавал впечатление того, что оказавшиеся на чужбине советские люди – военнопленные и подневольные работники - всюду создавали подпольные организации, распространяли антифашистские листовки и осуществляли саботаж: симулировали болезни, затапывали посевы и урожай корнеплодов, оставляли «окна» в буртах с картофелем, насыпали песок в подшипники машин, бросали болты в бетономешалки. Воспоминания немецких рабочих рассказывают о помощи советских военнопленным, трудившимся вместе с ними. Сборник сопровождают выдержки из приказов и распоряжений дирекций немецких фирм и предприятий, под страхом драконовских наказаний запрещавших всякую помощь «русским» одеждой, пищей, деньгами, табаком [50]. В сборнике воспоминаний об участии советских людей во французском Сопротивлении есть рассказ старшего лейтенанта В. К. Таскина: «В составе группы из 30 человек я попал на работу к фермеру-фашисту. Нас поместили в конюшню, обнесенную колючей проволокой. Работали мы на посадке картофеля под присмотром конвоя. Специальная машина делала ямки, а мы должны были в них бросать по одной картофелине. Мы же в одну ямку бросали по 6-8 картофелин, а 5-7 ямок оставляли пустыми. Так мы “засаживали” десятки гектаров. Через недели две наша “работа” была обнаружена, и нас немедленно отправили в штрафной лагерь» [45, с. 193]. Еще меньше информации обнаруживается в сборнике воспоминаний, документов и материалов «Советские люди в освободительной борьбе югославского народа 1941-1945 гг.» Авторы воспоминаний сообщают о себе только то, что находились на принудительных работах и бежали. Выяснить, как они оказались на этих работах, невозможно. Однако, в предисловии составителей сказано, что советские участники партизанской борьбы в Югославии – это бежавшие военнопленные и «восточные рабочие», причем подневольные работники составляли 35% советского контингента Народно-освободительной Армии Югославии, то есть около 2,1 тыс. человек

[51, с. 33]. Фрагментарные данные о «восточных рабочих» содержатся и в монографии М. И. Семиряги об участии советских людей в европейском Сопротивлении. Достоинством книги является использование автором не только материалов Нюрнбергского процесса, но и работ историков ФРГ, ГДР и ПНР [48, с. 258-263].

Несколько книг посвятил исследованию антифашистского Сопротивления советских людей в Германии и оккупированных странах Е. А. Бродский. Главными героями его произведений являются военнопленные, но автор рассказывает и о «восточных рабочих», входивших в подпольную организацию «Братское сотрудничество военнопленных». Бродский – один из немногих историков, в чье поле зрения попали женщины, угнанные в Германию. Несомненный интерес представляют письма, написанные автору некоторыми бывшими «восточными работницами». Из них читателю становится ясно, что не все советские подневольные рабочие трудились в промышленности и проживали в лагерях. В частности, Валентина Петровна Бондаренко вспоминает: «Привезли нас в Мюнхен, на биржу труда (как я узнала потом), и по одной вызывали в большой зал, где находилось несколько немок. Меня выбрала худая фрау Ренненбаум, жена мюнхенского адвоката... Итак, я стала служанкой. Подъем в шесть утра, отбой в десять, одиннадцать вечера. В школе у меня по немецкому было “5”, но как мало я его знала... Весь день был занят с утра до ночи. В воскресенье же я имела право использовать три-четыре часа по своему усмотрению» [6, с. 110; 7].

Подневольный труд советских людей нашел отражение в официальной советской истории Великой Отечественной и Второй мировой войн. Документы ЦПА ИМЛ позволили авторам «Истории Великой Отечественной войны» включить в книгу небольшой по объему оригинальный фактический материал, в частности рассказ Светланы Ревякиной из Сталинской области: «Нас привезли в город Фульда. Это недалеко от Франкфурта-на-Майне... Нас, 75 девушек с Украины, поселили в каменном мрачном здании с цементным полом. Чуть свет нас поднимали с жестких соломенных матрацев, и мы тащились на фабрику, едва волоча по земле отяжелевшие ноги. Мы сильно ослабели в дороге, а здесь нам давали один раз в неделю 2 килограмма полусырого хлеба, смешанного с бурачным месивом. Приварок: гнилая брюква или суп из картофельных очисток. Нередко в жидкой бурде, которую наши мучители называли супом, плавали черви. Стоишь около жужжащего станка, а перед глазами от голода зеленые круги плавают. И так 12 часов. Как-то у меня закружилась голова, и я уронила челнок. Мастер закричал: “Шнелль, шнелль, русская свинья!”» [18, с. 444-445] Сведения в 5-м и 6-м томах «Истории второй мировой войны» крайне скудны и общи, представляют собой пересказ предыдущего издания, материалов Нюрнбергского процесса и сборника «Преступные цели – преступные средства» [19, с. 281; 20, с. 169]. Таким образом, выход в обобщающих многотомных изданиях не стал шагом вперед в дальнейшей научной разработке проблемы принудительного труда, но свидетельствовал о том, что минимальные знания о нем являются частью официальной советской истории войны.

В 1960-1970-е гг. заметную роль в сохранении памяти о принудительном труде советских граждан сыграли историки ГДР, произведения которых переводились на русский язык. В частности, в журнале «Новая и новейшая история» была напечатана статья Я. Шмельцера о Сопротивлении иностранных рабочих, основанная на документах Заукеля из Тюрингского земельного архива [55]. В сборнике докладов XIII-й Международного конгресса исторических наук было опубликовано исследование К. Дробиша и Д. Айххольца об использовании в Германии принудительного труда иностранных рабочих. В нем давалось определение системы принудительного труда как формы «империалистической эксплуатации населения потерпевших поражение и зависимых государств в интересах немецкой военной экономики и ведения войны Германией, которая характеризовалась фашистскими средствами и методами ее

осуществления (принудительный набор и депортация граждан иностранных государств, национальное и расовое угнетение, террор и дискриминация в политической, экономической, духовной и культурной областях) и служила источником получения колоссальных прибылей и сверхприбылей для монополий и государства» [15, с. 2]. Наконец, была переведена на русский язык монография Н. Мюллера, в которой раскрывалась роль вермахта в угоне советских граждан на принудительные работы [35].

В 1980-е гг. изучение подневольного труда по-прежнему находилась на периферии научных исследований, кратко упоминалась в общих работах по истории войны и антифашистского Сопротивления. Использование в качестве основных источников материалов Нюрнбергского процесса и документов, изданных в СССР в 1960-е гг., обусловило повторение одних и тех же фактов, оценок и выводов. В частности, продолжил свои исследования «Братского сотрудничества военнопленных» Е. А. Бродский [8]. Кратко остановился на эксплуатации труда советских подневольных рабочих и военнопленных Н. С. Алексеев [1]. Статьи «Угон на работы в Германию» и «Репатриация» были включены в энциклопедию «Великая Отечественная война», приуроченную к 40-летию Победы. «Угон на работы в Германию» определяется авторами энциклопедии как «насильственная отправка немецко-фашистскими оккупационными властями советских граждан на принудительные работы». Хотя никаких новых подсчетов о депортациях не производилось, в издании сказано, что из Белорусской ССР оккупантам удалось вывезти 400 тысяч человек. В материалах Нюрнбергского процесса приводится цифра 378 тысяч человек, которая прежде повторялась во всех научных работах, иногда округлялась и звучала как «около 380 тысяч». «Чудовищный фашистский план угона советских граждан на работу в Германию», говорится в энциклопедии, был сорван в результате действий партизан [10, с. 738].

Много новых фактов содержала книга В. Н. Немятого о деятельности Коммунистической партии на оккупированной Украине. В монографии рассмотрены пропагандистские усилия нацистов, направленные на обеспечение добровольной вербовки: издание массовыми тиражами плакатов и листовок, организацию выставок о жизни в Германии и торжественных проводов добровольцев. Автор сделал вывод о том, что борьба советского населения «против угона на каторгу в фашистскую Германию представляла собой наиболее массовую форму народной борьбы во вражеском тылу». Одновременно книга несет мощную идеологическую нагрузку. В. Н. Немятый дает негативную характеристику не только деятельности «украинских буржуазных националистов и предателей всех мастей», но и «служителей реакционной униатской и украинской автокефальной церкви». Не может быть принято сегодня и авторское объяснение причин массового уклонения от угона в Германию: «Советские люди, познавшие радость свободного труда в новом социалистическом обществе, воспитанные Коммунистической партией в духе любви к своей Родине, поднялись на борьбу за срыв злодейских расчетов фашистских захватчиков» [37, с. 176, 178, 192].

Новый фактический материал, почерпнутый, главным образом, из книги западногерманского историка Ульриха Гебберта (более трети всех цитирований в главе «Работоторговцы XX века») [57], содержался в монографии М. И. Семиряги, сданной в набор в октябре 1989 г. В частности, советский историк указал, что оплата труда «восточных рабочих» была в 3 раза ниже, чем немецких, и в 2 раза ниже, чем рабочих из западных стран. Впервые в советской историографии были отмечены и некоторые послабления в политике нацистов после катастрофы вермахта под Сталинградом: 5 марта 1943 г. Геббельс публично выступил против плохого обращения с «восточными рабочими», в сентябре 1943 г. нашивка «Ост» была заменена специальными значками, появились медали за «усердный труд» в течение двух лет. По традиции М. И. Семиряга неоднократно ссылается на документы Нюрнбергского процесса,

но не ограничивается трактовками нацистских целей угона советских людей в Германию, которые были выявлены еще в ходе судебных заседаний 1945-1946 гг.: поддержание на высоком уровне военного производства; истребление «низших» рас, особенно славянских народов; уничтожение базы партизанского движения; облегчение управления на Востоке, подготовка условий для переселения немцев. М. И. Семиряга утверждал, что нацисты, кроме того, стремились к германизации иностранцев и разращению самого немецкого народа, воспитанию в нем духа превосходства [49, с. 222-241].

В начале 1990-х г. тема подневольного труда и, особенно, история «остарбайтеров», приобрела научную популярность и вызвала общественный резонанс. Публикации в научной периодике последних двух лет СССР отличались сенсационностью и политической заостренностью, содержали выводы, основанные не на фактах, а на допущениях и предположениях. Например, А. А. Шевяков на основе собственных подсчетов утверждал, что на принудительные работы в Германию было угнано 5 622 336 советских граждан. Эта цифра более чем на 600 тысяч превышала официальные советские данные и поражала воображение. На основании сведений Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации о возвращении на родину 2 654 100 человек гражданского населения, А. А. Шевяков заявлял, что «от непосильного труда, издевательств, полуголодного режима питания и отсутствия всякой медицинской помощи» погибли 2,8 млн подневольных рабочих, то есть 50%. Исчезновение из подсчета около 168 тысяч человек ученый никак не объясняет и переходит к следующему допущению: «Из вернувшихся на Родину, будучи искалеченными или зараженными трудно излечимыми инфекционными заболеваниями (туберкулез, сыпной тиф, гонорея, сифилис и др.), многие вскоре тоже скончались». Исследователь заявляет, что «гибель гражданских лиц, находившихся, на немецкой каторге составляла, нет сомнения, не менее 60%, а может быть и больше» (то есть 3,4 млн человек), одновременно признаваясь в том, что «точную статистику гибели людей этой категории никто не вел» [54, с. 9-10]. Получается, что процент погибших подневольных рабочих превышает процент гибели советских военнопленных, установленный еще в 1978 г. Кристианом Штрайтом – 57,9% (3,3 из 5,7 млн человек) [56, с. 8]. Данные Штрайта точно выверены и подтверждены другими историками. Установлено также, что гитлеровцы целенаправленно истребляли военнопленных различными способами, а оставшиеся в живых чаще всего находились в худших условиях, нежели подневольные работники, даже если они трудились бок о бок.

Автор другой статьи, В. П. Галицкий, требовал: «Верните деньги!». Обоснованием служило то, что по сравнению с советскими «восточными рабочими» и военнопленными условия содержания немецких военнопленных в СССР были несравнимо лучше и перед отправкой на родину с ними производили полный расчет. В статье не указано прямо, кто именно должен «выплатить деньги» - советское правительство или правительство ФРГ, однако она завершается недвусмысленным намеком: «Каждое государство, стремящееся к агрессивным войнам, должно помнить о том, что рано или поздно все равно придется расплачиваться за содеянное» [11].

Следовательно, в условиях государственной регламентации информации о подневольном труде усилиями равнодушных историков, писателей, кинематографистов и при активном участии бывших «восточных рабочих», военнопленных, узников концентрационных лагерей память о страданиях и борьбе тех, кто был вынужден трудиться в Германии и оккупированных ею странах, сохранялась. Эта память была избирательной, искаженной, связанной с решением текущих пропагандистских задач, сопровождалась забвением тех аспектов истории, которым не было места в официальном дискурсе. Однако советское общество помнило существенные характеристики «немецко-фашистской каторги»: рабский характер трудовых

отношений, непосильный труд, плохое питание, бесправие, побои и унижения. Из поколения в поколение передавались знания о тоске по родине и борьбе подневольных работников с поработителями. Сохранение интереса советских людей к судьбам «остовцев» позволило начать активную научную разработку истории принудительного труда 1941-1945 гг. в пост-советской России.

Библиографический список

1. Алексеев Н. С. Злодеяния и возмездие: Преступления против человечества. – М.: Юрид. лит., 1986. – 400 с.
2. Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М., Фохт А. В. История СССР. Учебник для X класса средней школы. Часть III. Под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 6-е. – М.: Учпедгиз, 1947. – 400 с.
3. Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М., Фохт А. В. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. Часть III. Под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 15-е. – М.: Учпедгиз, 1956. – 288 с.
4. Базилевич К. В., Бахрушин С. В., Панкратова А. М., Фохт А. В. История СССР. Учебник для 10 класса средней школы. Под ред. А. М. Панкратовой. Изд. 22-е. – М.: Учпедгиз, 1963. – 336 с.
5. Берхин И. Б., Беленький М. И., Ким М. П. История СССР. Эпоха социализма (1917-1963): Учебное пособие для X-XI классов средней школы. Под ред. М. П. Кима. – М.: издательство «Просвещение», 1964. – 432 с.
6. Бродский Е. А. Живые борются. – М.: Воениздат, 1965. – 240 с.
7. Бродский Е. А. Во имя победы над фашизмом. Антифашистская борьба советских людей в гитлеровской Германии (1941-1945 гг.). – М.: Наука, 1970. – 588 с.
8. Бродский Е. А. Они не пропали без вести: Не сломленные фашистской неволей. – М.: Мысль, 1987. – 461 с.
9. Брюханов А. И. Вот как это было: О работе миссии по репатриации советских граждан. / Литературная обработка М. Виленского. – М.: Госполитиздат, 1958. – 208 с.
10. Великая Отечественная война 1941-1945: Энциклопедия. – М.: Сов. энциклопедия, 1985. – 832 с.
11. Галицкий В. П. Верните деньги // Военно-исторический журнал. – 1990. - №8. – С. 28-31.
12. Голиков Ф. И. Год работы по репатриации советских граждан // Правда. – 1945. – 4 октября. – С. 2.
13. Голубков С. В фашистском лагере смерти: Воспоминания бывшего военнопленного. – Смоленск: Смоленское книжное издательство, 1963. – 252 с.
14. Документы обвиняют: Сборник документов о чудовищных преступлениях немецко-фашистских захватчиков на советской территории. Выпуск II. – М.: ОГИЗ, 1945. – 392 с.
15. Дробиш К., Айххольц Д. Использование принудительного труда иностранных рабочих в Германии во время второй мировой войны // XIII Международный конгресс исторических наук. – М., 1970. – С. 2-20.
16. Ежегодник Большой Советской Энциклопедии. Вып. 15. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1971. – 644 с.
17. Загорулько М. М., Юденков А. Ф. Крах плана «Ольденбург»: (о срыве экономических планов фашистской Германии на временно оккупированной территории СССР). 3-е изд.. – М.: Экономика, 1980. – 376 с.
18. История Великой Отечественной войны Советского Союза в шести томах. Т. 3. – М.: Воениздат, 1961. – 664 с.
19. История второй мировой войны. 1939-1945: В 12 томах. Т. 5. – М.: Воениздат, 1975. – 512 с.
20. История второй мировой войны. 1939-1945: В 12 томах. Т. 6. – М.: Воениздат, 1976. – 518 с.
21. История СССР. Краткий курс. Учебник для 4-го класса. Под ред. А. В. Шестакова. – М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Наркомпроса РСФСР, 1945. – 280 с.
22. История СССР. Часть III. – М.: Учпедгиз, 1945 – 336 с.
23. История СССР: Учеб. для 11 кл. сред. шк. / В. П. Островский, В. И. Старцев, Б. А. Старков, Г. М. Смирнов. – М.: Просвещение, 1990. – 224 с.

24. История СССР. Учеб. пособие. 3-е изд., доп. Под ред Б. Д. Дацюка. Ч. II. – М.: Мысль, 1970. – 438 с
25. История СССР (1938-1978 гг.). Учебник для 10 класса. Под ред П. М. Кима. Изд. 10-е. – М.: Просвещение, 1980. – 252 с.
26. История СССР. Эпоха социализма (1917-1957): Учебное пособие. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1957. – 772 с.
27. Канале В., Степерманис М. История Латвийской ССР. 3-е изд. – Рига: Издательство «Звайгзне», 1974. – 312 с.
28. Книгоиздание СССР. Цифры и факты. 1917-1987 / Е. Л. Немировский, М. Л. Платова. - М.: Книга, 1987. – 319 с.
29. Коваль М. В. Борьба населения Украины против фашистского рабства. - Киев: Наук. думка, 1979. – 135 с.
30. Костенко К. Это было в Краснодаре. Повесть о том, как боролись и умирали молодогвардейцы Краснодона. – М.: «Молодая гвардия», 1961. – 224 с.
31. Лось Ф., Спицкий В. История Украинской ССР. Пособие для 9-10 классов. Изд. 5-е. – Киев: Издательство «Радянська школа», 1972. – 200 с.
32. Мазуров К. Большой праздник белорусского народа // Правда. – 1964. – 3 июля. – С. 2.
33. Минц И. И., Карев Д. С. История СССР. Учебное пособие для 8 класса. – М.: Учпедгиз, 1962. – 336 с.
34. Михалков С. В. Детям: Стихи, сказки, рассказы, басни, пьесы. - М.: Дет. лит., 1981. – 590 с.
35. Мюллер Н. Вермахт и оккупация (1941-1944). О роли вермахта и его руководящих органов в осуществлении оккупационного режима на советской территории. - М.: Воениздат, 1974. – 387 с.
36. Немецко-фашистский оккупационный режим (1941-1944 г.). – М.: Политиздат, 1965. – 388 с.
37. Немятый В. Н. В борьбе за срыв грабительских планов фашистской Германии. – Киев: Политиздат Украины, 1982. – 230 с.
38. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. В 2 т. - М.: Государственное издательство юридической литературы, 1952. – Т. 1. – 832 с.
39. Нюрнбергский процесс: Сборник материалов в 8-ми т. Т. 4. - М.: Юрид. лит., 1990. – 672 с.
40. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов в семи томах. ТТ.1, 2. – М.: Юрид. лит., 1957.
41. Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками: Сборник материалов в трех томах. – М.: Издательство «Юридическая литература», 1966. – Т. 3. - 800 с.
42. Они победили смерть. - М.: Изд-во политической литературы, 1959. – 251 с.
43. Полян П. М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. - 2-е изд., перераб. и доп. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. – 896 с.
44. Преступные цели – преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941-1944 гг.). 3-е изд. – М.: Экономика, 1985. – 328 с.
45. Против общего врага. Советские люди во французском движении Сопротивления. - М.: Издательство «Наука», 1972. – 396 с.
46. Руднев О. А. Долгая дорога в дюнах: Кинороман. - Рига: Лиесма, 1984. – 457 с.
47. Семин В. Н. Нагрудный знак «Ost». – М.: «Известия», 1978. – 624 с.
48. Семиряга М. И. Советские люди в европейском Сопротивлении. – М.: Издательство «Наука», 1973. – 352 с.
49. Семиряга М. И. Тюремная империя нацизма и ее крах. - М.: Политиздат, 1991. - 384 с.
50. Сильнее смерти: Воспоминания, письма, документы. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1963. – 128 с.
51. Советские люди в освободительной борьбе югославского народа 1942-1945 гг. (воспоминания, документы и материалы). – М.: Издательство «Наука», 1973. – 208 с.
52. Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. – М.: Госполитиздат, 1952. – 208 с.
53. Фадеев А. А. Разгром. Молодая гвардия. – М.: Советский писатель, 1947. – 709 с.

54. Шевяков А. А. Гитлеровский геноцид на территориях СССР // Социологические исследования. – 1991. - №12. – С. 3-11.
55. Шмельцер Я. Соппротивление иностранных рабочих, угнанных в гитлеровскую Германию // Новая и новейшая история. – 1962. - №2. – С. 130-139.
56. Штрайт К. «Они нам не товарищи...» Вермахт и советские военнопленные в 1941-1945 гг. — М.: Русское историческое общество; Русская панорама, 2009. – 480 с.
57. Herbert U. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. –Bonn: Dietz, 1985. – 494 S.

Сведения об авторе:

Ермаков Александр Михайлович, доктор исторических наук, доцент, проректор по учебной работе Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского, **e-mail:** a.ermakov@yspu.org

ДЕНАЦИФИКАЦИЯ ПОСЛЕВОЕННОЙ ГЕРМАНИИ: АМЕРИКАНСКИЙ ОПЫТ

Аннотация: Статья посвящена изучению важнейшего направления деятельности американской военной администрации в послевоенной Германии политике денацификации. Выделены основные принципы политики денацификации, рассмотрен механизм ее проведения, показаны проблемы, связанные с ее практическим осуществлением.

Ключевые слова: Германия, оккупация, денацификация, военная администрация.

E.A. Zharonkina Denazification of post-war Germany: the American experience

Abstract: The article is devoted to the study of the most important activities of the American military government in post-war Germany denazification policy. The main principles of the denazification policy are highlighted, the mechanism of its implementation is considered, the problems associated with its practical implementation are shown.

Keywords: Germany, occupation, denazification, military government.

Одной из главных целей оккупации и вместе с тем одной из самых сложных и противоречивых проблем, возникших перед американской военной администрацией после поражения Германии, была проблема денацификации. К концу войны в НСДАП состояло приблизительно 8 миллионов членов, еще около 10 миллионов входили в ее различные «дочерние» организации.

Основные принципы союзной программы денацификации были изложены в Потсдамском протоколе и предусматривали: уничтожение нацистской партии, ее филиалов и подконтрольных организаций, роспуск всех нацистских учреждений; запрещение всякой нацистской и милитаристской пропаганды; отмену всех нацистских законов; арест и наказание военных и нацистских преступников; удаление с общественных или полуобщественных должностей и с ответственных постов в важных частных предприятиях всех членов нацистской партии, которые были более чем номинальными участниками ее деятельности [6. С. 431].

Уже в первые месяцы оккупации от имени военной администрации был издан Закон №1 об «Отмене нацистских законов», согласно которому с целью «устранения из немецких законов и управления национал-социалистских доктрин и восстановления норм правосудия и равенства перед законом» на территории, оккупированной англо-американскими войсками «никакой немецкий закон, как бы и когда бы он не был принят, не должен применяться в судебном или административном порядке» [19. Р. 33]. Некоторые основные и дополнительные законы, принятые после 30 января 1933 года, среди которых «Закон против создания политических партий» от 14 июля 1933 года, «Закон о Гитлерюгенд» от 1 декабря 1936 года или «Закон о защите немецкой крови и чести» от 15 сентября 1935 года аннулировались.

В директиве Верховного штаба союзных экспедиционных сил от 9 ноября 1944 года сохранилось положение, согласно которому все лица, присоединившиеся к нацистской партии до того как 30 января 1933 года А. Гитлер стал рейхсканцлером, должны были быть удалены со своих постов. В марте 1945 года круг лиц, подлежащих увольнению, был расширен. К ним относились теперь и те, кто присоединился к партии уже после 30 января 1933 года, но занимал какую-либо руководящую позицию в партии или же внес вклад в содействие национал-социализму каким-либо иным существенным способом [32. Р. 50].

Основополагающие принципы политики денацификации были изложены в 6 пункте директивы JCS 1067 — официальном программном документе американской военной админи-

страции в Германии. Удалению и исключению из общественного управления и с важных позиций в квазиобщественных организациях и частных предприятиях подлежали «все члены нацистской партии, которые были более чем номинальными участниками ее действий, все активные сторонники нацизма или милитаризма и все иные лица, враждебные союзническим целям». К этой категории принадлежали: 1) лица, занимавшие посты или проявлявшие активность на любом уровне партии или ее дочерних организациях от местного до национального; 2) лица, участвовавшие в нацистских преступлениях, расовом преследовании или дискриминации; 3) общепризнанные сторонники нацизма или расовых и милитаристских взглядов; 4) лица, добровольно оказывавшие нацистам существенную материальную, моральную или политическую помощь любого вида. Никто из этих людей не мог сохранить свою должность по причине административной необходимости, удобства или целесообразности [13. Р. 79].

Для осуществления этих положений 7 июля 1945 года в американской зоне была выпущена директива об «Удалении нацистов и милитаристов». В ней говорилось, что все лица, присоединившиеся к нацистской партии до 1 мая 1937 года или присоединившиеся позже, но являвшиеся более чем номинальными ее членами, подлежали принудительному удалению со всех важных позиций в квазиобщественных и частных предприятиях, коммерческих, сельскохозяйственных и финансовых учреждениях и с позиций более чем «незначительной важности» в общественных делах. В документе перечислялись 136 категорий лиц, подлежащих принудительному удалению [33. Р. 23 – 36].

Свое решение о дате вступления в нацистскую партию оккупационные власти объясняли тем, что после 1 мая 1937 года все немецкие служащие были обязаны присоединиться к партии под угрозой увольнения, то есть в эту категорию попадали лица, которые стали членами НСДАП не по собственной воле. Но среди немцев эта дата вызвала споры, поскольку часть из них считала, что те лица, кто присоединился до 1 мая 1937 года, возможно, не представляли себе всей опасности нацизма и вскоре потеряли к нему интерес, чего нельзя уже было сказать о тех, кто присоединился после [26. Р. 6].

Уже к концу сентября 1945 года в американской зоне было арестовано около 82 тысяч человек (в среднем по 400 арестов в день) и снято с занимаемых должностей около 120 тысяч человек [26. Р. 6].

Денацификация не ограничивалась только вышеперечисленными мерами. Помимо этого она предусматривала: переименование парков, улиц, учреждений и т.д., названия которых были связаны с нацизмом или милитаризмом; запрещение немецких парадов, пения гимнов, показа нацистских флагов; удаление всех нацистских эмблем, знаков отличия и символов со зданий и памятников; предотвращение нацистской пропаганды в любой форме, удаление нацизма из средств массовой информации, образования и религии; запрещение нацистских льгот, пособий, пенсий и др. [25. Р. 2]

Большое внимание политике денацификации уделялось и в деятельности Союзного Контрольного Совета. К подготовке соответствующих законов он приступил с первых дней своего существования. Уже 20 сентября 1945 года СКС выпустил закон №1 об «Аннулировании нацистских законов», составленный на основе одноименного закона Верховного штаба союзных экспедиционных сил, но с более подробным перечнем отмененных законов. Ликвидация НСДАП и всех ее организаций, конфискация нацистской собственности была осуществлена согласно закону №2, принятому 10 октября 1945 года. Прокламация №3 от 20 октября 1945 года провозглашала основные принципы судебной реформы: равенство всех граждан перед законом, гарантии прав обвиняемого, независимость судебной власти, ликвидация экстраординарных нацистских судов и др. Спустя некоторое время 10 ноября 1945 года

был принят закон №4 о «Реорганизации немецкой судебной системы». Директива №24 «Об устранении нацистов и других лиц, враждебных союзным целям, из учреждений и с ответственных постов» от 12 января 1946 года четко определяла категории лиц, подлежащих удалению с общественных должностей, тем самым были установлены однородные критерии классификации нацистов во всех четырех зонах [10. Р. 113 - 117] Однако она оставляла без внимания вопрос о том, что следовало сделать с теми, кто был уволен. В дополнение к этим законам военная администрация издавала собственные инструкции.

Важную роль в деле денацификации и демократизации послевоенной Германии союзники отводили Нюрнбергскому процессу над главными военными нацистскими преступниками (20 ноября 1945 г. – 1 октября 1946 г.). Еще в октябре 1943 года на Московской конференции министров иностранных дел в принятой тремя державами «Декларации об ответственности гитлеровцев за совершаемые зверства» говорилось о необходимости наказания главных преступников «совместным решением правительств союзников» [5. С. 337]. На конференции в Потсдаме союзники подтвердили свои намерения предать главных военных преступников «скорому и справедливому суду» и договорились к 1 сентября 1945 года опубликовать первый список обвиняемых. Уже спустя неделю после окончания конференции 8 августа 1945 года четыре правительства подписали соглашение об учреждении Международного военного трибунала и приняли его Устав [3. С. 254 – 261].

Главным обвинителем со стороны США и ответственным за подготовку судебного процесса с американской стороны президент Г. Трумэн назначил члена Верховного суда Роберта Х. Джексона. Как пишет в своей книге английский исследователь Д. Ирвинг «Трумэн не мог и представить себе какого-то другого юриста, который подходил бы для организации всего процесса лучше, чем соответствовал этой роли Джексон... Первоначально он вообще надеялся, что Джексон будет действовать как главный обвинитель не только с американской стороны, но и от имени всех стран ООН» [2. С. 80].

Подготовка к процессу и сам процесс проходили довольно тяжело. Союзники долго не могли прийти к единому мнению относительно списка обвиняемых, трудности вызвали урегулирование судебных процедур и структура обвинения. Как отмечал впоследствии в своих личных записях Джексон: «Именно по этим пунктам Соединенным Штатам удалось собрать, а затем и достойно разыграть все самые главные козыри. Помимо того, что в руках американцев оказались самые высокопоставленные военнопленные, нам удалось завладеть еще и самыми вескими уликами против них. Без нашего участия никто просто не в состоянии провести по-настоящему впечатляющий процесс над ними» [2. С. 244]. Окончательная структура обвинения в итоге была также принята по американской модели: четыре комиссии по одной на каждую из сторон и на один из четырех пунктов обвинения, американцы председательствовали в комиссиях по расследованию преступной деятельности ряда немецких организаций и по обвинению в организации заговора с целью развязывания агрессорской войны.

Разъясняя впоследствии, почему этот процесс был назван военным трибуналом, Джексон писал, что «главной причиной было показать его принципиальное отличие от любых гражданских судов – для того, чтобы исключить любые возможные прецеденты взаимопереплетений уголовных дел первого и вторых. К тому же трибунал проводился в стране, находившейся под военной оккупацией и, соответственно, не имевшей тогда никакого гражданского правительства» [2. С. 244].

В своей вступительной речи Джексон произнес: «Преступления, которые мы стремимся осудить и наказать, столь преднамеренны, злы и имеют столь разрушительные последствия, что цивилизация не может потерпеть, чтобы их игнорировали, так как она погибнет, если они повторятся. ...Этот трибунал, хотя он и представляет собой нововведение и экспе-

римент, не является результатом абстрактных рассуждений... Никогда еще в истории права не делалось попытки включить в рамки одного процесса события целого десятилетия, происходившие на целом континенте и касающиеся ряда стран, бесчисленного количества людей и происшествий» [28. Р. 140 – 144].

Позже Джексон так охарактеризовал Нюрнбергский процесс: «К сожалению, сам по себе трибунал представлял исключительно четырехсторонний суд, и, таким образом, победители должны были судить побежденных», однако «масштаб предъявляемых ими обвинений был таковым, что никто в мире не мог занять по отношению к ним нейтральной позиции» [2. С. 245].

Отношение немецкого населения к Нюрнбергскому процессу в целом было положительным, многие проявляли к нему интерес и внимательно следили за его ходом, считая одним из самых важных событий после окончания войны. Большинство немцев полагали, что военные преступники были виновны и получили справедливое наказание и одобряли обвинительные акты против целых организаций типа СС, СА, Гестапо и Генерального штаба. Однако подавляющее большинство населения отклоняло идею о коллективной вине всех немцев, признавая за собой лишь частичную ответственность за действия Гитлера [29. Р. 93 – 94, 121 – 123, 137 – 139].

В военных трибуналах в Нюрнберге американские оккупационные власти в 1946 – 1948 годах дополнительно провели 12 судебных процессов, имевших большое значение. На скамье подсудимых оказались руководители фирм «ИГ Фарбениндустри» (24 человека), концернов Круппа (12 человек) и Флика (6 человек), министры и дипломаты гитлеровского правительства (21 человек), генералы вермахта (14 человек). К судебной ответственности были привлечены врачи, проводившие опыты над заключенными концлагерей (23 человека) и охрана (24 человека) концлагерей. Состоялись процессы над группой нацистских юристов (16 человек) и полицейских (18 человек) и др. В общей сложности из 185 обвиняемых к смертной казни через повешение были приговорены 24 человека, оправданы 35 человек, 8 человек освобождены от судебного преследования, остальные приговорены к различным срокам тюремного заключения, которое, впрочем, не все отбыли полностью [27. Р. 117]. Так, Альфред Крупп из двенадцати лет пробыл в заключении лишь два с половиной года, а владелец концерна Фридрих Флик, приговоренный к семи годам лишения свободы, через три года был освобожден.

Кроме Нюрнбергских процессов с августа 1945 года по декабрь 1947 года в американской зоне в г. Дахау (Бавария) были проведены процессы против персонала младшего и среднего звена концентрационных лагерей Дахау, Нордхаузена и др., а также против военных преступников, обвиненных в убийствах американских военнопленных. Всего перед судом предстали 1672 человека, из которых 256 были оправданы. Смертные приговоры были вынесены в 426 случаях и 299 из них были приведены в исполнение, а 127 осужденным казнь заменили пожизненным заключением [12. Р. 118].

Аналогичные процессы проводились и в других зонах. В общей сложности западными оккупационными властями были признаны виновными в военных преступлениях и преступлениях против человечества 5025 человек и вынесено 806 смертных приговоров [20. Р. 206]. Лишь немногим более половины из них были приведены в исполнение, многие осужденные вышли из заключения досрочно. Возможно, это объясняется тем, что к концу 1947 года и американская, и немецкая общественность уже не были убеждены в необходимости и целесообразности суровых приговоров, что имело место сразу после войны. К тому же и в этих случаях, как и в целом при проведении денацификации поиск свидетелей со стороны обвинения был затруднительным. Тем не менее, как и в отношении главного Нюрнбергского трибунала 80% немцев считали, что эти процессы проводились справедливо.

Для осуществления процедуры денацификации в американской зоне был разработан соответствующий механизм. Уже 30 ноября 1945 года военная администрация создает Совет по политике денацификации, который должен был представить рекомендации по решению этой проблемы. В отчете, представленном Советом в январе 1946 года, выявлялись слабости существующей программы денацификации: невозможность привлечения к ответственности некоторых активных нацистов (поскольку они не попадали ни в одну из перечисленных категорий), недостаточное участие немцев, произвольное принятие решений, слабое взаимодействие с другими программами военной администрации. В документе подчеркивалась необходимость активного участия немцев в процессе денацификации, чтобы с одной стороны избежать создания среди них группы с ореолом мучеников или социальных изгоев, с другой стороны, чтобы дать им возможность самим разрабатывать программу [18. Р. 103].

Над собственным законом о денацификации работали и правительства земель при помощи советников военной администрации. Однако в процессе обсуждения закона выявились различия американского и немецкого подхода к решению этой проблемы. Так, например, немцы доказывали, что членство в нацистской партии имеет второстепенное значение, или, во всяком случае, не должно быть определяющим. Нацизм, по их мнению, являлся личной характеристикой каждого и не мог определяться военным рангом или занимаемой должностью. Американцы же настаивали на том, чтобы принадлежность к нацизму расценивалась не просто как ошибка в суждениях, а как серьезное преступление. Если немцы рассматривали денацификацию как судебный процесс (виновные в преступлениях должны понести наказание), то американцы скорее как процесс политический (наказание необходимо, но не является первичным, важнее не допустить влияния нацистов в дальнейшем).

Итогом дискуссий стало принятие 5 марта 1946 года закона №104 «Об освобождении от национал-социализма и милитаризма». Согласно закону каждый немец, достигший 18 лет должен был зарегистрироваться и заполнить подробную анкету, состоящую из 133 вопросов с целью определения степени их виновности и причастности к нацизму. Пропуск ответа на вопрос, ложные или неполные сведения, представленные в анкете, рассматривались как нарушения против оккупационных властей. Помимо личных сведений основное внимание в анкете уделялось членству в НСДАП и различных нацистских организациях (более 50 вопросов), военной службе, источникам доходов, поездкам за границу. Правильность приведенных в анкете ответов, должны были удостоверить своими подписями лица, лично знавшие анкетиремого [15. Р. 185]. Заполнение анкеты являлось обязательным, так как служило основанием для получения продуктовых карточек. В общей сложности в американской зоне было заполнено более 13 миллионов подобных анкет. Проверке данных анкет помогала найденная летом 1945 года на бумажной фабрике в Мюнхене картотека всех членов нацистской партии и ее дочерних организаций, которую нацисты не успели уничтожить [22. Р. 4].

По мнению американской исследовательницы Р. Боэлинг «одной из главных причин передачи денацификации немцам весной 1946 года, был тот факт, что огромное количество вовлеченных в нее людей сделало невозможным осуществление денацификации непосредственно военной администрацией из-за нехватки персонала и административных ресурсов. Другой причиной стало то, что американцы хотели разделить бремя ответственности за денацификацию с немцами» [8. Р. 234 – 235].

На основании представленных в анкете данных, анкетиремый мог быть помещен в одну из пяти категорий: 1) главные преступники; 2) преступники (активисты, милитаристы и спекулянты, т.е. лица, получившие доходы или извлекавшие выгоды от сотрудничества с режимом); 3) незначительные (второстепенные) преступники; 4) последователи («попутчики», т.е. номинальные нацисты); 5) невиновные (реабилитированные). В зависимости от того к какой

из пяти категорий был отнесен человек, предусматривалась мера наказания: от работы в трудовых лагерях сроком до десяти лет и конфискации имущества для главных преступников, до штрафа для номинальных нацистов [21. Р. 157].

Во многом совпадала с американским законом директива Контрольного Совета №38 «Арест и наказание военных преступников, нацистов, милитаристов и интернирование, контроль и наблюдение за потенциально опасными немцами», принятая несколько месяцев спустя. Она определяла те же самые категории лиц, на которых распространялась денацификация и предусматривала во многом схожие меры наказания, с той лишь разницей, что для категории главных преступников вводились более жесткие меры наказания вплоть до казни или пожизненного заключения, а преступникам срок заключения или трудовых лагерей увеличивался с пяти до десяти лет [11. Р. 122 – 133].

В июне 1946 года приступили к работе специальные немецкие трибуналы (Шпрухкамеры), созданные на местах для осуществления денацификации. Всего в американской зоне было создано 545 трибуналов со штатом в 22 тысячи человек. Решения трибуналов – принадлежность к той или иной категории, а также назначенное наказание – должны были регистрироваться и отмечаться в удостоверениях личности (Deutsche Kennkarte), которые были одинаковыми и признавались по всей Западной Германии. К середине октября 1946 г. такие документы были на руках у всех зарегистрированных жителей американской зоны [23. Р. 1].

Уже первые месяцы работы немецких трибуналов продемонстрировали всю сложность процесса денацификации. Становилось ясным, что осуществить эту задачу в разумные сроки практически невозможно. В этих условиях военная администрация была вынуждена дважды смягчать условия денацификации, проводя амнистии. Первая, так называемая «молодежная» амнистия, объявленная в августе 1946 года, затронула тех, кто родился после 1 января 1919 года и не относился к категории главных преступников или преступников. Тем самым от судебного преследования было освобождено около 900 тысяч человек. Принятое решение Л. Клей объяснял так: «Этим молодым людям было только 14 лет, когда Гитлер пришел к власти, и они имели мало шансов знать что-нибудь, кроме нацистской идеологии... Ни немецкие законодатели, ни военная администрация не стремились наказать немецкую молодежь, подвергнутую нацистской идеологической обработке» [9. Р. 259 – 260].

В конце декабря 1946 года, была объявлена вторая, «рождественская амнистия» для нетрудоспособных, а также малообеспеченных лиц, годовой доход которых с 1943 по 1945 год не превышал 3600 марок, а стоимость имущества – 20 тысяч марок, при условии, что они не относились к категориям главных преступников или преступников [24. Р. 1]. Предполагалось, что эта амнистия затронет около миллиона человек и облегчит работу трибуналов. Однако на первых порах амнистии скорее сдерживали процесс денацификации, поскольку немецким трибуналам требовалось время, чтобы разобраться с такими делами.

Очередные изменения в политику денацификации были внесены на Московской сессии Совета министров иностранных дел (СМИД), проходившей с 10 марта по 24 апреля 1947 года. На этой встрече государственный секретарь США Джордж Маршалл в своем выступлении подчеркнул обязательность однородных процедур и методов денацификации во всех четырех зонах оккупации [31. Р. 108]. Во время работы сессии четыре державы пришли к соглашению о необходимости принятия соответствующих мер с целью ускорения денацификации, а также решили рассмотреть возможность установления даты ее окончания. Союзники договорились как можно скорее завершить удаление прежних активных нацистов и милитаристов со всех важных общественных и полуобщественных постов, и с частных предприятий. Программа денацификации должна была сосредоточиться на активных нацистах, не тре-

буя поголовного суда над массой номинальных членов нацистской партии. Союзный Контрольный Совет должен был законодательно оформить эти решения [16. Р. 109].

Московское соглашение внесло изменения в американскую процедуру денацификации. Новая директива главнокомандующему американскими оккупационными силами JCS 1779, выпущенная 11 июля 1947 года и заменившая директиву JCS 1067, предписала военному губернатору осуществить в американской зоне решение, принятое на Московской сессии СМВД 23 апреля 1947 года [14. Р. 35]. Однако Московское соглашение так и осталось на бумаге, никаких четырехсторонних решений в рамках СКС принято не было. Вместо этого 16 августа 1947 года в советской оккупационной зоне выходит приказ Главноначальствующего Советской военной администрации №201, восстанавливающий политические и гражданские права бывшим номинальным членам нацистской партии, и разрешающий немецким судебным органам не привлекать к суду поголовно всех неактивных членов нацистской партии [4. С. 422].

После односторонних действий советской оккупационной администрации поправки и изменения в американских инструкциях становились неизбежными. Однако следует отметить, что подобная позиция советской стороны лишь ускорила принятие решений, которые уже давно вынашивали американские оккупационные власти. Военный губернатор Л. Клей понимал, что даже несмотря на предоставленные амнистии, денацификация в американской зоне продвигалась еще довольно медленно, на повестке дня немецких трибуналов оставалось еще более миллиона дел, на рассмотрение которых потребовалось бы около двух лет. Обсуждая эти вопросы с Вашингтоном, Клей знал, что такого количества времени у него не будет, ассигнования Конгресса могли скоро значительно сократиться.

Военное министерство торопило Клея и требовало ускорить денацификацию. К такому же решению склонялся и государственный департамент, назывались даже конкретные сроки окончания денацификации – 1 апреля 1948 года.

Принятая 3 октября 1947 года поправка к закону «Освобождения от национал-социализма и милитаризма» позволила немецким трибуналам переквалифицировать лиц, попавших в категорию преступников, и поместить их в более низкую категорию «попутчиков» [7. Р. 170 – 172]. Конгресс остался недоволен условиями поправки и рекомендовал военному губернатору завершить денацификацию к концу апреля, предоставив полную амнистию всем незначительным преступникам и «попутчикам». Однако Клей был непреклонен. В своей телеграмме в военное министерство Клей писал: «каждый месяц судебных процессов оставляет все меньше дел, которые, однако, содержат все больше действительно ненадежных людей. Общая амнистия освободила бы этих ненадежных людей и реально дискредитировала всю программу» [17. Р. 578 – 579]. После некоторых колебаний военное министерство согласилось с этим.

Следуя своим обязательствам перед Вашингтоном, 25 марта 1948 года Клей одобрил вторую поправку к закону о денацификации, согласно которой любой, кто не относился к категории главных преступников, мог быть переквалифицирован как незначительный преступник или «попутчик». Осуществление наказания или испытательный срок могли быть приостановлены или вовсе отменены, если человек своим поведением доказал свое исправление [30. Р. 172 – 173]. Все ограничения на занятость обвиняемых до проведения слушаний были отменены. Американские служащие лично отобрали наиболее важные дела, которые все же следовало рассмотреть на слушаниях по денацификации. К 1 мая 1948 года осталось около 28 000 таких дел. А к началу лета военная администрация практически прекратила наблюдение за программой денацификации, передав ее полностью немцам. Постепенно американский аппарат по денацификации был демонтирован, а персонал распущен.

Общий итог денацификации наглядно демонстрируют цифры. По официальным данным на конец июня 1949 года в американской зоне прошли регистрацию (заполнили анкеты) 13 199 800 человек, из которых под действие закона о денацификации попали 3 445 100 человек (каждый четвертый). Лишь 613 400 немцев были признаны в той или иной степени виновными в причастности к преступлениям нацизма и соответствующим образом наказаны. И только 1600 человек были признаны главными виновными.

Как же сами немцы относились к денацификации? Саму идею денацификации большинство немцев поддерживали, однако ее практическое осуществление вызывало критику немцев, с каждым годом все меньшее их количество выражали одобрение методов и процедур, при помощи которых она проводилась. Так, например, если в марте 1946 года 57% немцев выражали удовлетворение программой денацификации, то к декабрю 1946 года эта цифра резко упала до 34%, а в мае 1949 года и вовсе составила 17% [29. Р. 304 – 305].

Наиболее частой была жалоба на то, что денацификация слишком строго наказала номинальных нацистов, в то время как многие крупные нацисты избежали должного наказания. По мнению каждого четвертого немца, следовало более четко провести границу между активными нацистами и «попутчиками», а каждый седьмой наказал бы активных нацистов более строго. Вилли Брандт, будущий федеральный канцлер ФРГ в своих мемуарах отмечал: «Я не был за денацификацию, при которой маленьких людей ставят к позорному столбу, а люди с положением выходят сухими из воды. ...В то время как на низшем уровне в массовом порядке выводили «коричневые пятна» с почтальонов и мелких чиновников, которые подвергались обстоятельной и в то же время смехотворной денацификации, на верхних этажах власти началось широкомасштабное назначение старого персонала на новые посты. Едва преодолев страх, министерские бюрократы, судьи, полицейские чины, преподаватели высших учебных заведений избежали крупных столкновений с новым режимом, который без них не смог бы существовать» [1. С. 42].

Интересно, что те, кто не одобрял денацификацию, как правило, либо относились к группе с высокими доходами, высоким уровнем образования, имели достаточно высокий социально-экономический статус, либо сами или их родственники являлись бывшими членами НСДАП. Тем не менее, несмотря на неудовлетворенность практическим осуществлением денацификации, подавляющее большинство немцев не хотели брать на себя ответственность за ее выполнение.

Таким образом, с момента начала оккупации задача денацификации была одной из самых актуальных. Однако разработанный для ее проведения соответствующий механизм делал денацификацию чрезвычайно трудным и громоздким процессом. К тому же, при ее практическом осуществлении были допущены серьезные ошибки, что позволило многим активным нацистам избежать заслуженного наказания.

Библиографический список

1. Брандт, В. Воспоминания. – Пер. с нем. / В. Брандт. – М.: Изд-во «Новости», 1991.
2. Ирвинг, Д. Нюрнберг. Последняя битва. – Пер. с англ. / Д. Ирвинг. – М.: Яуза, 2005.
3. Ни давности, ни забвения... По материалам Нюрнбергского процесса. М.: Юридическая литература, 1984.
4. Приказ №201 Главного начальствующего советской военной администрации в Германии о порядке применения директив №24 и №38 контрольного совета о денацификации // За антифашистскую демократическую Германию 1945 – 1949 / Сборник документов. М., 1969.
5. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. Т.1. Московская конференция министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19 – 30 октября 1943 г.) / Сборник документов. – М.: Политиздат, 1984.

6. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941-1945 гг. Т.6. Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.) / Сборник документов. – М.: Политиздат, 1984.
7. Amendment to Law for Liberation From National Socialism and Militarism, 23 October 1947 // Germany under occupation: illustrative materials and documents. – Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc., 1949.
8. Boehling, Rebecca L. A question of priorities: democratic reforms and economic recovery in postwar Germany: Frankfurt, Munich, and Stuttgart under U.S. occupation 1945-1949 / Rebecca L. Boehling. – Providence – Oxford: Berghahn books, 1996.
9. Clay, Lucius D. Decision in Germany / Lucius D. Clay. – New York: Doubleday & Company, Inc., 1950.
10. Control Council Directive №24: Removal from Office and from Position of Responsibility of Nazis and of Persons Hostile to Allied Purposes, 12 January 1946 // Occupation of Germany: Policy and Progress 1945 – 1946. Washington, D.C., 1947.
11. Control Council Directive №38: The Arrest and Punishment of War Criminals, Nazis and Militarists and the Internment, Control and Surveillance of Potentially Dangerous Germans, 12 October 1946 // Occupation of Germany: Policy and Progress 1945 – 1946. Washington, D.C., 1947.
12. Dachau: Excerpt from Report of Military Governor, August, 1948 // Germany, 1947-1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950.
13. Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation regarding the Military Government of Germany (JCS 1067) // Germany under occupation: illustrative materials and documents. – Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc., 1949.
14. Directive to Commander in Chief of United States Forces of Occupation Regarding the Military Government of Germany (JCS 1779) // Germany, 1947-1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950.
15. FitzGibbon C. Denazification. London, 1969.
16. Four-Power Agreement on Denazification and Trial of War Criminals Referred by Council Foreign Ministers to Control Council as Directive for Action, 23 April 1947 // Germany, 1947-1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950.
17. From Clay Personal for Draper, 14 March 1948// The Papers of General Lucius D. Clay: Germany, 1945-1949. In 2 vol. Volume II / Ed. by Smith J. E. – Bloomington – London: Indiana University press, 1974.
18. Gimbel, J. The American occupation of Germany: Politics and the Military, 1945 – 1949 / J. Gimbel. – Stanford, California: Stanford University Press, 1968.
19. Handbook for Military Government in Germany. –Washington: H.W. and V. Ltd., 1944.
20. Herf J. Divided memory: The Nazi past in the two Germanys. Cambridge-London, 1997.
21. Law for Liberation from National Socialism and Militarism, 20 March 1946 // Germany under occupation: illustrative materials and documents. – Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc., 1949.
22. Monthly Report of the Military Governor. 20 January 1946. №6.
23. Monthly Report of the Military Governor. Denazification and Public Safety (Bimonthly Review). 1 August – 30 September 1946. №15.
24. Monthly Report of the Military Governor. Denazification and Public Safety (Bimonthly Review). 1 December 1946 – 31 January 1947. №19.
25. Monthly Report of the Military Governor. Denazification. 20 August 1945. №1.
26. Monthly Report of the Military Governor. Denazification. 20 October 1945. №3.
27. Nuremberg: Summary of verdicts // Germany, 1947-1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950.
28. Opening Address for the United States of America by Robert H. Jackson, representative and Chief of Counsel for the United States of America at the Palace of Justice, Nurnberg, Germany, 21 November, 1945 // Occupation of Germany: Policy and Progress 1945 – 1946. Washington, D.C., 1947.

29. Public opinion in occupied Germany: The OMGUS Surveys, 1945 - 1949 / Ed. By Anna J. Merrit, Richard L. Merrit. Urbana-Chicago-London, 1970.
30. Second Draft Law Amending Certain Provisions of the Law for Liberation from National Socialism and Militarism of 5 March 1946 // Germany under occupation: illustrative materials and documents. – Ann Arbor: Edwards Brothers, Inc., 1949.
31. Statement by Secretary Marshall, 13 March 1947 // Germany, 1947-1949: The Story in Documents. – Washington: United State Department of State, 1950.
32. Tent, James F. Mission on the Rhine: Reeducation and Denazification in American-Occupied Germany / James F. Tent. – Chicago-London: The University of Chicago Press, 1982.
33. U.S. Forces, European Theater Directive: Removal of Nazis and Militarists, 7 July 1945 // Denazification, cumulative review. Report, 1 April 1947 – 30 April 1948 / Office of Military Government. Civil Administration Division.

Сведения об авторе

Жаронкина Елена Алексеевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, zharonkina@mail.ru

УДК 930:94(430)

Л. Н. Корнева

НАЦИСТСКИЙ РЕЖИМ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПАРТИИ И ГОСУДАРСТВА (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: В статье рассматриваются оценки историками вопросов положения нацистской партии в Третьем рейхе и ее взаимоотношения с государственными структурами. Рассмотрение этого сюжета важно для познания сущности тоталитарной власти и путей её исследования историками, и представителями других гуманитарных наук.

Ключевые слова: историография, нацистская партия, Третий рейх, чиновничество, структура, тоталитаризм.

Korneva I.N. Nazi regime: relationship between party and State (historiographical dimension).

Abstract: this article discusses the evaluation issues relating to historians of the Nazi party under the Third Reich, and its relationship with government agencies. Consideration of this subject is important for understanding the essence of totalitarian rule and ways of its research by historians, and other humanities.

Keywords: historiography, Nazi party, Third Reich, officialdom, structure, totalitarianism.

Собственно вопрос о взаимоотношениях НСДАП и государства после 1933 г. – это вопрос о степени нацификации государства и общества в Германии. Мы остановимся на оценках немецкими историками влияния нацистов на некоторые системно образующие структуры государства: в частности чиновничий аппарат, администрацию разного уровня, частично – на полицейский аппарат.

Систематическое изучение нацизма началось в 50-е годы, когда появилась более основательная источниковая база (прежде всего, материалы Нюрнбергского процесса) и было создано несколько учреждений, поставивших задачу специального изучения нацизма, опираясь на факты и структуры. Такими учреждениями стали Институт современной истории в Мюнхене, первоначально созданный специально для изучения нацизма и существующий до настоящего времени, Гамбургская лаборатория исследований истории национал-социализма и некоторые другие объединения при университетах. К этому времени в науку пришло новое поколение историков, которое и поставило себе эту задачу.

На исследование внутренней системы нацистского государства и его структур большое влияние оказали довоенные работы Эрнста Френкеля и Франца Нейманна о структуре нацистского государства. Френкель писал о существовании в нацистской Германии т.н. «двойного государства»: «нормального» (имеется в виду типичного буржуазного государства) и «государства чрезвычайных мероприятий» с новыми, созданными нацистами структурами и функциями [11]. Нейманн, назвав свою работу «Бегемот» охарактеризовал нацистское государство как нагромождение различных структур, конкурирующих друг с другом, с похожими функциями, порождающими неразбериху, но, тем не менее, удовлетворительно функционирующую [14]. Но вопреки мнению Френкеля, Нейман считал, что «право и закон» при нацистах были только «техническими правилами» [цит. по О. Ю Пленков. «Бегемот» Франца Неймана – первая попытка структурного анализа государства Гитлера], 14, с. 11]

Интерес к анализу государственных структур нацистского режима по настоящему пробудился в ФРГ в 60-е годы в связи с расширением источниковой базы (возвращение их значительной части из США) и не в последнюю очередь - в связи с интересом общественности к судебным процессам над участниками нацистских преступлений. В изучении проблематики взаимоотношений государства и нацистской партии пионерами стали Ганс Моммзен, Питер Диль –Тиле, Мартин Бросцат [13, 9,1,2] и, в частности, работа Бросцата 1969 года: «Госу-

дарство Гитлера. Основы и развитие его внутренней структуры»[8]. В исследованиях названных авторов анализировались старые и новые структуры Третьего рейха, взаимоотношения партийной и государственной бюрократии, их взаимодействие и взаимоотталкивание.

Следом более углублённо развернулась работа других учёных по взаимоотношениям отдельных столпов государства с нацистской партией и её структурами. Особенно интенсивно названная проблематика стала предметом исследования в 90-е гг. XX века - начале XXI. (работы Тамера, Райхеля, Ребентиша и др.) [20,16,18]. Вопрос о взаимоотношениях государственной бюрократии и нацизма стал изучаться с точки зрения преемственности управляющей элиты, её способности сохранять самоё себя вне зависимости от формы власти.

Важным представлялся в этой связи вопрос о степени вовлечённости в строительство нацистского государства традиционных государственных структур после прихода нацистов к власти в январе 1933 г. Традиционалисты стремились сохранить себя в условиях диктаторской власти. Новые нацистские структуры со своей стороны желали укрепиться у власти, и в конечном итоге – управлять государством, исходя из цели и задач нацистской партии.

В исследовании названной проблематики современные авторы исходят из факта условного существования в нацистском государстве трёх периодов: начальная стадия нацистского режима - т.н. «революционная», до середины 1934 г. (Сам Гитлер при этом об окончании «коричневой революции» заявил летом 1933 г.). Вторая стадия - т.н. «консолидация» режима (1935-1938 гг. – М. Броскат, Н. Фрай и др.). Третья стадия - период войны и распада нацистского режима. Автор статьи разделяет приведённую периодизацию.

Первая, т.н. революционная фаза режима.

Исследователи отмечают, что на первой фазе, которая протекала быстро, малокровно, практически в течение полугода, казалось, что нацистская партия диктует свою волю государственным структурам: разгром партий Веймарской республики, профсоюзов, изгнание неугодных лиц из администрации и чиновничьего аппарата и др.

К июлю 1933 года завершилась монополизация власти нацистами: 14 июля 1933 г. был принят закон о запрете образования, кроме нацистской, других партий [3,с.320]. Затем 1 декабря этого же года принимается закон о единстве партии и государства, в котором нацистская партия провозглашается «носителем государственной идеи»[3,с.323]. Государство, таким образом, приобретает статус однопартийного.

Означало ли образование однопартийного государства диктат партии над государственными органами, или, по крайней мере, её равенства с государственным аппаратом?

Специалисты склоняются к тому, что революция имела пока только внешние черты. Она проявила намерения нацистов действовать активно и решительно, показать, что нацисты пришли надолго и не потерпят оппозиции. Между тем, старые структуры на этой первой стадии были не намерены сдаваться.

В рядах чиновничества ещё была сильна корпоративная солидарность бюрократического аппарата. Один из авторов работ по региональным элитам - Михаэль Рук показал в своей работе, что смена политической системы в Германии в 1933 г. с либеральной на тоталитарную власть нацистов имела только ограниченное влияние на сплочённость и образ мыслей распорядительной элиты. Это суждение автор обосновывает тем, что чиновничество с кайзеровских времён объединяли национал - консервативные ценности, и в целом, оно было настроено против Веймарской республики. Вот почему бюрократия не сопротивлялась власти нацистов – идеология национал - социализма во многом опиралась на консервативные ценности. «Административная элита - пишет автор, - ...с профессиональной рутинной управляла нарушающими права (человека) процессами тоталитарного «государства мероприятий».[17, S.257] Среди бюрократии не было сопротивления преступлениям нацистского ре-

жима - ни активного, ни пассивного, но была лояльная кооперация с властью, - дополняет автор.

Чиновничеству импонировали взгляды нацистов, имевшие некоторые корни в кайзеровской империи: враждебность к парламентаризму, антисемитизм и др. Эти выводы подтверждают более ранние, сделанные ещё в 60-е гг. выводы, Г. Моммзена, который исследовал проблему степени и границ влияния нацистов на бюрократию в книге «Государственная бюрократия в Третьем рейхе». Он обозначил положение бюрократии по отношению к новому режиму сравнением с вещью, лежащей на «наклонной плоскости», по которой, в конце концов, «бюрократия скатилась до уровня простого орудия преступного государства».[13, S.206]

Со стороны новой нацистской власти тоже существовала определённая заинтересованность в сохранении старого чиновничества. На первых порах новая власть не могла функционировать без сложившейся до неё бюрократической системы. Исследование континуитета старых управленческих структур и новой нацистской власти, особенно на первой фазе её существования в 1933-1936 гг. было важно с точки зрения сохранения стабильности нацистской системы. Ведь она только «становилась на ноги», должна была овладеть управленческими «рычагами» и ей было ещё далеко до собственных традиций. Известный специалист по истории права и управления Дитер Ребентиш в одной из своих работ раскрыл характер поведения управленческой элиты и степень противодействия или приспособляемости традиционной государственной администрации к нацистскому режиму [18]. По его утверждению, многие служащие Веймарской республики были настроены монархически и авторитарно. Латентный антисемитизм многих чиновников способствовал тому, что «старая» бюрократия не оказала никакого сопротивления введению нацистами в апреле 1933 г. «закона о государственных служащих», отправлявшем в отставку чиновников - «неарийцев» и политических противников [18, S. 54]. «Привычка к послушанию, частичное родство взглядов способствовало нарастанию сотрудничества между бюрократией и нацистами», - пишет автор. Кроме того, традиционную бюрократию подвело самонадеянное мнение, что она «сможет «держаться в рамках» новую нацистскую администрацию» [18, S.63].

В то же время, немецкие авторы подчёркивают, что на первом, «революционном этапе», когда власть нацистов ещё недостаточно укрепилась, Гитлер шёл на уступки старой элите. Он опасался излишней активности штурмовиков в замене старого аппарата на нацифицированный новый аппарат, не имеющей пока способности к управлению государством. Начальный пиетет Гитлера к старым структурам касался, прежде всего, верхних слоёв элиты: руководства армии, руководителей промышленности, внешнеполитического ведомства, поскольку первое время фюрер был вынужден вуалировать свои истинные цели, а также делал много заявлений о мире и добрососедстве. Поэтому он умерил «социалистические» притязания НСБО (Национал-социалистические ячейки на предприятиях), требовавшие, например, установление «рабочего контроля» на предприятиях. Нацистские бонзы во главе с Гитлером были недовольны требованиями части штурмовиков из мелкобуржуазной среды ликвидации крупных универмагов, замены профессиональной армии - «народной», костяком которой оставались бы штурмовые отряды (СА). Бросчат так описывал действия руководства НСДАП и Гитлера в этот момент: «Своей речью перед имперскими заместителями в Берлине 6.07. 1933 года Гитлер положил начало появлению целого ряда постановлений и мероприятий по поводу «окончания революции» [2, с.25].

Закон о единстве партии и государства от 1.12.33 г. по существу устанавливал подчинение партии государству, а не управление партией государством и нацеливал её на идеологическую и пропагандистскую работу с массами. Обезглавливание СА в ночь длинных но-

жей в июне 1934 г. их ослабление, а также смерть президента Гинденбурга соединились и стали «вехами на пути к абсолютизму фюрера», поскольку фюрер, кроме премьерства присвоил себе и функции президента. Бросчат считал эти события началом формирования т.н. «государства Гитлера». «Разрешение конфликтов между партийной и государственной бюрократией становится прерогативой фюрера, и постепенно стало очевидно, что его право на вмешательство и принятие окончательного решения составляет один из основных принципов «государства фюрера» гитлеровского образца», - дополняет Н. Фрай [6, S.64-65] Став фюрером партии, государства и народа, на базе абсолютизма Гитлера начинается процесс стабилизации режима.

Фаза консолидации режима (1934 -1938 гг.)

На фазе консолидации режима окончательно оформляются специфические нацистские государственные структуры: министерство просвещения и пропаганды Геббельса, террористическая системы режима (последующее слияние СС и СД, гестапо и старой политической полиции), оформление стационарной системы концентрационных лагерей. Более чётко определяется место партии в нацистском государстве

Партия в структуре своей власти выполняет роль главной мобилизующей силы на выполнение задач нацистского государства. Опираясь на высказывания Гитлера, Бросчат писал, что «под сплавом партии и государства» Гитлер в это время понимал чёткое подчинение партии государственному руководству и вместо исходящей снизу инициативы партии – её превращение в массовый орган, подчиняющийся фюреру и являющийся пропагандистским и организационным дополнением государственной власти, действующей в целях политики правительства» [2, с. 35] При этом, как отмечает Бросчат, фюрер в своих выступлениях давал понять, что пропаганда должна быть направлена не на «рациональное политическое воспитание, а совершенно осознано на «гипноз», на пробуждение «национальной страсти...» [2, с.83].

Партия пыталась в это время внедрить в ряды чиновничества надёжных национал-социалистов, создать систему контроля чиновников, но полностью осуществить это не удалось, т.к. министерство внутренних дел во главе с нацистом Фриком, всё же, сделало упор на вопросах профессионализма, и при внутриведомственном назначении чиновников партия вмешивалась только в исключительных случаях. Поэтому настоящего, на равных правах «сплава партии и государства» не получилось.

Однако Гитлер не отказался от усиления влияния партии на чиновничество, усилив государственные функции партийной канцелярии, особенно, когда во главе штаба был поставлен Борман, и откуда раздавались упрёки в реакционности чиновничества [2, с.106]. Штаб партийной канцелярии постоянно поощрял получение чиновниками благожелательной характеристики от партии, кто состоял в её рядах при возможности получения должности в административном аппарате. Шло постепенное лишение бюрократии власти. Структура правительства рейха всё больше подменялась непосредственными уполномоченными Гитлера, сосредоточением полномочий в руках отдельных влиятельных партийных деятелей или новых, связанных с партией или частной экономикой центральных органов. Старые органы управления оставались, но «старую министерскую бюрократию всё больше и больше обходили, парализуя её политически» [2, с.114.]

Фаза войны и разрушения нацистского государства.

Нацистская партия в лице её функционеров в период войны в определённой степени взяла реванш за неудачи в попытках усилить своё влияние на госструктуры в предыдущие периоды. Это просматривается в усилении влияния, прежде всего, органов подавления в ли-

це объединённых в РСХА - СС, СД, гестапо, их руководство системой концентрационных лагерей. В гражданском секторе усиление партийного влияния проявилось в сфере управления оккупированными территориями, на востоке Европы, где партийные чиновники стали получать государственные должности. При этом возросла их автономность в действиях («восточные царьки»). Господствовала политика произвола, доктринёрства расовой и мировоззренческой политики, особенно в области депортации населения. Вообще политика здесь существенно отличалась от политики в «старом рейхе». Гауляйтеры получили дополнительные чрезвычайные полномочия в новых восточных областях. Дело доходило «до массового назначения партийных руководителей (не имевших опыта управления) на ведущие административные должности, в то время как часть чиновников, направленных имперским МВД были отозваны с этих постов», - пишет Бросцат [1, с. 223].

Хотелось бы отметить, что развитие историографии государства Гитлера происходило на фоне ведущихся в ФРГ дискуссий: в 80-е годы между интенционалистами и структуралистами. В 90-е годы – вокруг оценки применимости теории тоталитаризма к нацистскому государству. Интенционалисты считали, что нацистский режим формировался вполне предсказуемым образом, логически вытекавшем из нацистского мировоззрения и при неограниченной власти Гитлера. Структуралисты же подчёркивали наличие конкурирующих властных групп внутри нацистского государства, между которыми Гитлер лавировал и утверждал свою власть за счёт компромиссов и радикализма. В конце концов, так и остались в историографии сторонники как монархической, так и поликратической системы власти [более подробно 4, с.120-160]. Но последующие региональные исследования в 90-е годы в большей степени разрушили мнение о монолитности «государства фюрера». Вместе с этим разрушалось и представление о тоталитарном государстве как о некоем упорядоченном и чётком механизме власти.

«Имело место сосуществование государственного централизма и частной власти и это была суть гитлеровского государства», пишет Бросцат [1, с.228]. Он же указывает, что «в годы войны наблюдалось прогрессирующее расщепление на всё новые центры деятельности, которые усиливали институциональную запутанность. Гитлер был не в состоянии контролировать и держать в узде новые организации, компетенции и амбиции» [1, с. 265]. Историк Диль-Тиле говорит о «размытости статуса отношений партии и государства [9, S.380]. Такое положение вещей было вызвано разрастанием империи за счёт оккупированных областей и усложнённой структурой управления ими. Российский историк Олег Пленков не без основания утверждает, что «Чем ниже были звенья власти, тем сильнее была тенденция слияния партии и государства» [5, с.167].

«Организационные джунгли национал-социалистического режима» современный автор Михаэль Проллиус объясняет тем, что экономика, политика нацистского государства были эмерджентны, т.е. находились в состоянии становления, были недоразвиты, «их смяли мечты Гитлера о мировом господстве Германии и войне» [15, с.328 -332].

В историографии XXI века стала активно разрабатываться тема деятельности партийных функционеров НСДАП разного уровня – от имперского до партийных ячеек (рейхсляйтер, гауляйтер, блокляйтер, блокварт и др.), их влияния на общественно-политическую жизнь Германии 1933-1945 гг. Изучение тем партийного руководства на разных уровнях власти позволяют уточнить влияние структурных элементов нацистского государства, (особенно в рамках споров о его «монархическом» или «поликратическом» характере). Значение конгрессов рейхсляйтеров и гауляйтеров с точки зрения управления обществом стало предметом анализа историка М.Молля. Автор показывает, что нацисты пытались преодолеть «пульсационный» характер поликратической системы власти. Конгрессы партийных функ-

ционеров, по мнению автора, были важным инструментом «координации и информации» руководства в имеющемся «хаосе различных служб».[12, S. 215-275].

Большое внимание стало уделяться деятельности партийных функционеров нижнего уровня («блокляйтеров») в национал-социалистической системе террора и контроля над населением (блокварт). В ряде статей, например, Д. Шмихен-Акерман и др. авторы приходят к выводу, что без работы блокляйтеров в этом направлении и в системе доносительства в целом, гестапо было бы бессильным органом[19, S.575-602]. О. Пленков так характеризует блокляйтера: «в Третьем рейхе он был «цепным псом» нацистского режима: доносчик, постоянно шпионящий за соседями, услужливый и вездесущий носитель тоталитарной системы, приводной механизм взаимодействия власти и людей»[5, с.161]. К сожалению, такую характеристику можно было отнести и к части граждан –не из партийной номенклатуры - «добровольных помощников Гитлера» (Д. Гольдхаген). Эти сюжеты анализируют, например, историки С. Баде, Дивальд-Керкман [7, S. 92-102; 10, S.138; 172].

Новое поколение исследователей осветило особенности работы партийных функционеров во время войны. В это время наблюдается рост влияния партийной канцелярии во главе с Борманом и поощряемая им растёт тенденция к смешению партийных и государственных функций, хотя распоряжением фюрера 1937 г. официально запрещалось совмещение. Однако на местах оно, особенно во время войны – нарушалось.

Авторы показали, что со времени объявления в 1943 г. «тотальной войны» к пропагандистской и мобилизационной работе на «отечественном фронте», к выявлению «врагов рейха» у партийных функционеров добавились и другие, более насущные проблемы. Жизненно важными стали организация разборки руин после бомбёжек и помощи пострадавшим, массовые захоронения граждан, отправка стариков и детей во внутренние, сельские районы Германии и др. Часть из партийных функционеров сопротивлялась выполнению приказа Гитлера о «выжженной земле». К сожалению, из этих работ не ясно, насколько грозные события войны, перешедшей на территорию Германии, отрезвили партийных деятелей в их оценке и нацистской идеологии, и самого Гитлера.

Анализируя сущность «государства фюрера» Норберт Фрай писал, что в государстве Гитлера существовали «ниши, уголки и свободные пространства, которые нацизм не сумел заполнить..., прежде всего, в массовой культуре, искусстве, религии... и повседневной жизни»[6, с. 161]. Он считает, что эти лакуны представляют из себя контраст монолитности фасада государства фюрера и считает, что это не ослабляло, а усиливало положение Гитлера вместе с мифом о нём.

На приведённых примерах взаимодействия партии и государства при нацистском режиме становится видимой ограниченность инструментария теории тоталитаризма, зачастую представляющей диктатуры как монолитные системы, где единственная партия определяет экономический и политический курс государства.

Библиографический список

1. *Брозцат М.* Тысячелетний рейх. Триумф НСДАП и рождение империи. – М., 2004.
2. *Брозцат М.* Закат тысячелетнего рейха. Гибель богов. . – М., 2005.
3. История Германии. Учебное пособие для вузов в 3 т. . - Т.3 Документы и материалы.– Кемерово, 2005.
4. *Корнева Л. Н.* Германская историография национал-социализма: проблемы исследования и современного развития (1985-2005) .- Кемерово, 2007.
5. *Пленков О. Ю.* Третий рейх. Нацистское государство. – СПб, 2004.
6. *Фрай Н.* Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия 1933-1945.- М., 2009.

7. *Bade C.* Zwischen Kooperation und Kontrolle. Denuntiation in Alltag und Gesellschaft des Nationalsozialismus/ Die deutsche Kriegsgesellschaft 1939-1945. Politisierung. Vernichtung. Überleben.- München, 2004.
8. *Broszat M.* Der Staat Hitlers. Grundlegung und Entwicklung seiner inneren Verfassung. – München, 1969.
9. *Diehl-Thiele P.* Partei und Staat im Dritten Reich.- München, 1969.
10. *Diewald-Kerkmann G.* Politische Denuntiation im NS-Regime oder die kleine Macht der „Volksgenossen“. - Berlin, 1992.
11. *Fraenkel E.* Der Doppelstaat. – Köln, 1974.
12. *Moll M.* Steuerungsinstrument im „Ämterchaos“? Die Tagungen der Reichs- und Gauleiter der NSDAP// VfG, 49. Jg., 2001.
13. Mommsen H. Beamtentum im Dritten Reich. - Stuttgart, 1966.
14. *Neumann F.* Behemoth. Struktur und Praxis des Nationalsozialismus 1933- 1944. – Frankfurt am Main, 1977(zuerst: New York, 1942-1944).
15. *M.v.Prollius.* Das Wirtschaftssystem der Nationalsozialisten 1933-1939. Steuerung durch emergente Organisation und Politische Prozesse. - Paderborn, München, Wien, Zürich. – 2003.
16. *Reichel P.* Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus, (1991). - 2. Aufl. -München -Wien, 1992.
17. *Ruck M.* Korpsgeist und Staatsbewußtsein. Beamte im deutschen Südwesten 1928 bis 1972. - München, 1996. - 407 S.
18. *Rebentisch D.* Nationalsozialismus und öffentliche Verwaltung// Frankfurt am Main: Gestapozentrale und Widerstand. - Frankfurt am Main, New York. - 1996.
19. *Schmiechen-Ackermann D.* Der „Blockwart“. Die unteren Parteifunktionäre im nationalsozialistischen Terror und Überwachungsapparat// VfG, 48. Jg., 2000.
20. *Thamer H.-U.* Das Dritte Reich. Interpretationen, Kontroversen und Probleme der aktuellen Forschungsstandes // Deutschland 1933–1945. Neue Studien. (Hrsg. K. D. Bracher u. a.). – Bonn, 1993.

Сведения об авторе:

Корнева Лидия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, E-Mail: korneva_21@mail.ru

ВТОРЖЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ В ВОСПРИЯТИИ СОЛДАТ ВЕРМАХТА: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ И ВЛИЯНИЕ ПРОПАГАНДЫ

Аннотация. Статья посвящена анализу восприятия немецкими солдатами кампании мая-июня 1940 года во Франции. В качестве источников использовались дневники, воспоминания и письма высшего командования вермахта, его среднего звена и рядовых солдат. Предпринята попытка показать, в какой степени национал-социалистическая идеология влияла на восприятие событий и поступки конкретных людей.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Западная кампания 1940 года, национал-социализм и вермахт

M. Medvedeva. Intrusion to France in perception the Wehrmacht soldier: personal experience and the impact of propaganda

Annotation. The article is devoted to the analysis of reception of the campaign of May-June 1940 in France by the German soldiers. The sources are the diaries, memories and letters of the high command of the Wehrmacht, its middle-ranking and common soldiers. The author attempts to show to what degree the national-socialist ideology influenced the reception of the events and the actions of concrete people.

Keywords: The Second World War, The Battle of France, the National Socialism and the Wehrmacht

Изучение национал-социализма и его роли в истории Германии нельзя ограничивать только аспектами внутренней политики и связанными с этим проблемами. В течение долгих шести лет Германия вела мировую войну, в ходе которой попыталась воплотить в жизнь многие положения национал-социалистической доктрины (уничтожение евреев, завоевание жизненного пространства на Востоке и др.). С другой стороны, война велась руками обычных людей, в той или иной степени испытывавших на себе влияние этой идеологии. В этой связи перед историками встаёт важный вопрос: насколько Вторая мировая война на разных фронтах была «национал-социалистической» для тех, кто участвовал в ней с германской стороны, насколько идеология повлияла на отношение к происходящему, его восприятие и осмысление.

В немецкой историографии исследования жизни, менталитета, восприятия войны немецкими солдатами стали в последнее время очень популярными. Авторы подобных монографий, обычно довольно больших по объёму, рассматривают вермахт в целом [17,19] или же сравнивают Западный и Восточный фронты Второй мировой войны [14,22]. Источниками им служат как письма и дневниковые записи, так и интервью, взятые уже много лет спустя после окончания боевых действий. В подобных исследованиях часто находит отражение междисциплинарный подход – историки обращаются к методам таких смежных гуманитарных наук, как социология, психология. Следует особо отметить, что в этих монографиях представлена картина восприятия войны глазами именно обычных солдат, которые не принимали судьбоносных для целой кампании решений, не несли ответственности за её исход.

В этой связи представляется важным проанализировать восприятие Второй мировой войны, (основываясь на источниках личного происхождения) её участниками, принадлежавшими к разным группам: высшее командование, «среднее звено», рядовой состав. Подобное деление помогает провести некий срез армии и посмотреть, как те или иные события воспринимались на разных уровнях. В качестве конкретного примера будет рассмотрена кампания вермахта против Франции, продолжавшаяся с 10 мая по 22 июня 1940 года.

Начало Второй мировой войны принято датировать 1-м сентября 1939 года, когда гитлеровская Германия напала на Польшу. 3-го сентября войну Германии объявили Великобритания и Франция, однако они не предприняли никаких активных действий, поэтому этот период Второй мировой получил название «странная война». Уже к концу сентября с Польшей

было покончено, и Гитлер обратил свои взоры на Запад, желая как можно скорее выступить против Бельгии, Нидерландов, Люксембурга и Франции. Впоследствии историки подсчитали, что срок наступления на Западе переносился 29 раз [18, S.227], пока не был назначен на 10-е мая 1940-го года. Сам его план под кодовым названием «Гельб» был окончательно разработан в январе-феврале 1940 года и предусматривал оккупацию Бельгии и Голландии и разгром французов и англичан.

За прошедшие с окончания этой кампании годы было написано множество литературы, авторы которой, в конечном счёте, пытались понять лишь одно: почему французская армия, наследница побед Первой мировой войны, потерпела такое сокрушительное поражение. Перед нами сейчас не стоит цели ответить на этот вопрос. Важно лишь подчеркнуть, что на участников этой кампании с немецкой стороны многочисленные ошибки французов и вызванное этим стремительное наступление вермахта оказывали решающее воздействие. Конечно, нацистской пропаганде не нужно было делать ничего особенного, чтобы внушить не только солдатам, но и простым гражданам осознание необходимости взять реванш за проигранную войну 1914-1918 гг. Подобные настроения начали вызревать уже в период Веймарской республики, поэтому они лишь требовали постоянной подпитки. При этом нацистские руководители ни в коем случае не принижали военной мощи Франции и считали, что кампания против неё сопряжена с большим риском. На деле же немецкие военные столкнулись не совсем с тем, на что они рассчитывали и чего ожидали. Это, на наш взгляд, один из ключевых факторов, который необходимо учитывать при анализе источников. Также необходимо помнить, что отличительная черта кампании против Франции заключается в том, что, в отличие, например, от войны против Советского Союза, она не была «войной на уничтожение». Конечно, она велась против «наследственного врага», но Германия не ставила перед собой цели искоренения Франции как таковой. Поэтому здесь особенно интересно посмотреть, как национал-социалистические постулаты влияли на социокультурное восприятие этой кампании немцами.

Теперь следует оговорить особенности используемых источников. Первую их группу составляют воспоминания высших офицеров и генералов – тех людей, которые были ответственны за подготовку и воплощение в жизнь военных планов. К ним относятся командир XIX армейского корпуса Гейнц Гудериан [3], автор основной идеи плана нападения на Францию Эрих фон Манштейн [7] и начальник оперативного отдела группы армий «А» Гюнтер Блюментрит [1]. К этой группе примыкает начальник Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер [2], автор подробного дневника, в целом охватывающего период с 1939 по 1942 гг. Если последний источник – скорее хроника боевых действий, то первые – некая «апология истории», а точнее, своего места в этой истории. Не вдаваясь в подробности, следует лишь сказать, что последнее обстоятельство не препятствует использованию данных источников, ибо их авторы сами являлись очевидцами, воспринимавшими события через призму своего активного участия, поэтому без них, без военной верхушки общая картина будет представляться неполной.

Вторую группу составляет «среднее звено» военнослужащих-участников описываемых событий. Эти люди не руководили операциями в целом, но в их подчинении, тем не менее, оказались значительные воинские подразделения. В эту группу входят воспоминания офицеров: командира кавалерийской бригады Фридо фон Зенгера [4], ротного командира Ганса фон Люка [5], штурмбаннфюрера Курта Майера [6], начальника оперативного отделения 197-й пехотной дивизии Фридриха Вильгельма фон Меллентина [8]. Можно сказать, что цель их написания во многом схожа с той, которую преследовали представители высшего командования – оправдать свои действия и, особенно в случае немцев, дистанцироваться от

политики в целом и от Гитлера в частности [8, С.328-383]. С другой стороны, авторы этих источников уже более критично оценивают ситуацию. Так, фон Зенгер и фон Люк более пристально и откровенно, пытаются оценить роль национал-социализма в истории собственной страны. Майер, который после войны будет осуждён за военные преступления, напротив, пытается оправдать войну. Вот что он пишет, например, о Польше (подобные строки могут быть отнесены и к войне против Франции): «Для них [солдат – М.М.] война с Польшей – не захватническая кампания, а ответ на вопиющую несправедливость. С унижениями немецкого народа, санкционированными в Версале, должно быть покончено раз и навсегда» [6, С.13].

Дальше мы опускаемся ещё ниже по ступеням военной иерархии и переходим к источникам, авторами которых стали простые солдаты. Это как воспоминания, так и дневники, а также письма. Первые представлены книгой солдата Вольфганга Фишера [13]. Как можно судить из её названия - «Когда не везёт родиться на поколение позже. Ответы моему сыну» - она включает в себя размышление не только над пережитым лично, но и над тем, что произошло с родной страной. То же самое можно сказать и о письмах солдат Отто В. и Ганса А., взятых из сборника, в котором представлена корреспонденция немецких солдат за весь период Второй мировой войны [16]. Наконец, были задействованы также дневники солдата Ганса Боссея [12], старшего ефрейтора Эриха Куби [15], ефрейтора Вильгельма Прюллера [10], унтер-офицера Георга Циммермана [23]. Записи велись на протяжении всей войны. Если в первом случае они являются очень лаконичными, то остальные авторы не только описывают в своих дневниках происходящее, но и дают ему некую оценку. Здесь важно отдельно сказать о том, что Прюллер и Циммерман, о чём свидетельствуют как их биография, так и дневниковые записи, были убеждены в правоте национал-социалистической идеологии, а Куби, напротив, относился к ней со скептицизмом, если не с отвращением [15, S.5]. Это, как мы увидим в дальнейшем, самым прямым образом повлияет на данные этими людьми оценки происходящему.

Здесь также стоит оговорить ещё одно важное обстоятельство, которое необходимо учитывать при анализе восприятия всеми этими людьми кампании во Франции. Если высшие военные командиры и некоторые представители «среднего звена» родились ещё в XIX веке, а посему принимали участие в Первой мировой войне, то обычные солдаты в то время либо были ещё детьми, либо и вовсе ещё не родились. Этот фактор самым прямым образом повлиял на их представления о нынешней войне: если «старшие» могли воспринимать её как продолжение Первой мировой войны, как реванш, который они бы взяли и без национал-социалистов, то «младшие» были в большей степени подвержены идеологическим мотивам, проповедуемым последними, и могли быть более эмоциональными в своих оценках.

Сейчас, говоря о кампании вермахта во Франции, принято предварять свои рассуждения словами Гитлера о Франции как наследственном враге. Что нужно с ней поэтому сделать, совершенно ясно: разбить и растоптать тяжёлым прусским сапогом. Однако, не всё так просто даже с отношением к этой стране Гитлера. Он не ожидал, что её так быстро удастся разгромить, и высоко оценивал её военный потенциал. Историк Б. Вернер полагает, что восприятие Гитлером Франции было «характерной смесью восхищения и презрения, переоценки и недооценки» [21.15]. С другой стороны, кроме Гитлера, были ещё реальные люди, немецкие солдаты, которые воевали далеко от Берлина с его расово обусловленными пропагандистскими лозунгами, и которые могли иначе эту войну, а с ней и саму Францию, воспринимать.

Начнём с того, что не все солдаты вермахта, воевавшие во Франции, горели к ней лютой ненавистью и были преисполнены осознания своей «расовой» миссии и своего расового же превосходства. Те, кто знали её до войны, говорили по-французски, были знакомы с её культурой, уже в силу всех этих обстоятельств не могли воспринимать её как страну врагов,

костями которых нужно вымостить дорогу от Берлина до Парижа и обратно. Ганс фон Люк вспоминает, как ездил во Францию в межвоенное время: «У моих деда и бабушки была французская гувернантка, а потому дома довольно часто звучала французская речь. В общем, можно сказать, что «parler français» считалось модным. Меня восхищал не только французский язык, но и «savoir-vivre» - стиль жизни по-французски. От шарма французов, и в особенности от обаяния Парижа, города-космополита, у меня, человека молодого, захватывало дыхание. Консьержки, бистро, пекарни, развалы подержанных книг на берегу Сены, художники Монмартра – вот где жизнь была ключом! Сидишь с кем-нибудь за стаканчиком вина, говоришь обо всём в мире, и зло словно бы уходит навечно» [5, С.43].

Конечно, не у всех немцев была такая же возможность узнать Францию до войны, да и само её начало было скорее связано с абстрактным ожиданием чего-то нового, которое «перекрывало» мысли о выступлении против «наследственного врага». В ночь на 10 мая, по словам Вольфганга Фишера, среди солдат царит оживление, стремление «к выступлению, приключению, но также к чему-то неизвестному и пугающему» [13, S.56]. Эрих Куби отмечает в своём дневнике в записи от 9 мая: «Момент не лишён напряжения и возбуждения. Лаконичное и незатейливое начало такого значительного... события - это некий новый опыт» [15, S.34]. Другие немецкие военные относились к происходящему более сдержанно. Фридо фон Зенгер вспоминает: «Мы как-то неопределённо размышляли о перспективах развития событий на Западе, ибо при нашей инстинктивной неприязни к правительству мы в него не верили, а воспоминания о Первой мировой нас тревожили» [4, С.9-10]. Когда он, ветеран Первой мировой, узнаёт о секретном приказе о вторжении в Голландию, на сердце у него тяжело: «В эти последние дремотные часы я испытывал сильную тревогу – нечто похожее на страх или напряжение перед выходом на сцену, или перед трудной скачкой по пересечённой местности, или при столкновении с неизвестностью судьбы. Вероятно, это был просто страх» [4, С.11]. Здесь, однако, стоит сделать оговорку: во-первых, фон Зенгер был уже испытанным солдатом, знавшим, что такое война. А во-вторых, в отличие от того же Куби, он пишет о пережитом спустя годы, так что память вполне могла «скорректировать» его ощущения. Другие же немецкие солдаты в первые часы наступления на Западе были охвачены предвкушением чего-то нового, неизведанного. Фишер спустя годы признаёт, что никто не думал о том, что был нарушен нейтралитет двух государств. «Это было не наше дело [Das war ja nicht unser Bier] – вот и всё» [13, S.56]. Как писал Г. Блюментрит, «прусско-германского солдата на протяжении двухсот лет приучали не интересоваться политикой» [1, С.55]. Историк И. Вендт подчёркивает, что многие немецкие солдаты не рассматривали своё нападение на соседние страны как нарушение права, и не осознавали того ужасного эффекта, который их действия оказывали на мирное население [22, S.109].

Тактика «делать, что велено» и не рассуждать, соответствовала солдатскому образу мыслей. Это было связано с тем, что многие солдаты вермахта, как об этом пишет историк Ф. Рёмер, не имели какой-то идеологической программы, которая бы обосновывала их действия. Их картина мира также не была чёрно-белой, чётко прорисованной. Но они были лояльны государству, а также подвержены национализму – в смысле гордости от того, что они являются немцами – и патриотизму. Они не руководствовались исключительно нацистской идеологией; их действия скорее объяснялись их менталитетом [19, S.74], а также стремлением служить фатерланду, с которым отождествлялась законная власть в лице канцлера и фюрера. Солдаты служили государству, а государством управляла партия, которая и должна была разбираться со всеми «моральными» нюансами.

С развитием военных действий, с постепенным продвижением вперёд немецкие солдаты и офицеры оказываются в своем большинстве вольно или невольно очарованы окружаю-

щим их новым миром, причем не только природой. Франция постепенно завлекает, затягивает своей атмосферой и тех, кто был знаком с французской культурой, и тех, кто попал сюда впервые. Эрих Куби пишет: «Всё выглядит так, как в набросках и на картинах Сезанна, светло и ясно, и на этом солнце всё будто нематериально [entmaterialisiert]» [15, S.41]. Ганс А. в письме другу задаётся вопросом: «Как я должен описать тебе этот пейзаж? Сам Ван Гог остался бы здесь сидеть под любым из деревьев... так много невероятных возможностей для его кисти! Наша Родина имеет свою собственную красоту, но её не видишь так непосредственно, как чужую» [16, S.60]. Фридо фон Зенгер так вспоминает окружавшую его природу: «Сельская местность в стороне от дороги выглядела совсем мирной, словно один большой парк с высокими живыми изгородями вокруг небольших укромных лужаек. Кое-где пейзаж напоминал английские гравюры XVIII века: сияющий под июньским солнцем цветник, на заднем плане – сельский домик под соломенной крышей, из приоткрытой двери конюшни виднеется круп белой лошади» [4, С.20-21]. Даже убеждённый национал-социалист Ганс Циммерман находит слова, чтобы описать красоту местности вокруг городка Ришелье: «Земля простирается небольшими волнами, слегка перемежаясь небольшими группами деревьев и парками. Точно так могло быть где-нибудь в Северной Германии, например, в Мекленбурге» [23, S.36]. Особенно важно это сравнение с родными краями – так война будто уходит на второй план, ибо она происходит там, где пейзаж чем-то напоминает дом.

Конечно, не всё было столь прекрасно и благостно. Никакая война не обходится без того, что одни называют «реквизицией продовольствия», другие же – просто грабежом. Эрих Куби получает приказ добыть пропитания – «оливковое масло, уксус, макароны, кофе, чай, роскошный мармелад в маленьких глиняных горшочках из богатого частного дома». При этом он пытается успокоить себя: «Грабёж по приказу это грабёж? Я признаюсь, что моя совесть меня не беспокоит. Те, кто идут позади нас, в любом случае опустошат этот “пищевой рай”». Его защитная реакция, наверняка, разделялась многими его товарищами: «Мы хотим воспринимать войну как другие неприятности [Unannehmlichkeiten]» [15, S.37].

Отдельную, печальную страницу представляет собой отношение немцев к афроамериканцам, сражавшимся во французской армии. Историк Р. Шек обращает внимание на то, что «корректный» образ кампании 1940-го года не должен вводить в заблуждение. Здесь вступали в свои права и укоренившиеся предубеждения, и не в последнюю очередь национал-социалистическое воспитание. Расистское отношение немецких солдат к африканцам ни в коем случае нельзя упускать из виду, говоря об опыте войны 1940-го года для Германии [20.17]. То, что тезисы о полноценных и неполноценных расах и народах национал-социалистической идеологии проникли в головы немецких солдат, видно не только из пропагандистских сообщений, хотя там это ощущается особенно рельефно. Ганс Циммерман в дневниковой записи пишет о реакции немцев на пленных, среди которых много солдат из колоний: «Мы с ухмылкой наслаждаемся видом обезьяноподобных французов» [23, S.20], а в это время в воздухе завязалась борьба между французскими истребителями и немецким бомбардировщиком (последнему удалось спастись от перспективы неравного боя).

Ганс А. сообщает в письме своему другу: «Ужасно бесчинствуют чёрные. Они висят на деревьях, а также они хорошие стрелки» [16, S.59]. Последнее подтверждает и запись в дневнике Франца Гальдера от 11-го июня: «Условия местности кое-где весьма сложные. В обширных лесах нашим войскам наносят потери снайперы-кукушки (в особенности «цветные»)» [2, С.574]. Вильгельм Прюллер рассказывает следующее: увидев на дороге мёртвого и раненого немецких солдат, и узнав от последнего, что на них напали «поднявшие мятеж пленные негры», он и его товарищи поступают следующим образом: «В качестве возмездия мы отсчитали двадцать негров и расстреляли их на месте» [10, С.59].

Как пишет Р. Шек, немцы установили среди пленных своеобразную «расовую иерархию»: британцы, белые французы, североафриканцы, афроамериканцы [20.14]. И это, безусловно, свидетельство действенности расовой пропаганды нацизма. По его мнению, именно чтобы поднять мотивацию немцев в их борьбе против Франции, Геббельс запустил пропагандистскую машину в следующем направлении: французские колониальные войска обвинялись в том, что они сражаются «как дикари», а французские лидеры якобы совершили военное преступление, вообще их мобилизовав [20.6].

Впрочем, опять-таки не все немецкие солдаты проявляли «расовое презрение» по отношению к афроамериканцам. Так, у Эриха Куби и его товарищей вызывает смех сообщение немецкого радио о том, что солдаты-афроамериканцы разграбили Бельгию, уничтожив внутреннюю обстановку многих домов. Куби даже делает саркастическую ремарку: «Перед такими передачами диктор должен говорить: “Не для солдат на фронте”» [15, S.40].

На фоне проявлений расизма ещё большим парадоксом кажется то, что многие немцы демонстрируют знание и любовь к французской культуре. Эрих Куби читает Монтеня и сборник «Арденны и их воспеватели» (Мишле, Тэн, Верлен, Римбо). Причём он был высокообразованным человеком: разграбленный бар деревни Сэнт Кентин [St. Quentin] для него «выглядит так, как будто бы там прошла постановка Мейерхольда» [15, S.40]. Ганс А., видимо, находит время для посещения библиотеки, где он находит художественную литературу «Бельгии и Франции, Испании и Италии», а также своего любимого Клоделя [16, S.58].

В памяти людей всё же останутся не эти, на первый взгляд, противоречивые примеры, а более показательные для коллективного восприятия свидетельства. Так, американский журналист Уильям Ширер в Лувене наблюдает развалины университетской библиотеки. Когда он узнаёт, что её книги сгорели, он размышляет «над тем, какой удар нанесён образованию и культуре и всему прекрасному, что есть в европейской жизни». Немецкий офицер на это лишь констатирует: «Очень плохо. Жаль. Но, дружище, это же война. Поймите» [11, С.321]. При этом немецкая пропаганда, как и следовало ожидать, винит в произошедшем англичан [11, С.326-327].

Западная кампания мая-июня 1940 года вошла в историю также как относительно лёгкая для армии, её иногда так и называют – «прогулка». Если с военно-технической точки зрения с этим можно поспорить, то повседневная жизнь немецких солдат даёт много поводов с этим согласиться. Историк А. Ясперс подчёркивает, что именно компенсация тягот похода «потреблением, культурными возможностями и жилым комфортом» вместе с фактором выигранной войны создала положительный образ военной кампании на Западе, что отличало её от войны в Польше [14, S.242]. Возможно, также свою роль сыграло и то, что во Франции, как пишет И. Вендт, жизнь казалась более «роскошной» и приятной, чем в Германии, усиленно работавшей на свою военную экономику [22, S.80].

И действительно: кажется, что немцы, продвигаясь вперёд, начинают наслаждаться жизнью во Франции, как до того это делали французские военные. Ганс Боссель пишет о «жизни ландскнехта в Сермезе», ставя при этом два восклицательных знака [12, S.39]. В течение всей кампании он с удовольствием катается на лошади, вопреки всем словам о «моторизованной войне». Рацион питания солдат включает яйца, фрукты, кофе [12, S.36,39]. Эрих Куби уже 24-го мая с удовольствием слушает граммофон, продолжает читать Монтеня, пьёт коньяк 1910 года (тот год, в который он родился). «Так побеждаем мы, немцы!» [15, S.41]. В Лане, городе на севере Франции, он фотографирует кафедральный собор, вопреки протестам троих патрульных, и отмечает, что «цвет фасада [собора] серебристо-серый» [15, S.42]. Позже, 7-го июня, ему даже удалось поиграть там на органе [15, S.43]. Отто В. в письме жене сообщает: «У нас всё есть, мы живём, как князья». Солдаты наслаждаются шоколадом и ко-

фе, вином и ликёром, сигаретами в больших количествах. Каждый день есть возможность надеть свежую рубашку. «Иными словами, у нас всё блестяще... Мы очень избалованы и привередливы» [16, S.74]. Ганс фон Люк после взятия порта Фекан отправляется в местный бенедиктинский монастырь, где как бы между прочим спрашивает о бенедиктинском ликёре. Аббат, благодарный за то, что немцы пощадили монастырь, дарит всем его подчинённым – всего 1100 человек – по бутылке [5, С.83]. Заканчивает же войну фон Люк в курортном городке Аркашон, где он и его солдаты «в течение нескольких дней наслаждались купанием в море, поедали свежих устриц и пили превосходное сухое белое вино. О таком великолепном завершении Французской кампании можно было только мечтать» [5, С.93]. Для Фридо фон Зенгера война во Франции порой принимала идиллический характер и во время её активной фазы: «К пяти вечера заканчивался наступательный порыв и боевой пыл охлаждался. Тогда мы выбирали какой-нибудь симпатичный тихий сад, и нам подавали чай. Если никаких приказов не поступало, все продолжали бездельничать и вели себя как счастливые туристы, совершающие романтическое путешествие на авто» [4, С.21]. Эрих фон Манштейн, как и положено при его звании, наслаждается 18-го июня ночлегом в средневековом замке Боннетабль: «С его рвом и подъёмным мостом, четырьмя башнями на фронтальной стене толщиной почти 3 метра и роскошными садами, позади которых высились ещё две башни, он был, не считая замков на Луаре, грандиознейшим сооружением подобного рода, которые мне довелось видеть во Франции» [7, С.137-138]. На следующий день он останавливается в замке Серран под Шалоном, где ему предоставили комнату «с королевским ложем под восьмиметровым балдахином. С ней соединялась не менее великолепная гардеробная с чудесным кессонным потолком в виде цилиндрического свода» [7, С.140].

Подобное великолепие, безусловно, укрепляло моральный дух солдат, что давало им важное преимущество перед французами. Казалось, что немцам подвластно даже небо, которое всё это время оставалось безоблачным. «Хитлерветтер» («гитлеровская погода») – пишет Ганс Боссель в своём дневнике 18-го мая [12, S.38].

Хорошая погода, прекрасное вино, комфортные условия жизни – всё это настраивало немцев на позитивный лад, который, в свою очередь, повлиял на их отношение к французам. По свидетельству Вольфганга Фишера, немцы не испытывали по отношению к французам ни ненависти, ни дружеских чувств. Свою роль сыграло, не в последнюю очередь, то, что французский солдат, в противоположность, например, польскому славянину, не рассматривался как находящийся в самом низу расовой пирамиды и тем более как недочеловек. К тому же, немцы знали: «Мы не объявляли французам войны, наоборот, они объявили её нам под давлением англичан. Таким образом, всё было ясно. Более детальное рассмотрение вопроса было явно ни к чему» [13, S.57]. Он также упоминает о заботе немецких врачей о беженцах [13, S.63-64]. Эрих Куби раздаёт пленным французам яблоки и минеральную воду (до того французы, которых никто особо не охранял, прошагали тридцать километров; немцы, по словам Куби, совершают и более длинные марши, но «шагать победителем или пленным – это разные вещи») [15, S.38]. И. Вендт приходит к выводу, что в большинстве своём немцы сочувствовали французам, когда наблюдали, в какую беду те попали [22, S.109].

Уже вскоре после окончания войны никто бы не сказал, что она когда-то была совсем рядом, тут, за углом. Лето в самом разгаре, одержана блестящая победа – пора наслаждаться жизнью, упиваться её дарами. Ирен Немировски, французская писательница российского происхождения, в своём романе «Французская сюита», написанном в начале 1940-х гг., удивительно передаёт это блаженное счастье, вдруг охватившее немцев после победы, описывая их появление в небольшой деревне. «В каждом доме, в каждом магазине, в каждом кафе были немцы. Они звонко топали сапогами по красным кирпичным полам кухонь, просили по-

есть и попить. Сажали на колени детей. Пели, размахивали руками, шутили, улыбались женщинам. Они были счастливы, блаженно опьянели от своей победы, хотя ещё не верили до конца, что поход благополучно завершился. Их безумное лихорадочное веселье обладало такой убедительностью, таким напором, что побеждённые на мгновение позабыли про горе и гнев. Они смотрели на победителей в полном недоумении. <...> Они [немцы – М.М.] молоды, они выжили, перехитрили смерть, они победили! И теперь брали полными пригоршнями все земные дары, упивались, наслаждались ими». Герой книги, Юбер Перикан, наблюдая это, думает: «Точно выиграли матч в регби» [9, С.112-113]. 20-го июня, когда война уже де-факто окончена, Эрих Куби покупает себе одежду – «шёлковые рубашки, пуловер, спортивные брюки», а также три вида духов для своей супруги – три, потому что сам он не может выбрать, какой подойдёт лучше всего. В это время он, как и его товарищи, уже не может представить, что «здесь находится вражеская земля» [15, S.48]. В Париже это уже давно перестало быть заметным – там скорее наблюдается что-то вроде повального наплыва туристов в военной форме. Как пишет И. Вендт, ««туристическое бюро вермахт» показывало своим солдатам Европу» [22, S.80]. Уильям Ширер 18-го июня пишет в дневнике: «Заметил сегодня что-то вроде открытого братания между немецкими солдатами и местными жителями. Большинство солдат, кажется, австрийцы, они хорошо воспитаны и немного говорят по-французски. Большинство немецких военных ведут себя как наивные туристы, и это приятный сюрприз для парижан. Это покажется смешным, но у каждого немецкого солдата в руках фотоаппарат. Я их тысячами видел сегодня, фотографирующих Нотр-Дам, Триумфальную арку, Дом инвалидов. Тысячи немецких солдат толпятся у могилы Неизвестного солдата, где под аркой до сих пор горит огонь. Они обнажают свои блондинистые головы и стоят там, созерцая» [11, С.375]. Эрих Куби также отмечает этот «туристический» оттенок своего пребывания во Франции: «Вечер. Кажется, война принимает во внимание, что сегодня воскресенье. Мы как в поездке KDF [«Сила через радость» - организация, созданная в Третьем рейхе, которая, среди прочего, организовывала туристические поездки – М.М.] по лазурной Франции. Победоносная и спокойно [glatt] завершённая война – я сказал бы так, даже если бы война закончилась только через год» [15, S.46-47]. Возможно, основание для последнего вывода ему дало его же прежнее заключение: «Если война пойдёт так и дальше, это будет означать, что я был свидетелем «салонной войны». Там и сям попадать в опасность – это не неприятно. Неприятно – это лежать в мокрой одежде в мокром окопе, без возможности помыться; неприятны 30-40-километровые марши» [15, S.45-46]. Эта кампания стала для немцев разительным контрастом по сравнению с тем, что они или их отцы пережили в 1914-1918 гг. Отсюда их приподнятое настроение, желание насладиться французской природой, культурой, кухней как долгожданным и заслуженным отдыхом. Эрих фон Манштейн так подытоживает впечатления немцев от пребывания во Франции: «По-моему, все мы были очарованы этой благословенной страной с её прекрасными пейзажами и богатством памятников древней культуры – не говоря уж о шедеврах её знаменитой кухни!» [7, С.144]. В этой связи справедливыми представляются слова И. Вендт о том, что для солдат вермахта оккупация западных стран скорее представлялась как «туристическое приключение и новые ощущения» [22, S.79].

Проблема, однако же, заключалась в том, что подобные «пасторальные» картины были обманчивы. Солдат во время войны в чужой стране – это прежде всего именно солдат, а не турист. Как бы он лично ни относился к местному населению, для подавляющего его большинства он останется чем-то чужеродным и враждебным. Немцы для французов стали тем, кем стали – оккупантами, вражескими солдатами, а вовсе не ценителями их культуры. Отсюда в период оккупации возник некий диссонанс, ибо немцы чувствовали себя во Франции

достаточно привольно, что оставило в их памяти положительные воспоминания об этих годах (чего нельзя сказать о большинстве французов) [22, S.111]. Как считает А. Ясперс, ожидание немецкими солдатами тяжёлых боёв (по опыту Первой мировой войны) вкупе с «быстрой и лёгкой победой над Францией» привело их к некоторому замешательству [14, S.241-242], которое потом вылилось в облегчение. И. Вендт указывает, что некоторые немецкие солдаты впоследствии покидали Францию с сожалением [22, S.78].

Таким образом, можно сделать вывод, что такое тяжёлое, полное трагических событий явление, как война во Франции в 1940-м году, неоднозначно воспринималось его немецкими участниками. При всём том, что твердила им пропаганда о Франции, они, оказавшись в самой стране, не руководствовались в своём восприятии одними лишь клише. Отсюда возникла та двойственность: с одной стороны, они способны демонстрировать «расовую ненависть» по отношению к афроамериканцам, а с другой стороны, могут сочувствовать или оказывать помощь представителям проигравшей стороны. Всё зависело как от самого человека, так и от конкретной ситуации, в которую он попадал. Выбор модели поведения мог диктоваться порой случайным стечением обстоятельств (встреча с французскими пленными вызывала желание им помочь – некий «позитивный» аспект – а необходимость устроиться где-либо на ночлег приводила к занятию покинутого хозяевами дома – уже проявление «негативного» опыта). Всё это свидетельствует о том, что национал-социализм, постоянно всеми средствами стремившийся проникнуть в души и сердца людей, не всегда добивался этой цели. На примере солдат вермахта, воевавших порой в совершенно разных странах, это особенно хорошо видно. Конкретные обстоятельства могли заставлять их действовать и воспринимать окружающее совсем не так, как того хотела бы пропаганда. Это свидетельствует о том, что историкам в будущем предстоит открывать всё новые, порой неожиданные аспекты истории Германии периода национал-социализма.

Библиографический список:

1. Блюментрит Г. Фельдмаршал фон Рундштедт: Войсковые операции групп армий «Юг» и «Запад», 1939-1945. М., 2005.
2. Гальдер Ф. Военный дневник, 1940-1941. М., 2003.
3. Гудериан Г. Воспоминания немецкого генерала. Танковые войска Германии во Второй мировой войне. 1939-1945. М., 2012.
4. Зенгер Ф. фон. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала. 1940-1945. М., 2003.
5. Люк Г. фон. На острие танкового клина: воспоминания офицера Вермахта, 1939-1945гг. М., 2005.
6. Майер К. Откровения танкового генерала СС: чёрная гвардия Гитлера. М., 2010.
7. Манштейн Э. фон. Проигранные победы: личные записки генерала вермахта. М., 2008.
8. Меллентин Ф. В. фон. Бронированный кулак вермахта. М., 2012.
9. Немировски И. Французская сюита. М., 2006.
10. Прюллер В. Солдат на войне: фронтовые хроники обер-лейтенанта вермахта: 1939-1945. М., 2016.
11. Ширер Б. Берлинский дневник: Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента. М., 2012.
12. Bossel H. Der Forstmeister, der Leutnant und der Krieg. Tagebücher 1931 bis 1947. Norderstedt, 2006.
13. Fischer W. Ohne die Gnade der späten Geburt. Antwort an meinen Sohn. München, 1990.
14. Jaspers A. Zweierlei Weltkriege? Kriegserfahrungen deutscher Soldaten in Ost und West 1939-1945. Paderborn, 2011
15. Kuby E. Mein Krieg. Aufzeichnungen aus 2129 Tagen. Berlin, 1999.
16. Moutier M. (Verfasser). “Liebste Schwester, wir müssen hier sterben oder siegen”. Briefe deutscher Wehrmachtssoldaten 1939-45. München, 2015.
17. Neitzel S., Welzer H. Soldaten. Protokolle vom Kämpfen, Töten und Sterben. Frankfurt am Main, 2011.
18. Piekalkiewicz J. Der Zweite Weltkrieg. Düsseldorf, 1985.

19. *Römer F.* Kameraden. Die Wehrmacht von innen. München, 2012
20. *Scheck R.* La Victoire allemande de 1940 comme justification de l'idéologie raciale nazie // La guerre de 1940 : Se battre, subir, se souvenir - <http://books.openedition.org/septentrion/7360> (дата обращения: 30.03.2018)
21. *Wegner B.* Pourquoi une guerre à l'Ouest en 1940 ? Quelques remarques sur la grande stratégie d'Hitler // Ibid. - <http://books.openedition.org/septentrion/7337> (дата обращения: 30.03.2018)
22. *Wendt I.* Im Osten Krieg - im Westen "Badebetrieb und Winterschlaf"? Der Zweite Weltkrieg an der Ost- und der Westfront aus Sicht ehemaliger Wehrmachtsangehöriger. Band 1. Norderstedt, 2016.
23. *Zimmermann G.* Briefe und Aufzeichnungen vom 9. Mai bis zum 30. September 1940 Eifel – Belgien – Frankreich // Scherer W. (Hrsg). Enthüllung. Aufzeichnungen und Fotos des Nachrichtensoldaten Georg Zimmermann aus dem Kriege gegen Frankreich 1940 und die Sowjetunion 1941/45. Aachen, 2012. S. 17-46.

Сведения об авторе:

Медведева Мария, аспирант 1 года обучения исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова
Medvedevamasha4@yandex.ru

УДК: 930:94(430)

О.Э. Терехов

«КОНСЕРВАТИВНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» И НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: В статье рассматривается одна из актуальных проблем в изучении феномена немецкой «консервативной революции» — проблема ее взаимоотношений с национал-социализмом в отечественной историографии. Показаны становление, этапы и современное состояние исследований данной проблематики в отечественной историографии.

Ключевые слова: историография, «консервативная революция», национал-социализм.

Terekhov O. E. «Conservative revolution» and national socialism in Russian historiography

Abstract: The article deals with one of the actual problems in studying the phenomenon of German «conservative revolution» — the problem of its relationship with national socialism in Russian historiography. The formation, stages and current state of research on this problem in domestic historiography are shown.

Key words: historiography, «conservative revolution», national socialism.

Проблема взаимоотношения «консервативной революции» и национал-социализма является одной из ключевых для понимания истории радикального германского консерватизма первой половины XX столетия. Возникшие на пике первой «немецкой катастрофы» 1918 года, оба течения германского радикального консерватизма в мировоззренческом, идеологическом и политическом отношении представляли собой причудливую и одновременно гремучую смесь из национальных мифов, острой критики буржуазно-либерального общества и, конкретно Веймарской республики, витализма, иррационализма и политического романтизма. В то же время оба течения обладали ясным пониманием современной им общественно-политической ситуации, в которой консервативная политика традиционного типа оказалась малоэффективной. Оба декларировали приверженность идее «национальной революции», выступали за создание «народного сообщества» в форме «национального социализма» и считали, что для национального возрождения Германии необходимо создать сильное государство фюрерского типа.

И «консервативная революция», и национал-социализм стали логическим результатом эволюции идеологии и политической практики немецкого консерватизма от его традиционалистских, монархических и охранительных форм к радикально-экстремистскому состоянию. Но, обладая рядом общих черт, и «консервативная революция», и национал-социализм были автономными друг от друга идеологическими и политическими феноменами, которые не следует полностью отождествлять. Элитарность большинства идеологов «консервативной революции», их большая склонность к авторитарным формам правления, чем к тоталитарной организации государства и общества, другое понимание расового и национального аспектов, скептическое отношение к «массовости» нацистской партии и прямолинейной демагогии нацистских вождей — все это обусловило в конечном итоге определенные идейно-политические разногласия между «революционными консерваторами» и национал-социалистами, которые время от времени перерастали в открытую конфронтацию. Конечно, эти разногласия не снимают с «консервативных революционеров» ответственность в идейной подготовке нацистского «Machtergreifung» и установления в Германии тоталитарного нацистского режима. Ожесточенная критика принципов веймарской демократии, не знающее границ восхваление национального духа, апелляция к идее «особого пути» развития Германии сыграли не последнюю роль в консервативном повороте общественного сознания в Веймарской республике.

Проблема вины младоконсерваторов за идейную подготовку Третьего рейха стала основополагающей в оценке их взаимоотношений с национал-социализмом в послевоенной историографии «консервативной революции». Подходы к трактовке этой проблемы зачастую были краеугольным камнем оценки идейно-теоретического наследия «консервативной революции» в целом как явления германского радикального консерватизма и служили водоразделом в ее анализе различными направлениями гуманитарной мысли: либеральным, социал-реформистским, консервативным и марксистским. По словам Франка-Лотаря Кроля, трактовки проблемы взаимоотношения «консервативной революции» и национал-социализма в западногерманской историографии стала едва ли ни самой взрывной проблематикой в поле научно-гуманитарного и политического дискурса ФРГ после 1945 года [25. S. 103 – 104], подобная ситуация наблюдалась и в других национальных историографиях.

Автор уже обращался к освещению проблемы взаимоотношений «консервативной революции» и национал-социализма в германской и западной историографии [21, 22]. В этой статье речь пойдет о том, как в исторической и историографической ретроспективе рассматривали данную проблему отечественные гуманитарии: историки, философы, политологи. Отечественная историография как «консервативной революции», так и национал-социализма, а эти два явления новейшей германской истории хронологически и частично идейно связаны друг с другом, прошла длительную эволюцию от советской, марксистской до современной плюралистической, пытающейся рассмотреть эти исторические феномены с различных сторон и точек зрения.

В отличие от западной гуманитарной традиции отечественные гуманитарии сравнительно поздно обратились к изучению «консервативной революции». Только на рубеже 1960-1970-х гг. появились первые работы, в которых затрагивалась эта тематика. В силу объективных и субъективных обстоятельств, советская гуманитарная мысль не признавала того факта, что немецкий консерватизм в первой половине XX века был не просто продуктом разложения буржуазной идеологии в эпоху империализма, а являлся важной частью политической культуры Германии. Но существование исторического феномена под названием «консервативная революция» требовало от советских гуманитариев дать ему соответствующую оценку, которая, в итоге, нашла свое отражение в работах А.А. Галкина, П.Ю. Рахшмира, С.Ф. Одуева, А.С. Бланка [5, 6, 14, 15].

Прежде всего, советские авторы подвергли критике сам термин «консервативная революция» как логически и содержательно бессмысленный. В советской литературе утвердилась точка зрения о том, что авторы термина намеренно использовали слово революция для того, чтобы исказить его подлинное значение. Тем не менее, несмотря на критику термина «консервативная революция», он вошел в научный лексикон советской гуманитарной мысли. Это объясняется, на наш взгляд, его употреблением в западной гуманитаристике, с которой, как известно, советская наука вела постоянную идейную и научную полемику.

Истоки «консервативной революции» советские исследователи усматривали в реакционных и националистических традициях немецкого консерватизма кайзеровской империи. Но они, тем не менее, отмечали ее отличия от довоенного консерватизма. В числе основных черт «консервативной революции» советские авторы выделяли следующие: 1) политическую реакционность; 2) антидемократическую направленность; 3) национализм; 4) антикоммунизм и псевдосоциалистическую фразеологию; 5) политический экстремизм. В советской научной литературе однозначно было принято причислять «консервативную революцию» к идеологическим предтечам национал-социализма. Раскрывая феномен «революционного консерватизма», советские исследователи всегда делали акцент на его протофашистской составляющей.

Наиболее репрезентативное (насколько это было возможно в условиях советского марксизма) и критическое освящение в советской гуманитарной мысли идеология «консервативной революции» получила в трудах А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира, особенно в аспекте проблемы ее отношения к национал-социализму. А. А. Галкин, отмечая влияние Ницше на идеологию национал-социализма, полагал, что учение Ницше было усвоено нацистами опосредованно через его интерпретаторов и толкователей, из которых к числу основных он относит одно из ведущих идеологов «консервативной революции» О. Шпенглера. А. А. Галкин писал: «Разумеется, как оригинальный мыслитель Шпенглер не годился и в подметки своему мэтру. Однако в роли компилятора и популяризатора он добился больших успехов» [6. С. 377]. А. А. Галкин также дает характеристику другим видным представителям «консервативной революции» А. Мёллеру ванн ден Бруку, Э. Юнгеру, Э. Ю. Юнгу, характеризуя их как энергичных, крайне правых и националистически настроенных публицистов, подготовивших идейную почву для национал-социалистов [6. С. 382].

В отечественной гуманитарной мысли (в данном случае необходимо говорить как о ее советском, так и современном периодах) основоположником историографической традиции изучения «консервативной революции» является доктор исторических наук, профессор П. Ю. Рахшмир. В статье 1972 года, написанной им в русле темы его будущей докторской диссертации о буржуазной историографии фашизма, он рассмотрел трактовку в западной историографии проблему взаимоотношения «консервативной революции» и национал-социализма [17]. П. Ю. Рахшмир отмечает, что различные интерпретации вопроса о роли «революционных консерваторов» в генезисе нацизма стали элементом идейно-политической борьбы в современной ФРГ» [17. С. 409]. П. Ю. Рахшмир выделяет в западной историографии проблемы два направления: консервативное и буржуазно-либеральное. Если для первого характерно «отрицание близости между нацизмом и «революционным консерватизмом» [17. С. 420], то второе не так прямолинейно отрицает эту связь, но в тоже время пытается ограничить ее в основном сферой идеологии, замалчивая социально-политические и экономические аспекты [17. С. 431]. П. Ю. Рахшмир также отмечал необходимость более детального марксистского анализа «консервативной революции», что, несколько позднее, сделал историк из ГДР Й. Петцольд [26]. Статья П. Ю. Рахшмира фактически стала на долгие годы единственным проявлением историографического интереса в советской гуманитарной мысли к идеям «консервативной революции». Позднее автор лишь частично возвращался к этой проблематике в обобщающих историографических обзорах по западному консерватизму [18].

Несомненным достижением советской гуманитарной мысли, уже на излете советской эпохи, стала монография А. А. Галкина и П. Ю. Рахшмира «Консерватизм в прошлом и настоящем» [7.]. Несмотря на то, что авторы продолжают придерживаться точки зрения о прямой взаимосвязи консерватизма и национал-социализма, полагая, что консерватизм был идейным и политическим оружием, которым воспользовались нацисты, они впервые в отечественной историографии выделяют в немецком консерватизме в Веймарской республике несколько течений. Представителей «консервативной революции» авторы условно называют «обновители», понимая под этим термином попытку «консервативных революционеров» выйти за идейные и политические рамки немецкого консерватизма кайзеровской эпохи. А. А. Галкин и П. Ю. Рахшмир дают характеристику течениям и отдельным персоналиям «обновителей», признают некоторые идейные и политические различия между ними и более упрощенной идеологией нацизма, но не снимают с них ответственности за установление нацистской диктатуры. «Поддержка консерваторов как традиционного, так и «обновленческого» толка имела большое значение для стабилизации гитлеровской власти в первые годы пребывания фашистов у власти» [7. С. 92].

Определенные содержательные изменения в изучении проблематики «консервативной революции» в советской гуманитарной мысли начались во второй половине 1980-х годов [20, 23]. Они были вызваны, на наш взгляд, не столько ослаблением идеологического диктата, а сколько осознанием советскими исследователями важности изучения феномена «консервативной революции» для более глубокого понимания духовной и политической истории XX столетия не только Германии, но и Европы в целом.

Со второй половины 1990-х годов поток современной отечественной литературы о «консервативной революции» постепенно нарастает. Начинают выходить отдельные исследования, в частности в 1997 году вышла не бесспорная, но, тем не менее, важная книга О.Ю. Пленкова, в которой «консервативной революции» уделено большое внимание [16]. Характерной чертой работ о «консервативной революции» современных отечественных авторов стало стремление непредвзято показать сложность и неоднозначность идейного наследия «консервативных революционеров» и выявить многогранность их связей с той исторической, интеллектуальной, социальной средой своей эпохи. Постсоветская гуманитарная мысль отказалась от идеи рассматривать ведущих представителей «революционного консерватизма» исключительно только как духовных предтеч национал-социализма.

В несколько иной исследовательской перспективе, чем это было в советской историографии, трактуется в отечественных работах последних лет проблема взаимоотношения «революционного консерватизма» и национал-социализма. Общим местом стало утверждение об определенных идеологических различиях между ними. Однако относительно степени этих различий существует разброс мнений. А. В. Михайловский выделяет два подхода в современной отечественной историографии в том числе и по проблеме «консервативная революция» и национал-социализм»: исторический и социологический [12].

По мнению О.Ю. Пленкова, отождествлять нацизм с «консервативной революцией» или рассматривать его логическим ее продолжением «значит оставлять массу вопросов открытыми» [16. С. 465]. Он также полагает, что «консервативную революцию», за некоторым исключением, нельзя считать частью национал-социализма. А.М. Руткевич занимает «срединную позицию» в оценке взаимоотношений «консервативной революции» и нацизма. С его точки зрения, несмотря на определенное сходство, они представляли самостоятельные направления в германском правом национализме [19. С. 225–228]. Ряд исследователей рассматривают «консервативную революцию» и национал-социализм в русле концепции тоталитаризма, становление которого было обусловлено кризисом модерна [10].

Интересные наблюдения в этой связи делает А. В. Михайловский. Рассматривая сущностную идейную основу «консервативной революции», он делает вывод о том, что «в радикальном национализме после 1918 года была предпринята попытка преодолеть неустранимую диспропорцию между узколобым германским национализмом XIX столетия и начинающейся глобальной борьбой за власть. Надежда на освобождение связывалась с идеей «рейха» (*Reich*, у большинства авторов синоним слова «империя») всех немцев, у которой уже не было ничего общего с германским национальным государством. По сравнению с этими планами национал-социализм выглядел, конечно же, банальной реакцией» [11. С. 144].

Наиболее подробный анализ проблемы взаимоотношений «консервативной революции» и национал-социализма в современной отечественной гуманитарной мысли нашел свое отражение в трудах С.В. Артамошина [1, 2, 3]. В своих ранних работах С.В. Артамошин пишет о существенном влиянии идей «революционного консерватизма» на идеологию национал-социализма. Но в тоже время он отмечает различия между ними [1. С. 94–96]. Дальнейшее исследование этой проблематики автором было продолжено в докторской диссертации автора и монографии 2018 года [2, 3].

С. В. Артамошин проанализировал как в целом, так и на персональном уровне отношения «консервативных революционеров» к национал-социализму. Он отмечает, что эти взаимоотношения нельзя однозначно характеризовать в положительном или отрицательном ключе. Также, по мнению автора, необходимо выделять два периода в процессе взаимодействия «консервативной революции» и национал-социализма, которые принципиально отличаются друг от друга, период Веймарской республики и период непосредственно Третьего рейха. Относительно периода Веймарской республики С. В. Артамошин дает следующую характеристику этим взаимоотношениям: «История взаимоотношений консервативной революции и национал-социализма в годы Веймарской республики не характеризуется однородностью. На разных этапах эти отношения определялись либо стремлением нацистов сблизиться с консервативной революцией, либо призывами последней к нацизму о необходимости совместных действий [3. С. 384]. Однако говорить об их полной идейно-политической общности, по мнению автора, нельзя. Несмотря на то, что и первые, и вторые главным объектом своей борьбы сделали политическую систему Веймарской республики «нацизм и консервативная революция шли одним курсом против Веймарской системы, но каждый на своем собственном корабле» [3. С. 391]. Этот факт обусловил положение «консервативной революции» в годы Третьего рейха, что свидетельствует о том, что «превращать её в сообщника нацизма совершенно не допустимо» делает вывод С. В. Артамошин [3. С. 406].

Что касается оценки в современной отечественной историографии взаимоотношений «консервативной революции» и национал-социализма на персональном уровне, то помимо вышеуказанных трудов С. В. Артамошина на данный момент существует ряд исследований, в которых затрагивается эта проблема [4, 8, 9, 13, 24]. Авторы данных исследований отмечают, что, несмотря на невозможность полного отождествления «консервативной революции» и национал-социализма в целом, на индивидуальном уровне существовали некоторые нюансы отношения лидеров «консервативной революции» к идеологии нацизма, деятельности НДАСП, личности Гитлера, Третьему рейху, которые зависели прежде всего от психологического склада их личности, мировоззрения, политических взглядов, что не могло не отразиться на персональной судьбе представителей «консервативной революции» в годы нацистского режима в Германии.

Отечественная историография «консервативной революции» прошла сложную эволюцию, которая прямым образом связана с общим состоянием гуманитарной мысли в стране. Ее первый этап охватывает конец 1960-х – рубеж 1980 – 1990-х гг. и может быть охарактеризован как этап приближения к теме. На его развитие серьезный отпечаток наложила советская гуманитарная традиция с ее историческим материализмом и классовым подходом, что ограничивало исследовательскую перспективу ученых-гуманитариев. Второй этап обозначился с начала 1990-х гг. и продолжается по сегодняшний день. Он характеризуется неуклонным расширением интереса к данной тематике и стремлению к ее более объективному освещению. Трактовка проблемы взаимоотношения «консервативной революции» и национал-социализма развивалась в русле этих этапов и ее дискурсивный ракурс полностью следовал логики теоретико-методологических задач, которые стояли перед исследователями.

Библиографический список

1. Артамошин С.В. Идейные истоки национал-социализма. – Брянск, 2002.
2. Артамошин С.В. Понятия и позиции консервативной революции: интеллектуальное течение «консервативной революции» в политической жизни Веймарской республики. – Брянск, 2011.
3. Артамошин, С.В. Консервативная революция в интеллектуальном пространстве Веймарской республики. СПб, 2018.

4. Афанасьев, В. В. Либеральное и консервативное // О. Шпенглер. Политические произведения / Пер. с нем. М., 2009. – С. 223 – 526.
5. Бланк А. С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., 1978.
6. Галкин А. А. Германский фашизм. 2. Изд. М., 1989.
7. Галкин А. А., Рахшмир П. Ю. Консерватизм в прошлом и настоящем. – М., 1987.
8. Гергилов Р. Е. О. Шпенглер и Третий рейх // Клио. – 2007. – №2. – С. 33 – 40.
9. Гузикова, М. О. Модерн и проблема «протофашизма» в творчестве Эрнста Юнгера 1920 – 1930-х гг. // Сто лет европейской истории. – Екатеринбург, 2000. – С. 3 – 13.
10. Михайленко В. И., Нестерова Т. П. Тоталитаризм в XX веке. Теоретический дискурс. Екатеринбург, 2000.
11. Михайловский, А. В. К политической философии консервативной революции / А. В. Михайловский // Теоретический альманах Res cogitans. – М., 2007. – С. 125 – 149.
12. Михайловский, А. В. Консервативная революция: апология господства // Концепт «Революция» в современном политическом дискурсе / под ред. Л. Е. Бляхера, Б. В. Межуева, А. В. Павлова. – СПб., 2008. – С. 264 – 283.
13. Михайловский, А. В. Политическая публицистика Эрнста Юнгера в интеллектуальной истории Веймарской Германии // Юнгер Э. Националистическая революция. Политические статьи 1923 – 1933. / Пер. с нем.– М., 2008. – С. 317 – 362.
14. Одуев, С. Ф. Тропами Заратустры. – М., 1971.
15. Одуев, С. Ф. Философия «тотальной мобилизации» / С. Ф. Одуев // Вопросы философии. – 1971. – №3. – С. 136 – 148.
16. Пленков О.Ю. Мифы нации против мифов демократии: немецкая политическая традиция и нацизм. – СПб., 1997.
17. Рахшмир, П. Ю. Проблема взаимосвязи нацизма и «революционного консерватизма» в буржуазной историографии // Ежегодник германской истории. – 1972. – М., 1975. – С. 409 – 431.
18. Рахшмир П. Ю. Проблемы западноевропейского консерватизма в современной буржуазной историографии // П. Ю. Рахшмир. Вариации на тему консерватизма. Пермь, 2004. С. 7 – 46.
19. Руткевич А.М. Прусский социализм и консервативная революция // Шпенглер О. Пруссачество и социализм. Пер. с нем.– М., 2002. С. 225 – 226.
20. Свасьян К.А. Социально-философская и политическая доктрина О.Шпенглера // Социологические исследования. – 1987. – N11. – С. 125 – 133;
21. Терехов О. Э. Феномен «консервативной революции» в Веймарской республике в историографии ФРГ: основные концепции и проблемы интерпретации. – Кемерово, 2011.
22. Терехов О. Э. Идеология «консервативной революции» и национал-социализм: проблема «преодоления прошлого» в германской историографии // Преодоление прошлого в Германии и России: опыт и уроки на будущее (памяти профессора А.И. Борозняка): материалы Международной научной конференции (16-17 февраля 2017 г. Липецк). – Липецк, 2017. – С. 79 – 91.
23. Филиппов А.Ф. Политические взгляды Карла Шмитта и их влияние на современную западную политическую науку // Философские основания теории международных отношений: Вып. 1. – М., 1987. – С. 59 – 94.
24. Филиппов, А. Ф. Карл Шмитт. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология. Сборник / Пер. с нем. – М., 2000. –С. 259 – 314.
25. Kroll F.-L. Konservative Revolution und Nationalsozialismus: Aspekte und Perspektiven ihrer Erforschung // Stand und Probleme der Erforschung des Konservativismus. Berlin, 2000. S. 103 – 118 (в статье 103 – 104)
26. Petzold J. Konservative Theoretiker des deutschen Faschismus. Jungkonservative Ideologen in der Weimarer Republik als geistige Wegbereiter der faschistischen Diktatur. – Berlin, 1978.

Сведения об авторе:

Терехов Олег Эдуардович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и социально-политических наук Кемеровского государственного университета, terehov1968@mail.ru

ОЦЕНКА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ МАРТИНА ХАЙДЕГГЕРА И ХАННЫ АРЕНДТ

Аннотация. В статье дается сравнительный аспект взглядов на национал-социализм в Германии, расовую политику и антисемитизм Мартина Хайдеггера и Ханны Арендт. Изучается восприятие практики нацистского государства в восприятии немецких интеллектуалов.

Ключевые слова. Антисемитизм, национал-социализм, расовая политика, концентрационные лагеря, Мартин Хайдеггер, Ханна Арендт, Адольф Гитлер.

L.V. Tokareva. Assessment of National Socialism in the works of Martin Heidegger and Hannah Arendt. Abstract. The article presents a comparative aspect of views on national socialism in Germany, the racial policies and anti-Semitism of Martin Heidegger and Hannah Arendt. The perception of the practice of the Nazi state in the perception of German intellectuals is being studied.

Keywords. Anti-Semitism, National Socialism, racial policy, concentration camps, Martin Heidegger, Hannah Arendt, Adolf Hitler.

Тема расовой политики и антисемитизма будет оставаться актуальной и в XXI веке в силу того, что произошедшие события прошлого столетия привели к мировым потрясениям, натолкнувшие свидетелей на размышления по поводу этих явлений, из которых потомки должны сделать выводы, чтоб не повторить страшных ошибок прошлого.

Мартин Хайдеггер – немецкий философ XX века, крупный учёный, преподававший, а потом после прихода к власти НСДАП в Германии, ставший ректором Фрайбургского университета размышлял в своих знаменитых записях в «Чёрных тетрадах» о расовой политике нацистов и еврейском вопросе.

Ханна Арендт – ученица Мартина Хайдеггера, а в дальнейшем и его возлюбленная. А также в последующем знаменитый философ-женщина XX века, которая впервые выдвинула концепцию тоталитарного государства, а также рассматривающая вопрос о расовой политике и антисемитизме нацистов.

Ведутся споры по поводу того, поддерживал ли Хайдеггер национал-социалистическую партию, так как Ханна Арендт говорила о том, что Хайдеггер не был нацистом. Хотя Х. Арендт была еврейского происхождения. Ей пришлось эмигрировать из Германии в США, всё равно до конца жизни она поддерживала своего учителя.

«Большая вера шествует по молодой стране» - так пишет Мартин Хайдеггер в своих размышлениях «Чёрные тетради», имея ввиду приход Адольфа Гитлера к власти 30 января 1933 года [4, с. 35]. 22 апреля 1933 года М. Хайдеггер становится ректором Фрайбургского университета, а 1 мая в «День национального труда» вступает в НСДАП, что было выгодно для партии, так как она заручилась поддержкой тогда уже знаменитого философа [3, с.205].

В «Черных тетрадах» Хайдеггер в период своего ректорства пишет о том, что фюрер подтолкнул немцев к «новой действительности, придавая мышлению правильное направление и ударную мощь» [4, с. 125]. К тому же Гитлер поддержал немецкое философское общество [4, с. 118]. По крайней мере, в самом начале прихода НСДАП к власти Хайдеггер говорил так, но позже он и осуждал гитлеровский режим, обвиняя его в массовости, своего рода он размышлял об особом духовном национал-социализме. Его национал-социализм сложнее, чем партийный и не годился для пропаганды. После того, как Хайдеггер в феврале 1934 года подал в отставку из-за того, что партия стала насаждать своих деканов и проводить

«гляйхшальтунг» в университетах и школах, то есть контролировать и проводить свою политику [4, с. 148], к нему стали относиться с осторожностью [3, с.209]. На самом деле он понимал, что он пешка в этой системе, то есть пропаганде нацистов [3, с. 221]. Но хотя и ведутся споры по поводу того, что Хайдеггер ушёл от национал-социализма, то «Чёрные тетради» свидетельствуют об обратном.

Хайдеггер утверждает, что НСДАП без программы и теории: «Никаких программ, никаких систем и никакой теории, и уж подавно никакого пустого «организирования» [4, с. 126]. Также считает и Ханна Арендт, которая пишет в «Истоках тоталитаризма» о том, что Гитлер избавился от партийной программы, путём отказа говорить и обсуждать её положения, при этом официально не изменяя её. Но существовала организация, которую она называет тоталитарным движением и даёт термин: «Тотальные движения – это массовые организации атомизированных, изолированных индивидов» [1, с. 430].

Откуда же берутся такие члены движения? Арендт даёт понятия терминам «масса» и «толпа», разделяя их. «Масса»- определённое количество равнодушных людей, которых нельзя объединить ни в какую-либо организацию, основанную на общем интересе [1, с. 414-415]. Массы существуют в каждой стране, это по сути люди, которые не заинтересованы политикой и происходящими событиями в стране и мире, и, как правило, они не состоят ни в какой партии. «Толпа» - это прежде всего группа, где сформированы остатки всех классов» [1, с.166]. Она, как правило, выступает за сильную личность и вождя, при этом ненавидит общество, потому что из него она исключена. «Толпа-дно буржуазного класса» - пишет Арендт [1, с.447]. От членов тоталитарного движения требуется преданность и, как правило, такое требование, по мнению Арендт, вожди выдвигают ещё до захвата власти. Цель этого движения – втянуть и организовать как можно больше людей, а политической цели нет [1, с. 433]. Также Х. Арендт говорит о создании фасадных организаций, то есть это тоталитарные легальные организации, которые имели свою агитационную систему (плакаты и вывески) и набирали сторонников из числа «сочувствующих лиц» [1, с.479]. Шло создание фальшивых министерств, таких как образования, культуры и спорта. Министерство образования, например, контролировало высшие школы, где было самоуправление, а штурмовики создавали видимость армии.

Хайдеггер утверждает то, что «масса – это не общность народа» [4, с. 128]. Она изнутри всё будет уничтожать и всё больше людей превращается в массы. Толпу он отождествляет с массой и говорит о том, что её нужно постоянно «кормить» тайнами, «масса требует хлеба и зрелищ» [4, с.421]. В принципе он согласен с Арендт, но не разделяет в своих размышлениях «массу» и «толпу» на отдельные термины.

По мнению Хайдеггера, лишь немцы могут спасти западноевропейскую историю, которая близится к концу, в связи с упадком системы ценностей и невозможностью достичь Dasein, то есть понимать Бытие. Но биологизм, который развивался так же стремительно, как и техника, затуманивал сознание немецкого народа, что тормозило его. Наука лишь стала нужна для того, чтобы объяснить, почему немцы –это исключительный народ с точки зрения дарвинизма. Впоследствии Хайдеггер утверждает, что нацисты – это не та самая арийская раса, они лишь борются сейчас за свою сущность и растят её и через поколение появятся те, кто сможет понять Бытие [4, с. 343]. Арендт, приводит в доказательство Хайдеггеру высказывание Гимmlера (рейхсфюрера СС): «Мы не ждём, что вы станете немцами из оппортунизма. Однако, мы надеемся, что вы подчините свой национальный идеал более великому расовому и историческому идеалу, германскому Рейху» [1, с.536]. Гимmlер утверждал, что они в процессе создания господствующей расы, поэтому в разных странах были созданы подразделения СС.

Нацисты создали расовое общество, на которых люди делились на расовые полноценные и расовые неполноценные (евреи, славяне, цыгане).

Как известно, гитлеровцы приняли в 1935 году Нюрнбергские расовые законы, по которым было определено, что евреем считался тот, в ком текла хоть какая-то доля еврейской крови. Люди ограничивались в правах по долям крови, которая у них присутствовала – 1/2, 1/4 или 1/8.

Хайдеггер говорит о том, что евреи далеко не мирная раса, они на «службе у беспочвенности», разрушающая всё, в том числе и историю. Разрушением они занимались посредством ростовщичества, то есть спекуляциями, тем самым запутывая остальных [5, с.116], при этом показывая еврейскую манеру, то есть «присваивать себе и тем самым утверждаться, демонстрируя превосходство» [5, с. 380]. Но как достигается это? Это достигается посредством махинаций, которым пользовался и национал-социализм.

Арендт пытается объяснить антисемитизм, вспыхнувший в XX веке. Так как евреи являлись ростовщиками, банкирами и дипломатами они имели большое влияние по всей Европе и своего рода были связующим звеном. После того, как мировая экономика стала переживать кризис, и целью войн стало не заключение договоров, а смерть, евреи стали не нужны. Зародившиеся пандвижения привели к тому, что возникла идеология ненависти к евреям, «и это стало началом конца европейского еврейства» [1, с. 331]. Такое отношение к евреям проистекало из страха: «неужели евреи тот самый народ, который избрал Бог, кому успех гарантирован божественным провидением?» [1, с. 332]. Страх пандвижений перед евреями привел к нацистской расовой политике, по мнению Арендт, что вытекло впоследствии в концентрационные лагеря, которые создавались якобы для получения дохода, но на самом деле они лишь содержали своих надзирателей.

Расовая политика включала в себя не только решение еврейского вопроса, но и как пишет Арендт, для очищения расы Гитлер говорил о ликвидации больных шизофренией и семей, у которых были родственники больные сердцем или лёгкими, но это только после решения еврейского вопроса [1, с. 513].

Согласно Ванзейской конференции, состоявшейся в 1942 году, было принято «окончательное решение еврейского вопроса», то есть уничтожение евреев. В работе «Банальность зла» Ханна Арендт рассматривает дело оберштурмбаннфюрера СС Адольфа Эйхмана, который руководил отделом IV-B-4, занимавшимся еврейским вопросом. В результате Эйхман руководил высылкой евреев в концлагеря для их уничтожения. Арендт пришла к выводу, что Эйхман был лишь винтиком в системе тоталитарного государства, которое задавливало личность настолько, что она готова была лишь выполнять приказы сверху [2, 369].

Мартин Хайдеггер и Ханна Арендт – известные философы, которые рассматривали явления, происходившие в мире и в своей стране объективно. Даже несмотря на то, что Мартин Хайдеггер в 1933 году вступил в НСДАП и говорил об особом духовном национал-социализме, который не смог воспринять даже члены партии, так как этот национал-социализм был объяснен им посредством философии, он всё равно оставался членом партии долгие и долгие годы, хотя некоторые исследователи утверждают, что он ушёл от нацизма ещё в 1934 году.

Ханна Арендт, которая оправдывала своего учителя и возлюбленного, смогла благодаря Хайдеггеру выявить концепцию тоталитарного государства, и попытаться объяснить причину антисемитизма и расовой политики, которую проводили нацисты.

Йозеф Геббельс, ближайший сподвижник Гитлера, сказал, что «нацисты, в случае ухода, знают, как так громко хлопнуть за собой дверь, чтобы их не забыли веками» [1, с. 440]. И у них хорошо получилось хлопнуть этой дверью.

Библиографический список

1. Арндт Х. Истоки тоталитаризма. - М., 1966. – 672 с.
2. Арндт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме. - М., 2008. - 427 с.
3. Хайдеггер М. «Чёрные тетради» и Россия. /под ред. Ларуэль М., Э. Фай, М., 2018. – 368 с.
4. Хайдеггер М. Размышления II-IV (Чёрные тетради 1931-1938). - М., 2016.- 584 с.
5. Хайдеггер М. Размышления VII-XI (Чёрные тетради 1938-1939). - М., 2018. -525 с.

Сведения об авторе:

Токарева Любовь Владимировна, студентка факультета истории и международных отношений Брянский государственный университет им. академика И.Г.Петровского», lyubov.tokareva.97@mail.ru

УДК 9.94(4)

А.А.Турыгин, Л.В. Хабибова

КОНЕЦ ИЛЛЮЗИЙ: ПАНГЕРМАНСКИЙ СОЮЗ И ТРЕТИЙ РЕЙХ

Аннотация. В статье речь идёт о существовании Пангерманского союза во времена Третьего рейха. Анализируются этапы истории Пангерманского союза и эволюция политической стратегии. Намерения лидеров пангерманцев организовать коалицию правых сил вместе с NSDAP не имели успеха и еще большие расколы правые националистические силы в начале 1930-х годов. Поскольку с Пангерманским союзом и его элитарностью нацисты связывали прошлое старой империи, они отказали пангерманцам в поддержке и предпочли добиваться власти самостоятельно. В статье анализируются успехи и неудачи пангерманцев, желавших сохранить власть и политический авторитет в новых условиях. Разногласия между пангерманскими и нацистскими лидерами привела к тому, что в 1939 году Пангерманский союз был закрыт. Причиной тому стали нерешительность и политические ошибки руководителей Пангерманского союза. Пангерманский союз рассматривается как предшественник нацизма. Многие из деятельности пангерманцев было перенято нацистами.

Ключевые слова: Веймарская республика, национализм, Пангерманский союз, Третий рейх, нацизм, политическая тактика, партия, Гарцбургский фронт, коалиция правых сил, Гугенберг, гестапо, Служба безопасности рейхсфюрера СС

А.А. Turygin, Lyubov Chabibova. End of illusions: Pan-German league and the Third Reich

Abstract The paper discusses the existence of the Pan-German league at the time of the Third Reich. The author analyses historic stages of the Pan-German league and evolution of the political strategy. Intentions of leaders of Pan-Germans to organize the right-force coalition together with NSDAP failed and led to a deeper split among the right nationalist forces in the early thirties. As Nazis connected the past of the old empire with the Pan-German league and its elitism, they refused to support the Pan-Germans and preferred to gain power independently. The article studies successes and failures of the Pan-Germans who wished to keep the power and political authority in the new situation. Disagreements between Pan-German and Nazi leaders resulted in the dismissal of the Pan-German league in 1939 due to indecision and political mistakes of the league leaders. The Pan-German league is considered the predecessor of Nazism. Numerous Pan-German practices were adopted by Nazis.

Keywords: Weimar republic, nationalism, the Pan-German league, the Third Reich, Nazism, political tactics, party, Harzburg Front, the right-force coalition, Hugenberg, Gestapo, Security Service of the Reichsführer-SS.

История пангерманизма за 80 лет, прошедших с момента прекращения деятельности Пангерманского союза в 1939 году, обсуждалась тысячи раз под самыми разными углами зрения историками, политиками, общественными деятелями разных стран. Центральными темами дискуссий о пангерманизме в разное время становились преимущественно те, которые раскрывали роль Пангерманского союза в подготовке военных планов правительства рейха накануне Первой мировой войны и в радикализации общественного мнения под влиянием «аннексионистской волны, охватившей всю Германию из-за военных успехов в августе и сентябре» (Ф. Фишер) [7, с. 122], а также в преемственности пангерманизма и национал-социализма, об актуальности которой высказался в 40-е годы XX века Фридрих Мейнеке: «Можно ли дальше сомневаться, что пангерманцы и Немецкая отечественная партия поспособствовали приходу Гитлера к власти?» [28, р. 30].

Принимая во внимание многочисленные оценки, можем ли мы добавить что-то новое в понимание сути пангерманизма, его роли и значения в истории Германии начала XX века? Текущие проекты оцифровки и издания архивных документов, в том числе неопубликованных ранее воспоминаний Генриха Класса [22], инициированные специалистами Исторической комиссии Баварской Академии наук под руководством Бьёрна Хофмайстера, новейшие исследования Райнера Херинга (2003) [23], Штефана Фреха (2009) [21], Йоханнеса Ляйхта (2012) [26], Барри Джекиша (2012) [24] и др. обращают внимания на ранее неизученные аспекты истории пангерманизма: биографии членов Пангерманского союза, деятельность местных отделений (филиалов), уровни профессиональной и гендерной репрезентации пан-

германизма (например, участие женщин и зубных врачей в деятельности Пангерманского союза), попытки сотрудничества и конкуренцию с нацистами и т.д.

В истории Пангерманского союза, образовавшегося на волне национально-патриотического подъема в последнее десятилетие XIX века, 30-е годы XX века занимают особое место. Историки пангерманизма обычно обходят его стороной, справедливо полагая, что в годы Третьего рейха Союз окончательно утрачивает контроль над общественным мнением, замыкаясь на своей элитарности, а все попытки участия в политической жизни обычно заканчиваются внутренними конфликтами, отягощенными борьбой за власть, и конкуренцией с нацистами [15, 16, 31]. Любые попытки пангерманцев закрепить за собой право называться главными идеологами и предшественниками национал-социализма, подчеркивая свою исключительную роль в консолидации правых националистических сил в первые годы существования Веймарской республики, наталкивались на болезненную критику вождей будущего рейха. Обвинения пангерманцев в «ничтожности», «политической несостоятельности», «негативности», и, как следствие, «отказ [Пангерманскому союзу] в праве на существование» [3, л. 1], тем не менее, не кажутся полностью необоснованными ввиду того, что нацисты, не желая того признавать, так или иначе многое заимствовали: политические концепции исключительности германской расы, расширения «жизненного пространства», антисемитизма, организационные принципы выстраивания вертикали власти во главе с «фюрером» и опыт создания широкой сети филиалов Союза по всей стране, привлечение к участию в политике женщин, формы и методы массовой пропаганды «короля прессы» - пангерманца Альфреда Гугенберга и др.

Генрих Класс

Давая оценку периоду существования Пангерманского союза при национал-социализме, американский исследователь пангерманизма Барри Джекиш выделил в его истории три основных этапа: Первый этап (1929-1930), когда руководство Союза принимает решение изменить тактику «пангермански ориентированной Немецкой национальной народной партии» (Й. Флеминг) [20, S. 302], способствовал избранию председателем партийной фракции в рейхстаге Альфреда Гугенберга вместо Куно фон Вестарпа и развернув широкую кампанию против «Плана Юнга» по последовательному снижению репарационных выплат для Германии. Кризис руководства партии и провальная агитационная кампания привели к падению популярности Пангерманского союза. Второй этап (1931-1933) связан с попытками договориться с руководством НСДАП накануне третьих президентских выборов в Германии (1932), что привело к конфликту с нацистами накануне назначения Адольфа Гитлера рейхсканцлером. Третий этап (1933-1939) характеризовался борьбой за выживание, усилением агонии Пангерманского союза, и, как следствие, его роспуском в 1939 году [24, p. 159].

Первые контакты пангерманцев с Гитлером были установлены еще в самом начале 1920-х гг., практически сразу после образования НСДАП. В течение долгого времени филиал Пангерманского союза в Мюнхене, возглавляемый юристом Фердинандом Путцем, оказывал существенное влияние на развитие НСДАП, это признавали и сами национал-социалисты. Лидер пангерманцев **Генрих Класс** знал об этом, называя нацизм «детищем Пангерманского союза» [25, S. 193]. Основанием для подобных заявлений стала послевоенная тактика пан-

германцев, в основе которой лежала идея создания широкого оппозиционного фронта правых националистических сил, способного захватить власть. С целью консолидации масс под влиянием Пангерманского союза были образованы две организации, которые, по словам Й. Петцольда, стали «первыми предвестниками НСДАП» [32, S. 12]: *Независимая комиссия по вопросам заключения германского мира*, которую возглавил апологет подводной войны и активный сторонник заключения Германией только победоносного мира, историк Дитрих Шефер [17, p. 339], и *Партия немецкого отечества (DVLП)* В. Каппа и А. фон Тирпица, к руководящему комитету которой после её основания в сентябре 1917 года присоединились члены Комиссии. После неудачного путча 1920 года членом партии Антоном Дрекслером была основана *Немецкая рабочая партия (DAP)*, предшественница НСДАП. Контакты и тесные финансовые связи между Пангерманским союзом и партией Дрекслера, а позже и НСДАП, обеспечивались и поддерживались при участии пангерманца и члена обеих партий, мюнхенского издателя Юлиуса Фридриха Лемана. Напоминая Гитлеру об оказанных ранее услугах и финансовой поддержке, член высшего руководства Пангерманского союза Альфред Гугенберг в письме по случаю годовщины назначения Гитлера рейхсканцлером в январе 1934 года писал: «Возвращаясь к событиям 30 января, я испытываю потребность выразить свои чувства в том, что все еще придерживаюсь всех тех мыслей и целей, которые соединили нас тогда» [19, p. 115].

Для молодого Гитлера Генрих Класс был своего рода образцом политической воли. После знакомства с политическим эссе Класса «*Если бы я был императором...*» (1912) Гитлер несколько раз встречался с объектом своего восхищения в Берлине и Мюнхене, заметив в 1923 году: «Я оставил Вену антисемитом, смертельным врагом марксистского мировоззрения, пангерманцем по образу мыслей» [27, S. 82].

После неудавшегося Пивного путча нацисты изменили тактику, полагая, что политическая власть может быть приобретена только конституционным способом. Это вызвало недовольство Класса и его сторонников. Вероятнее всего, Класс опасался конкуренции в рейхстаге, где пангермански ориентированная *Немецкая национальная народная партия (DNVP)* начала терять голоса и поддержку избирателей после конфликта лидера партии графа Куно фон Вестарпа и Гугенберга, возглавившего партийную фракцию [6]. Выход фракции НННП из правительственной коалиции и отставка фон Вестарпа привели к расколу партии в тот самый момент, когда нацисты начинают создавать массовую платформу собственной партии. Сентябрьские выборы 1930 года в рейхстаг показывают стремительный взлёт НСДАП, оказавшейся на втором месте после социал-демократов, и падение популярности НННП со второго места на пятое.

Класс упорно отказывался видеть в успехе нацистов шаг на пути к их большей политической независимости от других правых организаций, продолжая видеть в нацистском движении союзника. После выхода из партийной фракции НННП умеренных депутатов вслед за фон Вестарпом, партийных чисток в рядах партии и филиалах Пангерманского союза с целью усиления позиций Гугенберга, Класс восторженно приветствовал выборы 1930 года, убежденный в том, что для «очищен-

Альфред Гугенберг

ной» НННП пятое место на выборах уже успех, который в дальнейшем можно будет усилить нацистами: «Не Гугенберг или Гитлер, а Гугенберг и Гитлер!» [10, S. 155].

Убежденность Класса в союзе с Гитлером и в том, что тот непременно воспользуется политическим опытом и опекой Пангерманского союза, всё же не была абсолютной в связи с введением в самом начале 1930-го года двойного членства в НСДАП, нанесшего удар по самолюбию и авторитету пангерманцев [34, S. 271]. Намерению преодолеть возможные расхождения, забыть старые обиды¹ и наметить пути сближения соответствовала идея встречи в Бад-Гарцбурге. Её автором был Гугенберг, который сделал публичное заявление, изобразив из себя патриота и жертву обстоятельств: «Со всей страны вот уже несколько месяцев подряд мне приходят сотни писем. В них звучит один вопрос: «На выборах 1930 года ты сказал: «Сделаем правое крыло сильным!». Тысячи поняли это как сигнал поверить национал-социалистам, которые образуют сегодня правое крыло. Однако позволю заметить, что сегодня правое крыло все еще образуем мы. В духе пробуждения национального самосознания нам нет равных. Никто с большей ясностью не ведет борьбы с марксистами и союзниками, как руководимая мною партия... Теперь я доказал, что во имя национальной оппозиции способен поставить на карту даже собственную партию» [12, S. 266].

Встреча лидеров НННП, НСДАП, Пангерманского союза, «Стального шлема», а также промышленных магнатов и представителей рейхсвера состоялась в Бад-Гарцбурге 11 октября 1931 года. Общим требованием собравшихся являлась отставка правительства рейхсканцлера Брюнинга и назначение новых выборов. Хотя на съезде правых национальных сил обнаружилось редкое единство мнений в отношении тактики, в судьбе Пангерманского союза он сыграл определенную роль. По мнению Й. Ляйхта, гарцбургский съезд обнаружил падение авторитета и «утрату значения пангерманцев» [26, S. 374-379]. Так, доклад лидера пангерманцев Класса, развивавшего идею диктатуры уже более десятка лет, из-за изменений в программе выступлений был не только сокращен, но и поставлен не в самом начале, а после докладов Гугенберга, Гитлера и Зельдте. Перспектива создания коалиции правых сил с целью смещения рейхсканцлера Брюнинга и создания националистического правительства во главе с Гугенбергом не импонировала Гитлеру, который дал понять, что намерен получить власть на собственных условиях. Итогом встречи в Бад-Гарцбурге стало размежевание националистических сил: Гитлер предпочел собственную политическую стратегию, в то время как остальные поддержали кандидатуру Гугенберга. Раскол в националистическом лагере усугубился на фоне президентских выборов 1932 года, когда с намерением баллотироваться выступили одновременно Гитлер и Теодор Дюстерберг, кандидат от НННП и «Стального шлема».

Открытый конфликт между пангерманцами и нацистами случился во время президентской (март-апрель) и парламентской (июль, ноябрь) предвыборными кампаниями 1932 года. Национал-социалисты стали открыто противодействовать и мешать организации и проведению в Баварии собраний членов Пангерманского союза с целью недопущения единства действий националистического фронта, от которого сами же отмежевались. Поводом для подрывной деятельности стало то, что руководящий комитет Союза во главе с Классом публично обвинил национал-социалистов в «сближении» с демократическими партиями (речь идёт о сближении НСДАП с партией Центра, отстаивавшей идеалы христианской демократии) и, как следствие, нарушении основополагающего консенсуса всех националистических сил в

¹ После провала Пивного путча на суде Гитлер пытался обвинять Класса, отводя подозрения от себя самого, будучи недовольным отказом пангерманцев в поддержке выступления национал-социалистов в 1923 году и тайными переговорами Класса с «баварским триумвиратом» за спиной Гитлера.

стране. Подобное заявление авторитетного пангерманского лидера могло расстроить планы Гитлера по созданию массовой социальной платформы партии накануне выборов. Однако тактика заигрывания Гитлера с электоратом демократических социалистических партий, использование им «социализма» не только в названии партии, но и в стремлении «отобрать массовую базу у СДПГ и профсоюзов» [2, с. 70], обещая новое будущее, оказалась действенной, приведя НСДАП к триумфу на первых июльских и вторых ноябрьских выборах в рейхстаг в 1932 году. Размышляя о причинах успеха Гитлера накануне выборов, современник, социолог Кильского университета Рудольф Хеберле отметил, что, даже «рискуя подвергнуться опасности разбавления», НСДАП сделала всё, чтобы максимально воспользоваться последствиями экономического кризиса, продемонстрировав заботу о немцах так, что «те, кто еще осенью 1932 года чурался Гитлера, как нечистой силы, после [...] стали утверждать, что в душе всегда ощущали себя национал-социалистами, просто недооценивали движение, а оно оказалось тем, к чему они всегда стремились». К таким политическим «обывателям» Хеберле отнес «демократов, членов Народной партии и Центра» [5, с. 166-167].

Имея в виду тактику НСДАП, пангерманцы заявили, что «марксистские тенденции», применительно к социалистическим порядкам в экономике, стали занимать все больше и больше места», чем «националистические», что привело к недовольству национально-консервативных элит [26, S. 385]. В этой связи 21 октября 1932 года президиум Пангерманского союза во главе с Классом опубликовал на страницах *Alldeutsche Blätter* ноту, в которой говорилось об отказе в содействии и поддержке НСДАП на предстоящих выборах [11, S. 177]. Таким образом, с октября началась открытая конфронтация между Пангерманским союзом и НСДАП. Фюрера НСДАП Гитлера пангерманцы, вдохновленные своим лидером, публицистом и знатоком истории Классом, открыто стали называть *Adolphe Légalité* [29, p. 212], намекая на Филиппа Эгалите и «законные» возможности республиканского правления, которые использовались нацистами в борьбе за власть. Будучи убежденными в том, что «процветание нации возможно только тогда, когда она доверяет свою удачу элите» [24, p. 178], и объявив себя единственными представителями чистого национализма, пангерманцы стали критиковать все попытки Гитлера расширить социальную базу собственной партии за счет *Партии католического Центра* (Гитлер критиковал Партию Центра за сотрудничество с прусскими социал-демократами, за «союз с чёртом, с марксизмом», привлекая на свою сторону христиан заявлениями, что именно «нацисты хотят наполнить немецкую культуру христианским смыслом» [1, с. 69-70]). По этому случаю один из пангерманских активистов иронично заметил, что «Центр клянется в непогрешимости Папы, а национал-социалисты клянутся в непогрешимости Гитлера» [24, p. 178]. Критике подверглось сотрудничество нацистов с коммунистами во время транспортной забастовки в Берлине накануне ноябрьских парламентских выборов 1932 года [33].

Момент для критики Гитлера был выбран крайне неудачно, так как это совпало с его политическим восхождением, а общественность явно симпатизировала национал-социалистам. Тактика Класса привела к сокращению численности Пангерманского союза (1922 г. – 52000 чел., 1932 г. – 8000 чел.). Консолидация пангерманцев после 30 января 1933 года была вызвана уже не соображениями политической стратегии, а тактикой сохранения (удержания) власти. Это подтвердило полную несостоятельность Союза, даже несмотря на то, что сам Класс был приглашен в качестве «гостя» на заседания национал-социалистической фракции в рейхстаге. Теперь нацисты стали своего рода «опекунами» Пангерманского союза, рассматривая его скорее как ресурс своей политической игры.

Назначение Гитлера рейхсканцлером 30 января 1933 года ознаменовало начало нового и последнего этапа в истории Пангерманского союза. Возглавив правительство, Гитлер

предпочел заняться укреплением нацистской партии, устранением как внешней, так и внутренней оппозиции, не рассматривая Пангерманский союз в качестве реальной угрозы. Вероятными причинами утраты интереса к пангерманцам стали, во-первых, внепартийный статус организации и сокращение в несколько раз численности Пангерманского союза (1922 г. – 52000 чел., 1932 г. – 10.000 чел. [14, S. 10; 15, p. 102-121; 25, S. 17; 31, S. 24]). По сравнению с НСДАП, численность которой к 1933 году достигла 850000 человек [18, S. 155-177], Пангерманский союз казался «малым делом мелких людей» (Дизраэли). Пангерманский союз все больше напоминал пережиток ушедшей националистической эпохи, архаичный элитарный клуб со старыми членами и узкими перспективами будущего роста. Во-вторых, Пангерманский союз не представлял принципиальной угрозы для нацистов из-за общности взглядов, включая расовую чистоту и экспансию, а его лидеры, так или иначе, оставались на стороне нацистского режима. Но, даже несмотря на то, что для нацистов Пангерманский союз уже не казался помехой, практически сразу за ним было установлено наблюдение. В донесении, поступившем в Берлин из мюнхенской штаб-квартиры НСДАП на *Brienner Straße*, было указано, что «Пангерманский союз развивает значительную деятельность, которая, кажется, направлена против НСДАП» [36, л. 5].

Сигнал из Мюнхена был принят к сведению. Секретные агенты гестапо с 1936 по 1938 годы подготовили серию докладов, сделанных на основе тайной слежки и наблюдений за деятельностью Пангерманского союза и собранных в длинный отчет, который был представлен высшему нацистскому руководству. Отчеты предоставлялись в Главное управление (*Hauptamt*) Службы безопасности рейхсфюрера СС (*Sicherheitsdienst des Reichsführers SS*). Донесения поступали на адрес гестапо (Prinz-Albrecht-Straße, 8) рейхсфюреру СС и шефу немецкой полиции Генриху Гиммлеру. Сведения специальных агентов, собранные для отчета, содержат нацистское видение истории Пангерманского союза, члены которого выглядели как интеллектуалы старого режима, с монархическим настроением и элитарностью. Так, в донесении от 31 августа 1937 года о собрании филиала Пангерманского союза в Гессене сказано: «Не подлежит сомнению отношение Пангерманского союза к монархии. Уже в апреле 1934 года в Бад-Хомбурге-фор-дер-Хёе оратор Рейнике, прочитав письмо прусского премьер-министра о том, что против собраний (Пангерманского союза – *авт.*) нет никаких возражений, но пропаганда монархизма запрещена, подчеркнул, что Союз по-прежнему остается монархически настроенным и поэтому не позволит даже премьер-министру давать предписания [...] На собрании 15 февраля 1934 года во Фрауштадте Грубе дал понять присутствующим, что только сильная монархия может поставить Германию на ноги [...] Сообщается, что во время собрания в Гамбурге 12 февраля 1935 года некоторые из немногих присутствующих молодых людей демонстративно носили императорскую корону на отвороте пиджака» [3, л. 11-12].

Шпионская сеть гестапо охватила не столько главный офис Пангерманского союза в Берлине (Lützowufer, 5), сколько его филиалы. «Преследование союзом монархических целей лучше всего иллюстрируется тем фактом, что филиал в Арнштадте (Тюрингия) 4 марта 1936 года распространил листовки союза от 1930 года, в которых жирным шрифтом указывается, что политический порядок достигается комбинацией трех высших элементов: Рейхстаг - Бундестаг - Кайзер. Распространение этих листовок на четвертом году правления национал-социалистического правительства говорит само за себя» [3, л. 18].

Досье на пангерманцев постоянно пополнялось критическими замечаниями в адрес руководства рейха и его политики: «Грубе, по-видимому, воодушевленный проявленной к нему терпимостью, наконец-то высказался 19 июня 1935 года в Нейсе перед аудиторией из девяти мужчин и двадцати шести женщин [...] Когда Грубе в ходе разговора в ироническом тоне

говорил «о сегодняшней болтовне по радио», из рядов собравшихся прозвучало: «Доктор Геббельс», на что Грубе улыбнулся, а председатель собрания никак не прореагировал. После этого полиция отдала распоряжение о домашнем аресте Грубе. О том же Грубе сообщают, что на собрании в Мюльхаузене он снова подчеркнул заслуги Бисмарка, др-ра Шахта и Гугенберга, не упоминая ни слова о фюрере, а также о том, что только после окончания встречи, услышав, как один из присутствующих официантов, старый боец, пожаловался председателю собрания на недостаток признания фюрера, Грубе сказал: «Само собой разумеется, мы также провозглашаем «Хайль» нашим национальным мужам». Такое поведение звучит как глумление над здоровым чувством простых национал-социалистов, которые не могут понять снисходительность правительства к определенному слою людей» [3, л. 8].

Пангерманцы позволяли себе критические замечания и усмешки не только в адрес нацистского руководства, но и политики рейха, низко оценивая её результаты. Примером тому является констатация пангерманцами упаднических настроений и массового «психоза» в обществе по поводу «жирового кризиса» 1936 года: «На собрании 23 апреля 1936 года в Дуйсбурге граф Брокдорфф среди прочего заявил, что во «Втором рейхе» на Пангерманский союз смотрели с недоверием из-за его пессимизма, и за это поплатились. И сейчас менталитет немецкого народа ничуть не изменился. Это ясно показал психоз из-за масла и жира прошлой зимой. Нельзя дать себя обмануть тем, что повсюду устанавливаются флаги (это восклицание было встречено выкриками «браво» и аплодисментами)» [3, л. 15]. Такие замечания в адрес правительства, не способного решить проблему импорта жиров и масел, вызывали болезненную реакцию и излишне раздражали руководство рейха. При условии, что население почти в полном объеме обеспечивалось продовольствием, Германия сохранила зависимость от импорта технических и пищевых жиров и масел. Упрёки в нарастании общественного «психоза», конечно, никак не соотносились с официальными заявлениями руководства государства о «великих достижениях нового рейха в одной только экономической области», «готовности есть поменьше жиров» и укреплении безопасности («Пушки вместо масла!») [4, с. 174], что давало пангерманцам повод для иронии. Так, любые выступления небезызвестного Грубе, которым был не кто иной, как пангерманский редактор *Hamburger Tageblatt* Карл Грубе, касавшиеся внутренней политики, сопровождалась «ироничным «тра-та-та», на что участники (собраний – *авт.*) реагировали взрывом понимающего смеха» [3, л. 10]. Критика нацизма иногда приобретала анекдотическую форму: «Кто величайший фермер? Гитлер! У него есть 65 миллионов овец, хлев, полный жирных свиней, и хромая собака» [24, р. 182]. Образ «хромой собаки» содержал намёк на перенёсшего в детстве болезнь остеомиелита Йозефа Геббельса.

Критика пангерманцами руководства и политики Третьего рейха достигла своего апогея в тот момент, когда стала адресной, персонифицированной, уязвляющей большое самодлюбие нацистских вождей, прежде всего Адольфа Гитлера. В донесениях гестапо зафиксирован случай, когда два участника собрания Пангерманского союза в Берлине высмеяли приветствие Гитлеру: «Зачем ты поднял вверх руку? Идёт дождь, или что?» [24, р. 182].

В годовом отчете Службы безопасности СС, содержащем секретные оперативные сводки за 1938 год, в отношении Пангерманского союза сделан вывод, который подвел итоги его деятельности: «Пангерманский союз является местом сбора правых противников режима, которые не обрели связи с [нацистской] партией или её объединенными учреждениями. Союз все еще питает элементы либеральных и интеллектуальных буржуазных кругов, которые всегда стояли против национал-социализма, и даже сегодня отказывается сотрудничать с [нацистской] партией или правительством в духе национал-социализма. В рядах членов Пангерманским союзом открыто распространяется деструктивная критика режима..., их пред-

ставления о внешней политике вызывают тревогу и в некоторых случаях представляют опасность для режима. Они разделяют идеи, прямо противоположные внешней политике правительства» [13, S. 75].

Оценка деятельности Пангерманского союза оказалась действенной по двум причинам. Во-первых, руководство рейха осознало, что Пангерманский союз обладает потенциалом развития для формирования источника оппозиции режиму. Основанием для решения могли стать действия пангерманцев в начале 1930-х годов и сотрудничество с активистами боевой организации «Стальной шлем» и ННП, распущенных в 1933 году. Нацисты не могли забыть размежеваний в рядах Гарцбургского фронта и участие правых националистов в президентской и парламентской кампании со своими кандидатами, отдельно от НСДАП. В упрек пангерманцам ставилось сотрудничество с масонами и даже исповедующей церковью.

Во-вторых, нацистские лидеры всерьёз восприняли угрозу режиму, полагая, что уже имеют достаточное количество доказательств, чтобы нанести быстрый удар и покончить с Пангерманским союзом.

После консультаций с начальником Службы безопасности Рейнхардом Гейдрихом, с марта 1939 года режим перешел в решительное наступление. По всей стране были закрыты филиалы Пангерманского союза и центральный офис в Берлине.

Если оценивать деятельность Пангерманского союза в годы Веймарской республики, то он, безусловно, являлся одной из первых организаций радикального национализма, категорически не принимающей идеи парламентаризма, а, напротив, защищающей авторитарное правительство во главе с националистическими элитами. Ранние попытки пангерманцев реализовать эту стратегию потерпели неудачу из-за нерешительности, проявленной в Капповском путче, что разделило правые силы, из-за сложностей, а порой противоречивости в отношениях с теми партиями, с которыми пангерманцы разделяли общие цели, как, например, с Немецкой народной партией свободы (*Deutschvölkische Freiheitspartei*), которая в октябре 1924 года объединилась с членами запрещенной после Пивного путча НСДАП, создав в рейхстаге мощную фракцию под руководством Эриха Людендорфа. Пангерманцы держались в стороне от этой коалиции, которая фактически разделяла общие с ними цели. Попытки пангерманцев сосредоточиться на партийной стратегии борьбы с Веймарской республикой, сделав ставку на Немецкую национальную народную партию во главе с Гугенбергом, не принесли успеха, а, напротив, раскололи партию после ухода из нее умеренных консерваторов во главе с Куно фон Вестарпом.

Нельзя не признать, что многое из того, о чем заявляли пангерманцы нашло свое практическое воплощение в эпоху национал-социализма: антисемитизм, расизм, расширение «жизненного пространства», консолидация силы и т.д. Так, например, нацистская *Gau Westmark* появилась из *Westmark* пангерманцев [30, S. 20], а само понятие «марка» возвращало к мысли о её создании военными методами в процессе демографической и политической германизации. Однако действия лидеров Пангерманского союза носили скорее декларативный характер. Сам Класс на вопрос о том, «что мы можем предложить» немецкому народу сразу же после войны, находясь в растерянности, ограничился лишь заявлением, что «вот уже в течение 28 лет ломает над этим голову» [35, S. 218]. В этой фразе, как представляется, раскрывается принципиальное расхождение между пангерманским и национал-социалистическим движениями, между деятельностью Класса и Гитлера. Иными словами, Пангерманский союз занимался активной пропагандой радикально-националистических и империалистических идей, и неудивительно, что из арсенала пангерманцев нацисты заимствовали многие из них [8, с. 263]. В силу подобных ограничений можно отнести пангерманцев, следуя терминологии Эрика Хобсбаума, к «изобретателям традиций» [9, с. 51], в то вре-

мя как акторами их формализации, ритуализации и многочисленных повторений стали национал-социалисты.

Библиографический список

1. Бровко Л.Н. Церковь и Третий рейх / Л.Н. Бровко. - СПб.: Алетейя, 2009. – 471 с.
2. Ватлин А.Ю. История Германии в XX веке. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. - 336 с.
3. Донесение рейхсфюреру СС и шефу немецкой полиции от 31 августа 1937 года, Берлин // РГВА. - Ф. 500. - Оп. 3. - Д. 569. - 173 л.
4. Картофель вместо свинины: Рудольф Гесс о «жировом кризисе» 1936 г. / Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945 / Н. Фрай; [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной; науч. ред А.Ю. Ватлин]. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009 – С. 173-176.
5. Наблюдения приват-доцента: к социологии национал-социалистической революции. / Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933-1945 / Н. Фрай; [пер. с нем. Л.Ю. Пантиной; науч. ред А.Ю. Ватлин]. - М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2009. С. 166-173.
6. Турыгин А.А. От «великодушной поддержки» до «стороннего наблюдения»: к вопросу о тактиках взаимодействия Пангерманского союза Класса с националистами Гугенберга (НННП) в период консервативной революции // Исторические исследования. Журнал Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. 2016. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-velikodushnoy-podderzhki-do-storonnego-nablyudeniya-k-voprosu-o-taktikah-vzaimodeystviya-pangermanskogo-soyuza-klassa-s> (дата обращения: 19.03.2019).
7. Фишер Ф. Рывок к мировому господству. Политика военных целей кайзеровской Германии в 1914-1918 гг. / Ф. Фишер; [пер. с нем. Л.В. Ланника]. - М.: Политическая энциклопедия, 2017. – 676 с.
8. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике / О геополитике: Работы разных лет. – М.: Мысль, 2001. - 426 с.
9. Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. - №1(8). – 2000. - С. 47-62.
10. Alldeutsche Blätter. 27. September 1930.
11. Alldeutsche Blätter. 42. Jg., №.22 (21. Oktober 1932).
12. Aus einer Rede Alfred Hugenburgs auf einer Versammlung der Parteivertreter der DNVP im Festsaal des Preußischen Landtags zu Berlin, 2. Dezember 1931 (Dok. 4), in: E. Holtmann (Hg.). Das Ende der Demokratie 1929-33. - Band 3. – München: Bayerische Landeszentrale für Politische Bildungsarbeit, 1995. S.266.
13. Boberach H. (Hrsg.). Meldungen aus dem Reich: Die Geheimen Lageberichte des Sicherheitsdienstes der SS. - Band 2 Jahreslagebericht 1938 des Sicherheitsamtes. - Herrsching, 1984. – 431 S.
14. Bonhard O. Geschichte des Alldeutschen Verbandes. - Leipzig-Berlin, 1920. – 291 S.
15. Chickering R. We Men Who Feel Most German: A Cultural Study of the Pan-German League, 1886-1914. London, 1984 – 365 p.
16. Hartwig E. Zur Politik und Entwicklung des Alldeutschen Verbandes von seiner Gründung bis zum Beginn der ersten Weltkrieges (1891-1914). - Jena, 1966 – 354 S.
17. Eley G. Reshaping of the German Right. Radical Nationalism and Political Change after Bismarck. New Haven, 1980. – 387 p.
18. Falter J. W., Kater M.H. Wähler und Mitglieder der NSDAP. Neue Forschungsergebnisse zur Soziographie des Nationalsozialismus 1925 bis 1933 // Geschichte und Gesellschaft. 19. Jahrg., H. 2, Die NSDAP als faschistische “Volkspartei” (1993), S. 155-177.
19. Flemming J. Identitäts- und Interpretationsprobleme konservativer Politik. Anmerkungen zum Verhältnis von Konservatismus und Nationalsozialismus, in: 1933 in Gesellschaft und Wirtschaft. - 1. - Hamburg, 1983. - S. 113-126.
20. Flemming J. Konservatismus als «nationalrevolutionäre Bewegung»: konservative Kritik an der Deutschnationalen Volkspartei 1918-1933, in: Dirk Stegmann; Bernd-Jürgen Wendt; Peter-Christian Witt; Fritz Fischer (Hrsg.), Deutscher Konservatismus im 19. und 20. Jahrhundert. - Bonn: Verl. Neue Gesellschaft, 1981. - S. 295-331.

21. Frech S. Wegbereiter Hitlers? Theodor Reismann-Grone. Biographie eines völkischen Nationalisten (1863–1949). - Paderborn: Schöningh, 2009 – 461 S.
22. Heinrich Claß und der Alldeutsche Verband, in Björn Hofmeister (Hrsg.): Heinrich Claß. Politische Erinnerungen des Vorsitzenden des Alldeutschen Verbandes 1915-1933/36 (Deutsche Geschichtsquellen des 19. und 20. Jahrhunderts, hrsg. von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften (в подготовке)).
23. Hering R. Konstruierte Nation. Der Alldeutsche Verband 1890 bis 1939. – Hamburg: Christians Verlag, 2003 – 600 S.
24. Jackisch B. The Pan-German League and Radical Nationalist Politics in Interwar Germany, 1918-39. Burlington: Ashgate Publishing Company, 2012 – 220 p.
25. Kruck A. Geschichte des Alldeutschen Verbandes 1890-1939. – Mainz/Wiesbaden, 1954. – 258 S.
26. Leicht J. Heinrich Claß (1868-1953). Die politische Biographie eines Alldeutschen. – Paderborn: Ferdinand Schöningh, 2012. – 464 S.
27. Maser W. Der Sturm auf die Republik. Frühgeschichte der NSDAP. - Frankfurt am Main, 1981. – 524 S.
28. Meinecke F. The German Catastrophe: Reflections and Recollections. - Boston, 1963 – 121 p.
29. Müller P. Hitler's Justice: The Courts of the Third Reich. - Cambridge: Harvard University Press, 1991. – 349 p.
30. Müller Th. Imaginierter Westen: das Konzept des "deutschen Westraums" im völkischen Diskurs zwischen Politischer Romantik und Nationalsozialismus. – Bielefeld, 2009. – 429 S.
31. Peters M. Der Alldeutsche Verband am Vorabend des Ersten Weltkrieges (1908-1914). Ein Beitrag zur Geschichte des völkischen Nationalismus im spätwilhelminischen Deutschland. - 2. Auflage. - Frankfurt am Main, 1996. – 323 S.
32. Petzold J. Die Entstehung der Naziideologie, in: Faschismusforschung. Positionen, Probleme, Polemik, hrsg. von Ditrich Eicholtz /Kurt Grossweiler. - Berlin, 1980, S. 261-278.
33. Röhl K. R. Die letzten Tage der Republik von Weimar: Kommunisten und Nationalsozialisten im Berliner BVG-Streik von 1932. - Frankfurt am Main/New York: Campus Verlag, 1994. - 267 S.
34. Rösch M. Die Münchner NSDAP 1925 - 1933. Eine Untersuchung zur inneren Struktur der NSDAP in der Weimarer Republik. - München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2002. – 611 S.
35. Tyrell A. Vom "Trommler" zum "Führer". Der Wandel von Hitlers Selbstverständnis zwischen 1919 und 1924 und die Entwicklung der NSDAP. – München, 1975. – 296 S.
36. Tätigkeit des Alldeutschen Verbandes im Reich. - München, 12. 11. 1934 // РГВА. - Ф. 500. - Оп. 3. - Д. 567. – 5 Л.

Сведения об авторах:

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Костромской государственной университет. e-mail: aturigin@mail.ru .

Хабимова Лариса Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Костромской государственной университет. e-mail: larissa-kh@mail.ru

НАЦИЗМ: ПОПЫТКА ЭМОЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА¹

В одном из своих романов Юлиан Семенов написал: «Когда нравится смотреть на страдания - или даже просто неудобства другого человека - это и есть фашизм... Но для вас, хорошо образованного, я уточню: это и есть настоящий национал-социализм...». Как показывают опубликованные недавно источники, именно смакование чужого страдания – одна из главных составляющих эмоционального фона фашизма. Британский журналист В. Хант, недавно собравший воспоминания (правда, только с одной стороны) о «курляндском котле», написал: «Возможно, нацисты предложили способ выплеснуть присущий некоторым природный садизм и дали возможность вести себя жестоко и бесчеловечно»². Ему же вторит М. Празан в своем документальном фильме «Айнзатцгруппы. Эскадроны смерти», когда показывает, что эти эсэсовские спецгруппы сами проводили массовые убийства и тем самым формировали чувство безнаказанности по отношению к «чужим» у местных националистов, толкая их к таким же преступлениям в еще большем масштабе.

Как такое стало возможным? Нацизм неслучайно называют «зверем из бездны». Но при этом зачастую эту бездну ограничивают консерватизмом. Между тем, это неверно. Нацизм объединил в себе целый ряд идей и духовных практик, ряд из которых он переиначил. Они широко распространились в годы Первой мировой войны. Ведь, если вспомнить, Рождество 1914 г. на франко-германском фронте проходило под знаком братания. Но уже через год об этом и подумать было невозможно. Конечно, военная пропаганда сделала все возможное, чтобы разобщить два народа и представить их смертельными противниками, хотя всю войну солдаты по обе стороны линии фронта вместе пели «Лили Марлен». И эта общность солдатской судьбы была каждому бойцу ближе и понятнее каждому, чем далекие религиозные догмы. Ведь христиане с одной стороны убивали христиан с другой стороны, отличавшихся от них только военной униформой и национальностью. Таким образом, религия потеряла наднациональный характер. Говоря шире, монотеизм «перестал работать», когда лишь случай решал, попадет ли в эту траншею снаряд, или нет. Неверие в идеалы христианства, которое не могло объяснить войну с религиозной точки зрения, распространение неоязыческих культов и спиритуализма, ранее характерных лишь для узкого круга городских интеллектуалов, в годы Первой мировой войны широко распространилось. И не только на фронте: вспомним свастики на касках немецких солдат, банкнотах российского Временного правительства и – оставленных Александрой Федоровной – на стенах Ипатьевского дома, последнего прибежища Романовых. «Заклинание от смерти», чтобы хоть как-то свыкнуться с массовой гибелью и подбодрить идущих в атаку, вылилось в обильное использование символов и атрибутов смерти. Череп с перекрещенными костями перестал восприниматься как христианский символ («голова Адама»), а ассоциировался теперь с бесстрашием прусских гусар времен наполеоновских войн. Вскоре этот же символ переключается на места кокард в эсэсовских головных уборах, а ведь заподозрить «охранные отряды» нацистской партии в излишней (христианской) религиозности сложно. Здесь они, скорее, заставляли смириться видевших эти «кокарды» со своей участью от рук их носителей.

Как же стала возможной откровенно садистские учение и политическая практика фашизма? Безусловно, чувство национального превосходства (одна из главных примет любой разно-

¹ Материал публикуется в авторской редакции

² Hunt W. Blood in the Forest: The End of the Second World War in the Courland Pocket. L., 2016. P. 150.

видности фашизма) – это обратный экстремум от пика национального унижения. Для Италии и Германии таким унижением был отказ от имперской мечты под давлением внешних сил. В Веймарской республике это усиливалось ликвидацией мощных вооруженных сил (бывшие военнослужащие стали основой незаконных полувоенных праворадикальных формирований – фрайкоров и СА), шельмование Германии на внешнеполитической арене под лозунгом Клемансо «боши ответят за всё!» и трудные социально-экономические условия, вызванные контрибуцией в пользу Антанты. Последняя позволяла себе такие откровенные бесчинства над поверженным врагом, как, например, франко-бельгийская оккупация гордости всех немцев – Саарского промышленно-добывающего бассейна. Поэтому социал-демократические кабинеты первой немецкой демократической республики, стремившиеся к англо-французскому политическому идеалу, не имели широкой массовой поддержки. Поэтому всё сильнее распространялись идеи о правящих либеральных кабинетах как «ноябрьских преступниках», устроивших революцию, чтобы захватить власть и заключить мир с Антантой накануне, якобы, неизбежной победы немецкого оружия. Никакие рациональные доводы не могли перебить этот стереотип. Он пестовался демобилизованными военнослужащими, которые теперь нашли нового врага – немецких коммунистов, которым (после краха Баварской Советской Республики) приписывались новые заговоры с целью развязать и в Германии кровавую гражданскую войну. Стоит ли говорить, на чьей стороне были симпатии и рядовых немцев, и госсужащих, и судей, сохранивших в республике свои посты? Не этим ли объясняется давно замеченный перекосяк: в 1918 – 1922 гг. левые экстремисты совершили 2 политических убийства, и все виновные в них были жестоко наказаны (10 человек казнены), а правые радикалы за тот же период совершили 354 политических убийства, и только один виновный был сурово наказан? Местное чиновничество, оставшееся без контроля со стороны вечно интригующей высшей власти, творило свою политику¹.

Идейно нацизм не был оригинален. Он прямо заимствовал мысли о расовом превосходстве у Х.С. Чемберлена, П. де Лагарда² и Редьярда Киплинга. Таковым было идеологическое наследие блестящей викторианской эпохи, основанной на нещадном ограблении европейцами азиатских народов. Империализм и есть еще одна характерная для британских, немецких, итальянских и русских фашистов черта. С другой стороны, во внутренней политике, фашизм – это глубокое недовольство либерализмом, в котором уже не государство или государь, а предприниматель – первое и главное действующее лицо. Лидерам немецкой интеллектуальной жизни не по душе сама мысль, что главный смысл будущего – «счастливое облапошивание одних народов другими». В этом для них – конец истории, эпоха бездушной цивилизации и закат Европы*. Единственная альтернатива этому – Третий рейх, выстроенный в «прусском духе»: авторитарное государство с сильными войсками, авторитетное на международной арене, опирающееся на идею служения.

Как видим, «ингредиенты» фашизма в массе своей не уникальны. Они присущи европейской культуре и общественно-политической мысли второй половины XIX – начала XX веков в целом и обострились с крахом монархических империй, резкой сменой патриархального уклада государственности и общественных отношений на капиталистический, а также неудовлетворенностью своим внешнеполитическим положением (не только как бывшей империи, но – особенно

¹ См. подробнее *Суржик Д.В.* Слишком либеральная, чтобы выжить: К 80-летию падения Веймарской республики // *Пространство и время*, 2013, № 2. С. 107 – 115.

² См. подробнее *Артамошин С.В.* Идейные истоки национал-социализма. Брянск, 2006.

* Справедливости ради, отметим, что закат европейской культурной модели выразили еще основоположники русского декаданса В.С. Соловьев и Д.С. Мережковский. Именно бессмысленность глобального мещанства и его пошлость по сравнению с романтически-феодалным служением составляли ту тяжелую атмосферу, очистить которую «революционной грозой» призывали одни деятели русского искусства, другие же увлекались своим тонким эмоциональным миром, насмешкой над бессмысленностью обывательщины или же поиском новой силы на Востоке (вспомним В. Брюсова, А.А. Маяковского и Н.К. Рериха).

для немцев – как разделенного народа, национального меньшинства в новых, постверсальских государствах).

При этом фашизм мог мимикрировать и приспосабливаться к политическим традициям той или иной страны, отдавая формальное верховенство правящей династии (итальянский пример) или же лично заняв верховное положение (фюрера, каудильо, «национального лидера»). Фашизм занимал различную позицию и по религиозному вопросу: от сотрудничества (Национальная фашистская партия Муссолини или «Аксьон франсез» Ш. Морраса) до будирования внутренних усобиц в различных конфессиях с целью их самодискредитации (гитлеровский нацизм). Главным при этом (наряду с обозначенными ранее признаками) остаются поиски внешнего врага, ответственного за все экономические, социальные и моральные беды настоящего времени (по сути – переходного периода между различными политико-экономическими формациями), апелляция к массе, концепция «третьего пути» (корпоративности) в экономике и общественной жизни, антидемократизм и антикоммунизм, террор (как индивидуальный, так и массовый – против представителей отдельных учений или целых народов) как главный инструмент политической борьбы на внутривнутриполитической и внешнеполитической арене – и все это одновременно. Еще одной общей чертой фашистских режимов было построение мононациональных, этнократических диктатур. Поэтому, например, несмотря на десятилетия своей германофобии, «Аксьон франсез» стало опорой Вишистского режима, даже формально не соответствовавшего выделенному нами «имперскому признаку» фашизма.

Свободно ли современное российское общество от вируса фашизма? Чтобы ответить на него, потомкам победителей 1945-го необходимо обладать ясным взглядом и гражданским мужеством. Да, 1990-е годы с разгулом откровенно фашистских движений, возникших в ответ на падение идеологии интернационализма и всплеска насилия к русским в бывших национальных республиках СССР (хотя некоторые листовки РНЕ призывали к единению русских, белорусов и украинцев). Сейчас националисты (за исключением дежурных жупелов) вытеснены из медийной среды, но переболело ли наше общество идеей национального превосходства?

В последний день октября 2017 г., выбрасывая утром мусор, я обнаружил возле мусорного контейнера эту книгу (иллюстрация). Как такие сильные антифашистские произведения могли оказаться на свалке (в прямом смысле)? Утрачена вера в былые идеалы, которых до конца и не познали (книга до сих пор скрипит нераскрывавшейся обложкой)? Или утрачено мужество сердца? Или не хочется портить свой счастливый мирок чужими страданиями? Или хватает своих страданий и хочется забыться в мире грез? Или тогда, в 1987 году эта книга покупалась (за три рубля) из «стадного инстинкта», чтобы украсить книжную полку? Или она должна была стать опорой, но не стала ею в «лихие 90-е», когда социализм потерпел крах?

Тогда и сейчас Левая идея – единственно твердая, ибо направлена была не в свою личную выгоду, а на всеобщее благо – дискредитирована высокопоставленными предателями и псевдоучеными, рассуждающими о «пломбированном вагоне Ленина», обсмеяна клоунами-монархистами и забыта. Возможно ли, что общество, разобщенное и больное социал-дарвинизмом, насаждаемым образом жизни «светских львиц», примет фашизм? Ведь фашизм – это радикальная форма диктатуры Капитала (со всей очевидностью это демонстрирует Украина), которая не нацелена на повышение благосостояния масс. Все социалистические лозунги нацизма – это ложь и мимикрия. Надеюсь, что украинский национализм даст нам эту прививку антифашизма кровью убитых мирных жителей Донбасса.

Хотя, объективно говоря, антифашизм сейчас не в моде. В моде – короткие стрижки, не маскирующие своего названия – «Гитлерюгенд». В моде – безграмотные квазипатриотические поделки стилистов, берущих первые попавшиеся картинки. В моде – подлость, малодушие, цинизм, социал-дарвинизм и «календарная память», которую воспитывают современные киноленты и ежедневные телепередачи о супружеских изменах, идущие в «прайм-тайм».

Фашизм действительно был зверем из бездны объективных проблем, с которыми столкнулось европейское общество на рубеже XIX и XX столетий. Эти проблемы в Европе периода «холодной войны» были «замаскированы» финансовой стабильностью. Но они не изжиты до сих пор и наоборот, они обостряются новыми (миграцией, международным терроризмом и пр.) противоречиями. Не поэтому ли Юлиан Семенов любил повторять, что фашизм невероятно живуч, а Юлиус Фучик предостерегал: «Люди, будьте бдительны!»?

Сведения об авторе:

Суржик Дмитрий Викторович, к.и.н. старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, методист Музея Победы

О сетевом издании «История. Общество. Политика.»

Периодичность и форма издания: «История. Общество. Политика» - сетевое издание с периодичностью выхода 4 раза в год.

Начало издания: декабрь 2016 г.

Учредителем и издателем сетевого издания является Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского».

Информация о регистрации: Сетевое издание «История. Общество. Политика.» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ЭЛ №ФС 77-66859 от 15.08.2016 г.

Знак информационной продукции 16+

Сетевое издание будет представлено в Научной электронной библиотеке (НЭБ) — головном исполнителе проекта по созданию Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Сайт сетевого издания: <http://www.clio-brgu.ru> поддерживает русскоязычную и англоязычную версии. Сетевое издание находится в открытом доступе: весь контент доступен пользователям бесплатно. Читатели в рамках законодательства имеют возможность искать, читать, загружать, копировать, распространять, печатать полные тексты статей или ссылаться на них.

Тематика сетевого издания

Сетевое издание специализируется на публикации научных статей, содержащих новые научные результаты в области теоретических и прикладных исследований и соответствующих по тематике следующим отраслям науки из Номенклатуры специальностей научных работников:

- 07 – исторические науки и археология;
- 23 – политология

К публикации принимаются статьи, написанные на русском, английском и немецком языках. Русскоязычные статьи включают полный текст на русском языке и аннотированную часть на английском языке. Англо- и немецкоязычные статьи, наоборот, включают полный текст соответственно на английском или немецком языке и аннотированную часть на русском языке. *Статьи публикуются на некоммерческой основе.*

Рецензирование рукописей

Все статьи, поступающие в редакцию для публикации, направляются на независимое рецензирование специалистами в данной области, имеющими в течение последних 5 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензирование организуется редакционной коллегией. Рецензии хранятся в издательстве в течение 5 лет. Редакционная коллегия направляет авторам представленных для публикации материалов копии рецензий при наличии в них замечаний или мотивированный отказ в публикации. Редакционная коллегия принимает решение о публикации статьи на основании проведенного рецензирования. Редакционная коллегия направляет копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

• Контакты

Рукописи статей, подготовленных с учетом требований редакции сетевого издания «История. Общество. Политика» следует присылать на электронную почту artamoshinsv@mail.ru
Почтовый адрес для предоставления статей: 241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, д. 14, корп. 2, каб. 201

Телефон для справок по поводу публикации и техническому оформлению статей: +7 (4832) 66-66-45

Адрес в сети Интернет: www.clio-brgu.ru